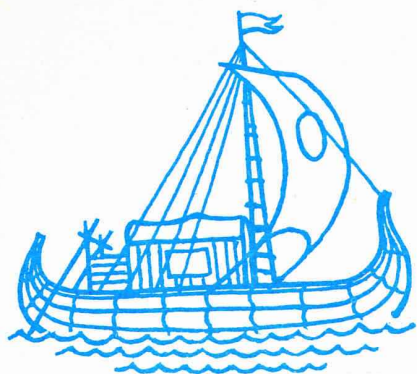

Колос

9
СЕНТЯБРЬ
1970

Костёр

9

СЕНТЯБРЬ

1970

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Сколько человеку
красоты надо

13

Папирусная лодка
плывет через океан

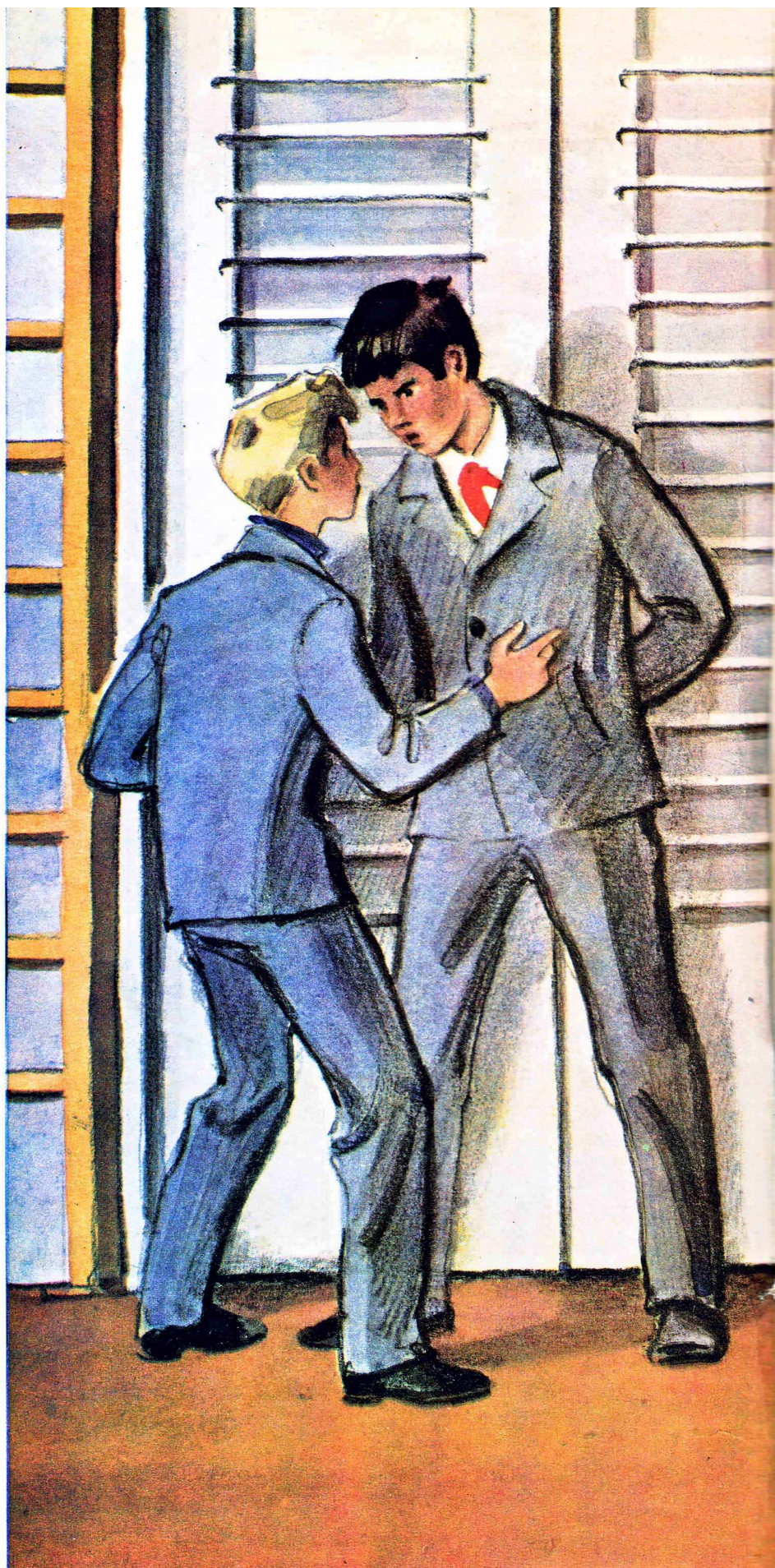
16

Самое счастливое
из счастливых
счастий

40

Давно ли появились
международные
шашки

61

ВОСЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ

ПОВЕСТЬ

Ю. Тожин

Рисунки И. Харкевича

— Отдай ключ! — приказал Олег.

— Не отдам! — строптиво ответил Саня. — Если все сидят, то и ты сиди.

Понимая, что бороться за ключ на глазах у всех совсем уже глупо, Олег молча пожал плечами. Он отошел в сторону, вспрыгнул на коня и уселся там, скрестив ноги.

Собрание, лишенное руководства, глухо гудело. Теперь, когда виновник был найден, все почувствовали облегчение. Собрание спорило, пререкалось, предлагало и отвергало.

Олег участия в обсуждении не принимал. Он ждал своего часа. Он верил, что этот час наступит еще сегодня. Тем более что Олег сидел выше всех и смотрел на всех, разумеется, сверху вниз.

Внизу пока говорили сплошные глупости, про поход.

— В лесу, знаете, как ночью темно! Даже страшно! У нас в квартире один раз свет погас и то страшно было... (Это — Вика).

— Ой, я тоже люблю, когда страшно! Так интересно... (Это — Лиля).

— А я на покойников не люблю смотреть! Тоже страшно! (Это — Саня).

— Зато в лесу клещей много. Они энцефалит разносят. Укусит такой клещ, и сразу человек становится сумасшедшим. (Это — Игорь).

Олег усмехнулся. Он представил себе, как клещ этот кусает Игоря. Приятное зрелище!

— Ну что, скоро кончите трепаться? — спросил Олег, не слезая с коня. — У меня есть одна идея. Хотя вообще-то могу и не говорить.

Олег сказал негромко, но его услышали.

— Какая идея?

— Умная, — скромно сказал Олег.

Олег спрыгнул с коня и как ни в чем не было вернулся на председательское место. Он постоял немного, ожидая полной тишины. Увидев, что все смотрят на него, Олег вдруг вытащил глаза, лицо его перекошилось от ужаса.

— Клещ! — заорал Олег, указывая пальцем на Игоря. — Клещ ползет!

Все быстро повернули головы и увидели, как Игорь вздрогнул и машинально провел рукой по рубашке.

Собрание грохнуло смехом. С Игорем было покончено. Он даже не успел ничего ответить. Понимая, что сейчас времени терять нельзя, Олег даже не стал ждать, пока все досмеются.

— Слушал я вас, слушал, — сказал Олег, — и ничего не понял. Одни клещи и покойники... Я долго рассуждать не буду. Нас из-за чего в поход не хотят пускать? Из-за того, что мы не по-товарищески относимся друг к другу. Все это дело проще жареной репы...

— Пареной, — вставил Игорь, но на него тут же зашикали.

— Нам еще почти полгода учиться, — продолжал Олег, не обращая внимания на выпад. — Так у меня есть предложение. Давайте относиться друг к другу по-товарищески.

— А как это? — спросила Лиля.

— Да никак, — ответил Олег. — Как раньше. Только Мельникову и Климова не трогать. Вообще прекратить про них всякие шуточки. Давайте договоримся так: кто про них слово скажет — тому в лоб.

— Ты первый и скажешь! — крикнул Игорь.

— Пожалуйста, тогда бей меня в лоб. Но уж если ты скажешь!... — Олег даже закрыл глаза и помотал головой от удовольствия.

— А девочек тоже бить? — спросила Вика.

— А что, смотреть на них, что ли?

— Тогда я не согласна.

Олег задумался.

— Ладно, — великодушно согласился он. — Девочек можно не в лоб, а по спине. Только если по спине, то два раза.

Девочки посовещались и заявили, что они согласны.

— Но это еще не все, — сказал Олег. — Класс должен быть дружным на сто процентов. У нас этих процентов не будет, пока Мельникова и Климов не помирятся. Если они будут сидеть на разных партах, Анна Ивановна все равно будет думать, что мы над ними смеемся.

— А если они не захотят мириться? — спросила Лиля.

— Захотят как миленькие, — уверенно сказал Олег. — Мы им все объясним. А если не захотят, Саня с ними поговорит. Верно, Саня?

— Сам говори, — отозвался Саня, в котором еще бродили микробы бунта.

— Мальчишки, хватит спорить, а то опять поссоритесь, — вмешалась Вика.

— Точно, — сказал Олег, — хватит ссориться. Хотя, вообще-то, кто хочет, может сейчас... Если кому так уж не терпится... Мы ведь с завтрашнего дня станем дружными. А сегодня последний день можно ссориться. Кто хочет? Давайте ссорьтесь быстрее.

Последние слова Олега были сказаны не случайно. Олег смотрел на Игоря, и все понимали, к кому он обращается.

Игорь усмехнулся, но ничего не ответил.

— Можно даже подражаться, — уточнил Олег.

— Можно, — не утерпел Игорь.

— Вот и хорошо, — обрадовался Олег. — Пойдем в нашу парадную. А хочешь — пойдем в вашу парадную. Мне все равно. Спокойненько подеремся. Если ты победишь, я тебе больше ни одного слова не скажу. А если я, то ты Кукину всегда будешь задачки решать. Пойдем?

Собрание внимательно смотрело на Игоря. Игорь вскочил.

— Ну и пойдем!

— Пошли! — пригласил Олег, направляясь к двери.

— Ну и не пойду! — сказал Игорь, оставаясь на месте. — Ты мне не командир. Хочу — пойду, не хочу — нет.

— А я так и знал, — сказал Олег. — Я тебя еще в четвертом классе звал, а ты не пошел. И в пятом не пошел. И в шестом не идешь. Учти, у меня нервы не железные. Я еще подожду немного... Ну уж если ты и в седьмом не пойдешь...

— Тебя еще до седьмого класса из школы выгонят! — заметил Игорь.

— Ты, что ли, меня выгонишь?

— Увидишь.

— Олечка, а по-моему, вам с Игорем тоже надо помириться, — сказала Вика.

— Это зачем еще?

— Ты же сам говорил про сто процентов.

Олег подумал.

— А насовсем или до каникул?

— Насовсем! Насовсем! — закричало собрание. Всем было интересно посмотреть, как будут мириться враги с шестилетним стажем.

— Насовсем — жирно будет, — покачал головой Олег.

Но собрание уже поняло, что хватило через край. Помирить Олега и Игоря насовсем было так же невозможно, как разжечь костер на дне моря. После короткого совещания девочки решили, что до каникул тоже неплохо.

— Давайте до каникул, — вздохнул Олег, протягивая Игорю руку.

Игорь отвернулся.

— Ох, до чего же я сегодня терпеливый, — сказал Олег.

Собрание зашумело. Кто-то даже запустил в Игоря огрызком пирожка с повидлом. Собрание считало, что Игорь не лучше других.

И пришлось Игорю отступить. Он нехотя протянул руку.

— До каникул.

Олег перевел дух и обтер ладонью лицо, как после тяжелой работы.

— Ну, ладно, — сказал он, — теперь мы такие дружные, что нас можно на выставке показывать. Пошли по домам. Все.

— Нет, не все, — сказал Игорь. — Давайте тогда и с Кукина возьмем обещание. Пускай он списывать перестанет. А то он весь класс назад тянет.

— А что Кукин... — сказал Саня. — Дружба — это одно, а списывать — совсем другое. Вам жалко, что ли?

Собранию предложение Игоря понравилось. Всем надоело стирать масляные пятна со своих тетрадей, когда они возвращаются от Кукина. По этим пятнам Анна Ивановна безошибочно определяла, у кого он списывал.

На Саню надели так дружно, что и Сане пришлось сдаться. Правда, сдался он не сразу, так как жизнь свою без чужих тетрадей представлял себе очень смутно. Саня торговался.

— Насовсем или до каникул?

— Насовсем! Насовсем!

— Насовсем — жирно будет. Давайте на полмесяца...

— Тогда — до каникул!

— До каникул — тоже долго.

— Саня, — укоризненно сказал Олег, — не позорь мою седую голову.

— Ну, ладно, — согласился Саня, — а на контрольных можно списывать?

— Нет! — дружно ответили Сане.

— Ну, смотрите сами, — пригрозил Саня, — вам же хуже будет. На контрольных-то уж я двоек нахватаю.

Но Сане никого не удалось запугать.

Когда же все поднялись, чтобы идти домой, Саня вдруг заявил:

— А еще не все.

— Как не все?!

— А кто мне на завтра даст списать?

Ребята укоризненно загудели.

— Нечего гудеть, — сказал Саня. — Мы тут два часа просидели. Я уже сам сделать не успею.

Неожиданно Саню поддержала Вика.

— А он правильно говорит. Пускай сегодня спишет, а то завтра опять двойку получит. А уж с завтрашнего дня — никогда списывать не будет. Верно, Саня?

— Железно, — прогудел Саня, которому завтрашний день казался страшно далеким. Мало ли что могло измениться до завтра.

Подумав, ребята решили, что сегодня, в день, когда родилась такая великая дружба, обижать никого не следует.

Сане была выдана тетрадка для списывания.

* * *

— Не буду я ни с кем мириться! Что вы ко мне пристали! — сказала Аня.

Но девочки, обступившие Аню, не сдавались.

Они оттеснили ее в угол класса и лживыми голосами шептали ей уговорные слова, которые произносят в таких случаях.

— Да брось ты...

— Подумаешь — чего особенного...

— Да что ты, Анька, правда, как маленькая...

В другом кругу обрабатывали Володю ребята.

— А я ни с кем не ссорился, — сказал Володя.

— Как это ты не ссорился! — изумился Олег. — Что же вы тогда на разных партах сидите?

Володя пожал плечами. Он и сам не понимал, как это вышло. Сначала Аня от него чуть отодвинулась, потом — он от нее. Двигались, двигались и оказались на разных партах. А теперь даже разговаривать перестали.

— Ты, Вовик, просто эгоист, — сказал Олег. — Ты только о себе думаешь. Неужели нам из-за тебя все лето в городе сидеть? Эх, ты... Мы бы в лесу, знаешь, как жили? Там полная свобода. Даже можно не умываться...

— Выходит — я виноват? — спросил Володя.

— Не совсем ты... Но, вообще... — туманно сказал Олег и стрельнул глазами в женский угол: как там?

Там главной уговорщицей была Вика.

— Ты на нас внимания не обращай, — сказала Вика. — Особенно — на мальчишек. Мальчишки, они все ненормальные. Если сами что-нибудь натворят, так им ничего... А если девочки что-нибудь сделают, так сразу начинают дразнить. Подумаешь — письмо написала! Ну и что такого? Ничего особенного.

— Никакого письма я не писала!

— Аня, я — про письмо в газету, — пояснила Вика, думая, что ее не понимают.

— Ни в какую газету я не писала.

— Тогда что же ты раньше не сказала? — изумилась Вика.

— А меня никто не спрашивал. Я слышала, как вы про какое-то письмо шептались. Только я думала, что это опять шутки, — подбородок Ани дрогнул, а глаза наполнились слезами.

Девочки снова горячо зашептали:

— Да брось ты...

— Подумаешь — что особенного...

— Что ты, Аня, как маленькая...

Вика сорвалась с места и бросилась в мужской угол.

— Никаких писем она не писала! Ясно?

— Ясно? — подхватил Олег, обращаясь к Володе.

— Иди ты к черту! — сказал Володя. — Что ты везде свой дурацкий нос суешь?

Слова эти и то, как они были сказаны, все было настолько не похоже на безропотного Климова, что Олег даже отступил на шаг. Он открыл было рот, чтобы сообщить Климову, что он, Олег, думает о его, Климове, носе. Но слова эти так и не были сказаны. Страшным, невероятным, сверхгигантским усилием воли Олег заставил себя сдержаться. Возможно, в эту минуту родился новый Олег — Олег какой-нибудь сто двадцатый, человек далекого будущего.

— Интересно, — громко сказал Олег, обращая свои слова в женский угол. — Один не писал, другой не читал. Наверное, никакого письма вообще не было. Может, это просто кто-нибудь пошутил? Мне один раз в лагере горячую картофелину за шиворот опустили и раздавили. Вот это больно было!...

— А про какое тогда письмо мне Игорь говорил? — отозвалась из женского угла Лиля.

— Ну и что? А мне Кукин сказал. Верно, Кукин? — сказал Игорь.

— А что Кукин? А мне он сказал, — Саня мотнул головой в сторону Олега.

— А мне Вика сказала.

— А мне — Лиля.

Минуты три, переговариваясь из своих углов, ребята выясняли, кто сказал про письмо первым. Но выяснить этого не удалось. Пройдя по кругу, следствие вернулось к Олегу, что очень ему не понравилось.

— Да ну вас... — сказал Олег. — Так это ни-

когда не кончится. Просто про письмо кто-то выдумал. Никакого письма не было — неужели не понятно? А раз ничего не было — значит, и ссориться не из-за чего. Пускай помирятся — и кончим это дело.

— Пускай сначала Климов скажет, за что он Аню ударил, — донеслось из женского угла. — Пускай он при всех прощения попросит.

— Это неправда! — звонко сказала Аня. — Ничего он меня не ударил!

Олег наморщил лоб, подумал.

— За что ты ее не ударил? — спросил он Володю, но тут же спохватился. — Тьфу! Совсем я с вами запутался. Никто ничего не писал, никто никого не ударял, а я должен разбираться. Может, это она тебя ударила?

— Не болтай глупостей, — сказал Володя.

— Интересно! — возмутился Олег. — Все согласны дружить, одни вы только против. Будете вы мириться или нет?

— Нет, — сказала Аня.

Володя ничего не сказал.

Тогда Олег и остальные ребята стали подталкивать Володю к середине класса. Девочки быстро сообразили, что к чему, взялись за Аню, которая неизвестно почему не сопротивлялась.

Володя изо всех сил старался вырваться. Он делал это молча и яростно, словно боялся за свою жизнь. Шесть человек с трудом удерживали его. Никто раньше и не догадывался, что у смиренного Климова столько силы. Он расшвырял шестерых, отскочил в сторону и встал, сжав кулаки.

— Пусть только кто-нибудь подойдет!

Но подойти никто не решался.

И тут неожиданно для всех заговорила Аня.

— Володя, — сказала она, — охота тебе с ними связываться...

— А точно, Вовик! — радостно подхватил Олег. — Ты на нас наплюй! Тогда будем в расчете. И — порядок!

Володя ничего не ответил. Он подошел к парте и сел на свое прежнее место.

Раздался первый звонок. Дружный класс начал рассаживаться по местам. Через полминуты вошла Светлана Семеновна. Улыбаясь, она сказала свое обычное «Здравствуйте, ребята» и вздрогнула, когда класс ответил ей гулким ракетным ревом:

— Здравс, Светланнн Семеннн!

Откуда было Светлане Семеновне знать, что она видит сейчас совсем не вчерашний, а совершенно другой класс.

Это был класс дружный на сто процентов, потому что Аня сидела на скамейке рядом с Володей.

В этот день все учителя, у которых были уроки в шестом «в», отметили про себя, что в классе что-то произошло. На вид ребята были как будто прежние, разве что было замечено стран-

ное перемигивание, при котором лица мигальщиков выражали непонятное удовлетворение. Но вот то, что класс делал или, вернее, чего не делал, было совершенно необычно.

За весь день — ни одной подсказки.

Ни одного подзатыльника.

Ни одного пинка ногами под партами.

Ни одного толчка в бок соседу.

И уж что совершенно удивительно — ни одной остроты Кузнецова Олега.

Когда об этом стало известно в учительской, то первой мыслью учителей было — класс провинился. Кто-то что-то натворил, разбил, сломал, и теперь все затихли, ожидая расплаты. Поэтому очередной учитель, входя в класс, внимательно оглядывал стены и потолок, ожидая увидеть разбитую люстру, выставленное стекло, заляпанную чернилами стену или, чем черт не шутит, собаку, вылезающую из стенового шкафа.

Но все оказывалось на месте, все в полном порядке. Все выглядело так хорошо, что можно было ожидать самого худшего. В этот день ни один учитель не удивился бы, услышав посреди урока взрыв какой-нибудь самодельной ракеты.

Но учебный день близился к концу, а взрывов тоже не было.

Дружный класс держался на совесть.

Но и этого оказалось мало.

К последнему уроку шестой «в» стал самым вежливым классом.

Вот как это произошло.

На четвертой перемене было замечено, что Саня о чем-то перешептывается с Володей Климовым. При этом Саня вел себя крайне подозрительно: он озирался по сторонам, как будто боялся, что его подслушают, и было похоже, что он Климова о чем-то просит. Поскольку Санины просьбы сводились всегда к одному, за ним было установлено наблюдение. И оказалось — не зря. Через минуту Саня был захвачен врасплох в тот момент, когда принимал из рук Климова тетрадку для списывания.

— Климов не виноват, — заявил Олег Кузнецов. — Он на собрании не был и не знал про Санино обещание. Зато Саня виноват целых два раза: он нарушил свое слово и хотел обмануть нас.

— Да я, может, в последний раз... — уныло сказал Саня.

— Последний уже был.

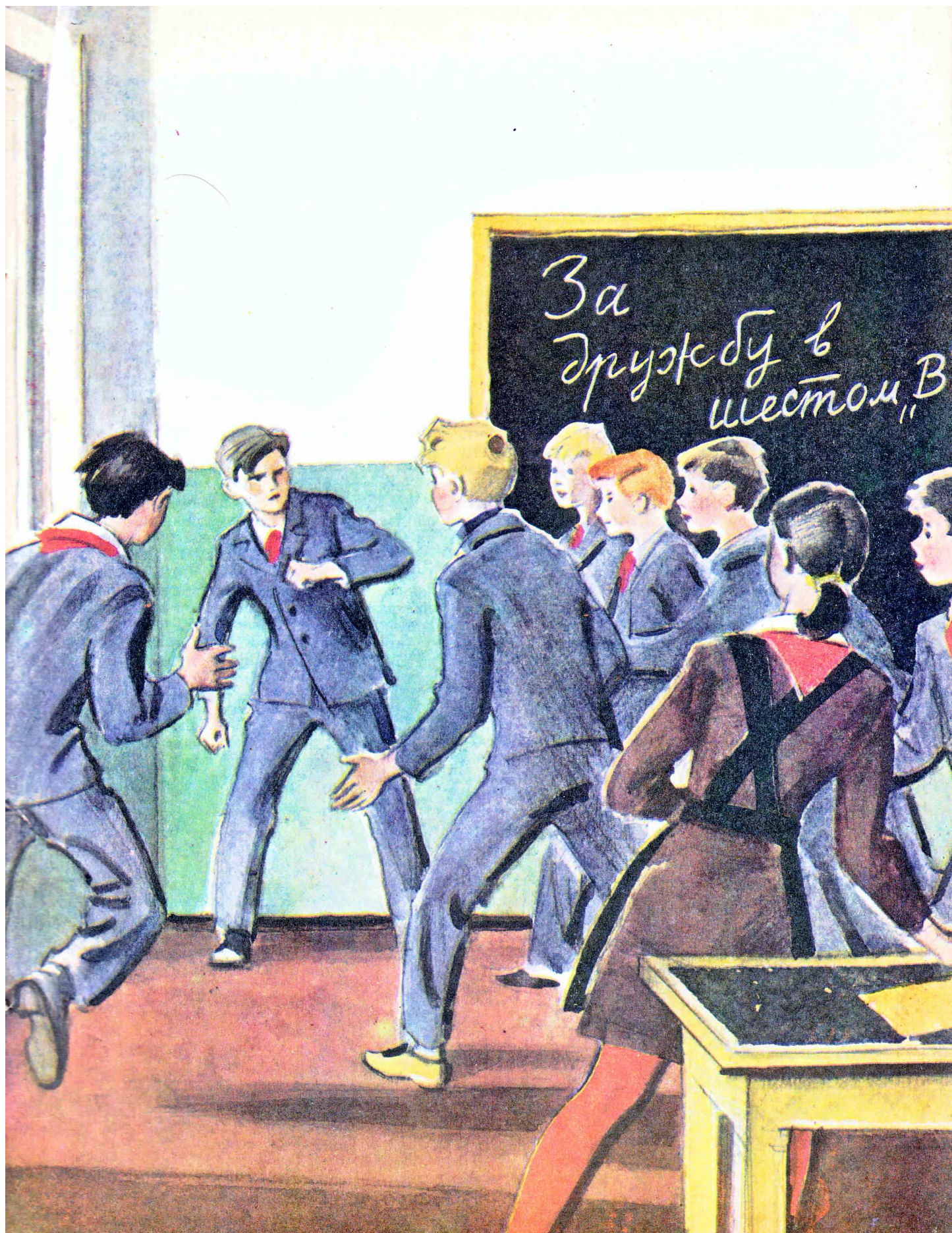
Саня рассердился.

— Больно вы все умные стали! К вам не пристаю — и вы не лезьте.

— А теперь Саня виноват уже три раза, — хладнокровно заметил Олег. — Он нарушил слово, хотел обмануть весь класс и еще грубит.

— Иди ты от меня...

Но Олега запугать было не так просто. Он произнес небольшую речь о том, как нужно по-

ступать с изменниками, и ребята с ним согласились. Они окружили Саню и стали придумывать ему наказание. Новая игра всем понравилась. Саня, бедняга, только кряхтел, когда слышал такие предложения:

Проскакать на одной ноге по коридору туда и обратно.

Поцеловать школьного кота Ваську.

Зайти в кабинет директора и попросить закурить.

Прийти на урок в одном ботинке.

Саня растерянно озирался, хлопал глазами. Он никак не мог выбраться из окружавшей его толпы. Конечно, он мог отшвырнуть парочку-другую весельчаков, но для этого пришлось бы пустить в ход кулаки, отчего немедленно развалилась бы вся дружба.

Неожиданно на помощь Сане пришел Олег.

— Ребята, это все не годится, — сказал Олег. — Саня ведь из нашего класса, верно? Значит, если он чего-нибудь сделает, то опять весь класс будет виноват. Списывать мы ему все равно не дадим. А за грубость его нужно наказать вежливостью.

Саня подозрительно уставился на Олега. Остальные тоже не очень-то поняли, какой такой вежливостью наказывать Саню.

— Это очень просто, — пояснил Олег. — Между собой мы будем разговаривать очень вежливо. А с Саней будем разговаривать совсем вежливо. Тогда ему станет стыдно и он исправится.

— Как это «совсем вежливо»?

— А вот так. Как японцы. Знаете, как японцы разговаривают?

Ребята переглянулись. Они все еще не понимали — говорит Олег всерьез или шутит. Конечно, они не знали, как разговаривают японцы.

— Ну вот, например, — идет по улице какой-нибудь человек. Навстречу ему попадается хулиган; и хулиган хочет отнять у этого человека часы... Что этот хулиган скажет этому человеку?

Ребята задумались. Каждый старался представить, что скажет хулиган. Наконец, Вика неуверенно проговорила:

— Он скажет: «Отдай часы!»

— Нет, — возразили Вике. — Он скажет: «Снимай часы, а то убью...»

— Правильно, — согласился Олег. — А японский хулиган сказал бы: «Дорогой незнакомец, будьте любезны, снимите, пожалуйста, ваши часики, иначе мне придется сделать вас уважаемым покойничком». Смысл такой же, зато — вежливо.

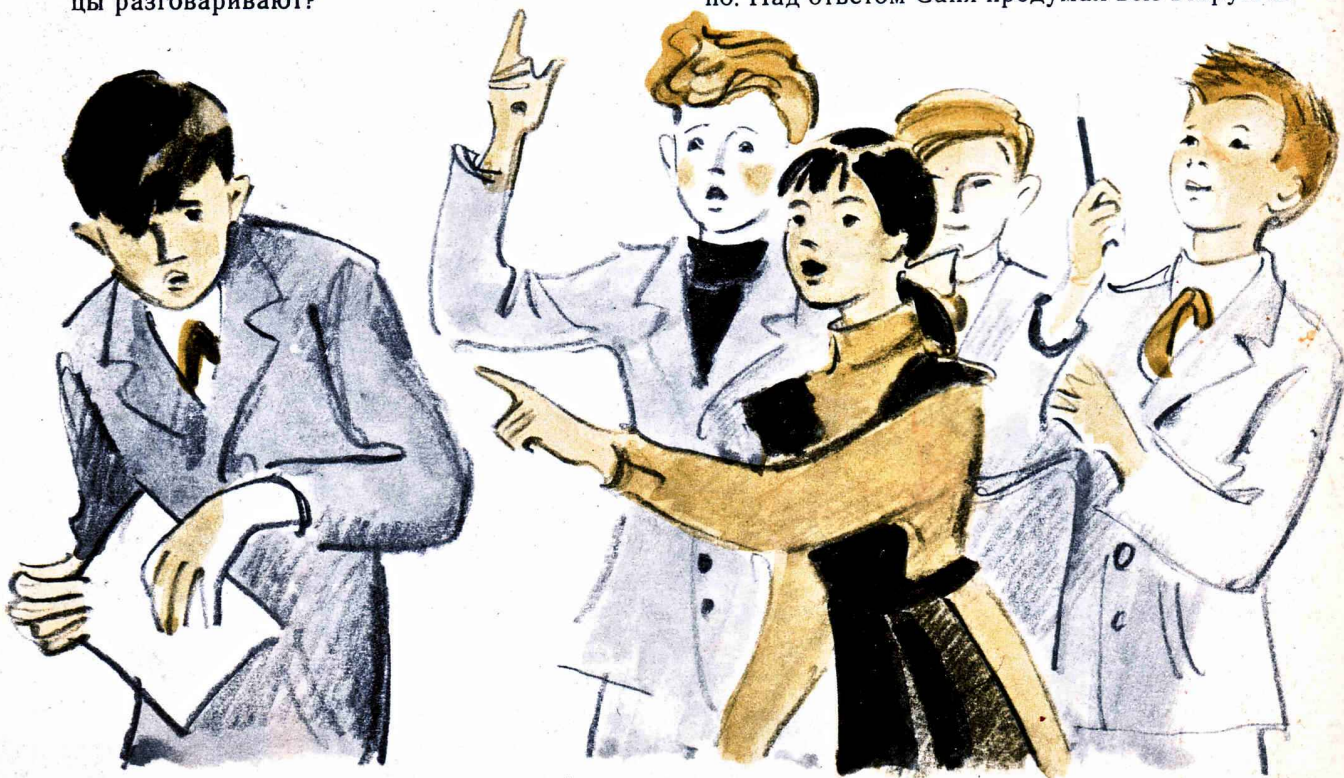
— Что же, мы будем как хулиганы разговаривать?

— Зачем? Как обыкновенные японцы.

На пятом уроке Саня получил две записки. «С. Кукину. Дорогой, сильноуважаемый Саша! Не глазей глазками по сторонам, а смотри на досочку, а то опять получишь двоечку и сделаешь бяку нашему класснику. В. Д.»

«Передать Ку-ки-Оки-Кину. Маломного-сильнонизковысокоуважаемый Санечка! Если ты еще раз стукнешь меня ручкой по спинке, то получишь ножкой по попке. И. В.»

Автора второй записки угадать было нетрудно. Над ответом Саня продумал всю вторую по-

ловину урока — ему никак не удавалось сочетать энергичность русского языка с акварельной вежливостью японского. В результате Игорь получил такое послание: «Передать Ёгью. Все равно получишь. С. К.».

Зачем понадобились буквы «ы» — об этом знал один Саня. Возможно, он полагал, что чем дальше от русского языка, тем ближе к японскому.

На пятой перемене класс стал поголовно вежливым. Ученики параллельных классов, встречаясь в коридоре с учениками шестого «в», не без удивления выслушивали такие речи:

— Уважаемый Боречка. Вам нужно вымыть ручки. У вас на пальчиках чернильное пятнышко.

— Ничего страшенького. Скоро звончек на последний урок. Зато у вас, Женечка, на щечке царапинка. Кто вас съездил по мордочке?

— Это кошечка, когда я вынимал ее из холодильничка.

Новая игра настолько всех увлекла, что на последнем уроке даже староста класса на вопрос учителя: «Кто сегодня отсутствует?» — ответил:

— Два человечка по неизвестной причине.

Но, не считая этого мелкого эпизодика, денек шестого «в» класса закончился чудненько.

* * *

— Анна Ивановна, мы очень просим не говорить ничего директору про поход.

Возле Анны Ивановны, переминаясь с ноги на ногу, стояли трое: Кузнецов, Кукин и Вика.

— Почему? — спросила Анна Ивановна. — Что же изменилось в вашем классе?

— Все изменилось, — сказал Олег.

— А все-таки?

— Мы стали очень дружные.

— Но вы же всегда и были такими, разве нет?

Олег мотнул головой. Это можно было понять как «да», но можно было понять и как «нет».

— Так что же?

— Не были.

— Как же так получилось, что вы сразу стали дружными?

— Просто мы поняли, что лучше дружить, чем ссориться.

— А еще вы поняли, что поход не трудно и отменить?

— Ага! — радостно сказал Саня и тут же получил незаметный пинок от своего лучшего друга.

— Вовсе не из-за этого, — заявил Олег.

— А если честно?

— Немножко из-за этого, Анна Ивановна, — вмешалась Вика.

— А если честно, — сказал Олег, — то, конечно, из-за этого. Но ведь это неважно, Анна Ивановна, из-за чего. Важно, что мы теперь дружные.

— Допустим даже, что так, — сказала Анна Ивановна. — В чем же проявляется ваша дружба?

— Мы теперь совсем не ссоримся между собой.

— Еще?

— Не грубим друг другу.

— Еще?

— Не смеемся над Мельниковой и Климовым.

— Еще?

Кузнецов пожал плечами: неужели мало? Что же еще надо?

— Не шумим на уроках.

— Еще? — неумолимо продолжала Анна Ивановна.

Как последнюю надежду Олег вытолкнул вперед Саню.

— Кукин у нас теперь не списывает.

— Это правда, Саша?

Кукин замаялся. Он смущенно посмотрел на Олега и немедленно получил второй пинок, на этот раз замеченный Анной Ивановной.

— Ну ладно, — сказала Анна Ивановна, — пускай даже все так и есть. Но ведь вы перечислили пока только то, что вы не делаете. А какими делами подтверждается ваша дружба?

Ребята с недоумением переглянулись — какие еще дела?

— Непонятно? — спросила Анна Ивановна. — А мне так

очень понятно. Давайте рассуждать так: человек за всю свою жизнь никого не убил, не ограбил, ничего не украл — вообще не сделал никому зла. Можно сказать, что он хороший человек?

— А разве плохой?

— Но при этом он никому не помог, ни с кем не поделился, никого ни разу не выручил — не сделал никакого добра.

— Таких не бывает, — возразил Олег, — что-нибудь он все равно сделал.

— Я с тобой согласна. И тогда его будут судить по тому, что он сделал. Так кто же окажется хорошим?

— Тот, кто не делал ничего плохого, а делал только хорошее.

— Таких тоже не бывает, — улыбнулась Анна Ивановна. — В каждом из нас есть и плохое и хорошее. Важно — что перетягивает. А насчет вашей дружбы — надо посмотреть, что дальше выйдет. Вы, кажется, уже целых два дня как стали такими дружными?

— Почему? Мы не считаем. Сколько надо, столько и будем, — сказал Олег. — А вы директору будете говорить про поход?

— Ну что ж, — задумчиво проговорила Анна Ивановна, — мне не к спеху. Пока могу обождать. Но только — пока...

* * *

Когда шестой «в» узнал, что Анна Ивановна не оценила перемен, произошедших в классе, то все немного приуныли. Старались, старались

и — на тебе. Выходит — зря дружили. Особенно всем не понравилось слово «пока». Что значит «пока»? Пока не скажет, а потом, может быть, и скажет директору про поход. И как понимать, что дружбу надо подтверждать делами? Какими делами? Хорошими? Пожалуйста, можно и подтвердить. Только где их возьмешь? Хорошие дела тоже под ногами не валяются. Когда нужно, так и днем с огнем не найдешь.

В общем, плохо пришлось бы шестому «в», если не выручил бы его тот же Олег Кузнецов. Два дня он напряженно думал, а на третий день заявил, что не обязательно начинать с больших дел, можно начинать и с малого.

Вот почему утром четвертого дня после разговора с Анной Ивановной, или, если хотите, утром шестого дня начала великой дружбы, возле школы замаячили две унылые фигуры с лопатами в руках.

Было немного больше восьми. Еще горели фонари. По-утреннему торопливые и сосредоточенные пешеходы штурмовали автобусы. Тревожительно, по-деловому звенели трамваи. Они заглатывали пассажиров и растворялись в морозной утренней дымке.

Все куда-то спешили, и только две фигуры перед школой неторопливо сходились и расходились, постукивая нога об ногу. Это были Олег Кузнецов и Саня Кукин.

Саня пришел ровно в восемь. Еще издали он заметил Олега, который в одиночестве прохаживался чарльстоном по ступеням школьного подъезда. Наверное, Олег пришел намного

раньше, потому что успел порядком замерзнуть.

— Ты что так рано пришел? — спросил Саня.

— У нас будильника нет, — ответил Олег. — Я на полчаса раньше проснулся. Давай потолкаемся.

Они потолкались немного, прыгая на одной ноге. Когда Олег согрелся, друзья стали прохаживаться возле подъезда, поглядывая на часы. Каждую минуту большая стрелка прыгала на одно деление, но время в безделье тянулось медленно.

Маленькая стрелка электрических часов, на которые поглядывали Олег и Саня, застыла на восьми, большая перепрыгнула на двенадцать. В этот самый час одни ученики шестого «в» класса торопливо вставали с постелей, другие дожевывали свои завтраки, третьи уже спешили к школе, а двое мерзли у ее подъезда. Но и те, и другие, и третьи не знали, что сейчас время подошло к той черте, когда отсчитывать нужно было уже не днями, не часами, а минутами.

8 часов 12 минут

— Холодно... — позевывая и ежась, сказал Саня. — И чего ты придумал в такую рань вставать. Ходим одни, как дурачки. Наверное, никто и не придет больше.

— А что, я плохо придумал? Я плохо не придумываю. Вот ты смотри: придет директор, а мы снег убираем. Он спросит: «Вы что делаете?» А мы скажем: «Снег убираем». Он спро-

сит: «А кто вам поручил убирать снег?» А мы скажем: «Никто не поручил, мы сами догадались. Мы решили следить, чтобы возле нашей школы было чисто. Мы решили, чтобы за всю зиму ни один человек возле нашей школы не поскользнулся». Что он тогда подумает?

— Подумает, что мы ненормальные, — сказал Саня и снова зевнул.

Олег вздохнул и укоризненно посмотрел на верного друга.

— Не знаешь ты, Саня, взрослых, — сказал Олег. — Они только и мечтают, чтобы мы стали сознательными. Директор ведь только в школе директор. А так он самый обыкновенный человек. Вроде моего отца или твоего отца. Твой бы отец тоже мог быть директором...

Саня понимал, что слова Олега — только слова, но все же вздрогнул и даже попятился. Только этого ему еще не хватало.

— Иди ты... — сказал Саня. — Ты что, с ума сошел?

Олег засмеялся.

— Ну что ты директора так боишься? Ты вообще всех боишься. А тут все просто: увидит он, что мы снег убираем, и подумает, что мы сознательные. Никто ведь не догадался — одни мы. Значит, кто в поход должен идти? Мы, конечно. И Анна Ивановна так подумает, когда увидит, как мы работаем.

— Все равно холодно, — сказал Саня.

— Если холодно, тогда погрейся. Начинай снег убирать.

— А чего убирать, если никто не видит? — резонно возразил Саня. — Сам убирай.

— Мне-то не холодно, — приплясывая, заявил Олег.

— И мне не холодно, — растирая уши, сообщил Саня.

Мимо ребят, оставляя за собой хвост черного дыма, с ревом прошла большая машина. Саня скользнул по ней взглядом.

— Дизелек, — нежно сказал Саня. — Трехосная. Все три — ведущие. Олечка, ты бы хотел шофером работать?

— Школу кончу, там посмотрим.

— А я бы хоть сейчас пошел. Только не возьмут. Там не меньше восьми классов надо. Ты как думаешь — доучусь я до восьмого?

— Так ты ведь и не учишься. Так... — списываешь помаленьку. Это же не трудно.

Саня вздохнул.

— Мне самому списывать надоело. Анна Ивановна со мной дополнительно, знаешь, сколько занималась? Когда она рядом сидит — все понимаю, отойдет — опять ничего не понимаю. Наверное, у меня мозги неправильные.

— Брось ты, Саня, мы тебе мозги выправим, — утешил Олег. — Мы с тобой заниматься будем. Это только начать трудно, а потом само будет получаться. Ты с меня бери пример. Я

вот способный, но разболтанный. И все равно у меня троек нет. А ты и неспособный и разболтанный. Конечно, так ничего не получится. Если ты неспособный, то тебе надо стать трудолюбивым. Ясно?

— А как стать? — уныло спросил Саня.

— Начиная снег убирать.

— Я тебя серьезно, а ты смеешься, — обиделся Саня.

— А ты не обижайся из-за ерунды, — сказал Олег. — У каждого человека свои мозги. У тебя такие, что ты списываешь, у меня такие, что я без смеха не могу.

8 часов 16 минут

Тяжело груженная машина с прицепом шла по улице по направлению к школе. Двигалась она медленно и как-то нерешительно. Шофер часто притормаживал и посматривал то вправо, то влево, будто что-то выискивал. Не доезжая до школы, грузовик замигал правыми подфарниками, прижался к тротуару и встал.

Шофер вылез из кабины, поднял капот, покопался в моторе и снова скрылся в кабине. Когда он снова прыгнул на тротуар, в руках его позвякивало ведро.

Переваливаясь с боку на бок в негнущихся, с резиновыми галошами, валенках, шофер подошел к ребятам.

— Вы из этой школы, ребята?

— Из этой.

— Где бы тут у вас водички набрать?

— Радиатор долить? — радостно спросил Саня.

Шофер, наверное, заметил Санин восторг. Он улыбнулся.

— Точно. А ты, случайно, не шофер?

Саня застеснялся.

— Да нет, я учусь...

— Он у нас отличник, — сказал Олег, — у него ни одной тройки.

Шофер с одобрением посмотрел на Саню.

— Ну и правильно. Так и надо.

Саня толкнул Олега локтем в бок, но Олег продолжал, как ни в чем не бывало:

— И ни одной четверки.

— Ну, понятно, раз отличник, — согласился шофер.

— И ни одной пятерки! — сказал Олег. — Одни двойки!

— А вот это уже нехорошо, — сказал шофер.

— Слышишь, Саня, что про тебя говорят?

— Да нет, это я тебе говорю — нехорошо. Он ведь твой товарищ, так? А ты над ним смеешься. Да еще при постороннем человеке.

— Ага! Значит, вы — посторонний? Сами признались?! — торжествующе сказал Олег.

Но шофер не оценил того, как остроумно перелев Олег дело с больной головы на здоровую.

Он, наверное, не первый день находился в дороге, этот шофер. И вид у него был нездешний, не городской: ватные брюки, телогрейка, старая шапка-ушанка. Лицо усталое и небритое.

— Так как же насчет воды? — повторил шофер, обращаясь на этот раз к Сане.

— Я сейчас принесу, — Саня выхватил из рук шофера ведро и скрылся за школьной дверью.

Шофер порылся в кармане, не доставая пачки, вытянул оттуда мятую папиросу. Закурил. Внимательно посмотрел на Олега.

— Видал, как получается? — сказал он. — Обидел товарища...

— А если у него и правда двоек много? — возмутился Олег. — Что я, молчать должен?

— Вот этого я не знаю, должен ты молчать или нет. Я человек посторонний — приехал и уехал. И все забыл. А вот у товарища твоего все в памяти останется, все слова твои. Словом-то человека сильнее, чем кулаком, убить можно.

Олег насупил. Не хватало, чтобы проезжие учили его, как жить.

— Что это мне все про слова говорят?! Анна Ивановна тоже: «Слово, слово...» А кто меня говорить научил? Вы же и научили, — сказал Олег, имея в виду взрослых вообще. — Что же мне теперь — рот заткнуть?

Но шофер опять не оценил тонкого юмора.

— А кто это Анна Ивановна? — спросил он.

— Учительница наша. Классная руководительница.

Шофер усмехнулся.

— Значит, умная у тебя учительница.

Из школы выбежал Саня, расплескивая на ходу воду.

— А на шофера долго учиться? — с разбегу спросил Саня.

— Смотря на какого, — шофер подумал. — На хорошего — два года, да потом еще лет десять.

— Двенадцать лет! — ужаснулся Саня.

— Около того. Два года — на курсах. Потом машину дадут. Будешь ездить самостоятельно. Лет десять наездишь — вот и шофер.

— А вы сколько ездите?

— Тридцать один год. Без одной аварии. Вот так. — Тут шофер почему-то взглянул на Олега. — А ты говоришь — посторонний.

— Это вы сами сказали! — буркнул Олег.

— Ну, раз я, значит, я, — согласился шофер. — Спасибо за воду.

Шофер взял ведро у Сани и направился к машине. Отойдя немного, он остановился и сказал Сане:

— А то пойдем, поможем воду залить, если время есть. Заодно баллон сменим. Мне завтра в Минске надо быть. Боюсь — не выдержит.

Саня с готовностью сорвался с места.

— Пойдем и ты, если хочешь, — обратился шофер к Олегу.

— Не пойду. Я снег убираю, — мрачно сказал Олег.

— Вот оно что... — протянул шофер. — Я-то думаю: что это ты с лопатой стоишь?

8 часов 20 минут

Третьим пришел Володя Климов. Он принес метлу и скребок, которые еще накануне выпросил под честное слово у дворника. Климов шел быстро, но заметив еще издали, что у школы прохаживается один Кузнецов, поскущел и замедлил шаг. Олегу даже показалось, что Климов собирается повернуть обратно.

— Привет, — нехотя сказал Володя.

— Здравóво, — отозвался Олег.

Володя остановился, немного не дойдя до Олега. Как-то само собой получилось, что руки друг другу они не подали.

— А что, еще нет никого?

— А я разве никто? — сказал Олег.

— Ну, кроме тебя...

Олег покосился в сторону машины. Там Саня, забравшись в кузов, боролся с запасным колесом, пытаясь перевалить его через борт. Колесо, видно, отчаянно сопротивлялось, потому что Саня был уже без пальто.

— Вон еще Саня — машину чинит.

Наступило молчание. Больше говорить было не о чем. Володя отошел к газетному киоску и стал рассматривать обложки журналов, выставленных на витрине. Олег, конечно, понял, почему Володя так держится с ним. Но на этот раз, быть может, впервые в жизни, он не рассердился и не обиделся, а просто подумал, что все это нехорошо. Нехорошо, что они так разговаривают, а если молчат, то и молчат тоже нехорошо, будто затаили в себе какую вражду.

— Злишься на меня, да?

— Ни на кого я не злюсь, — отозвался Володя, продолжая внимательно изучать витрину.

— Злишься, — убежденно сказал Олег. — Только зря злишься. Плюс на минус дает ноль. В первой четверти я тебе свой билет на «Фанто-маса» отдал, в третьей четверти я тебя дразнил. Теперь у нас с тобой — полный ноль.

— Я у тебя билет не просил, — сказал Володя.

— Но я же отдал! — возмутился Олег. — И вообще, кончай злиться! Я же на тебя не злюсь.

О том, что злиться ему на Володю не за что, Олег, разумеется, не подумал. Но дело было не в этом. В словах Олега выражались величайшее сожаление и глубочайшее раскаяние. Следует даже сказать, что Олег извинился перед Володей. Возможно, другие люди извиняются не так. Они кланяются, улыбаются, встают на колени и даже посыпают головы пеп-

лом в знак покорности. Но ведь каждый делает, как умеет. То, что сказал Олег, он не говорил еще никому в жизни, и с этой точки зрения сейчас из пепла торчала только макушка Олега.

— Ладно, — сказал Володя. — Давай лучше снег убирать.

Олег решил, что примирение состоялось.

— Ты понимаешь, — сказал Олег, — я все время хожу и думаю: что мы убирать будем? Вчера я сам видел — был снег на тротуаре. А сейчас — чисто. Это, наверное, дворники убрали, из вредности.

— Пойдем во двор. Там снегу много.

Олег снисходительно улыбнулся.

— Чудак! А кто нас там увидит? Давай лучше сделаем так: сейчас со двора сюда снегу натащим, а потом убирать начнем.

8 часов 24 минуты

— Эй, девочки, вы снегу не принесли? — закричал Олег, увидев Вику, Лилю и еще нескольких девочек, подходивших к школе.

Девочки огляделись и поняли, что это не шутка.

— А что же мы делать будем? — встревожилась Вика.

— А мне так вставать не хотелось, — протянула Лиля.

— Я же говорю — пойдемте во двор, — снова сказал Володя.

Но Олег не собирался трудиться задаром.

— Анна Ивановна здесь ходит, а не со двора. Неужели не понятно? Учишь вас, учишь — никакого толку.

Уже почти совсем рассвело. Прохожие с улыбками поглядывали на кучку ребят, столпившихся на тротуаре с метлами и лопатами. Думали они, наверное, о том, что — как хорошо — вот теперь опять молодежь начали приучать к труду или о том, что работать в такой веселой компании — одно удовольствие. Одного только не знали прохожие. Об одном они только не думали. О том, что в наше время и у молодежи есть свои трудности. Особенно — у школьников. После школы — легко. Окончил — и лети, куда хочешь. Борись, побеждай, спасай. А в школе — хоть пропадай! Все полезные дела взрослыми делаются. Тут молодежи и зимой снегу не достается.

Первой директора заметила Лиля.

— Директор идет! — зашептала она. — Давайте спрячемся!

Олег возмутился.

— Почему мы должны прятаться? Он же не тигр. Что мы, директора не видели?

И Олег сделал шаг навстречу директору.

— Здравствуйте, Сергей Михайлович!

Олега поддержал нестройный и негромкий хор. С директором почему-то все здоровались вполголоса.

— Здравствуйте, — ответил директор. — А вы что тут делаете?

— Снег убираем! Снег чистим! — ответил хор и умолк.

Олег оглядел притихших ребят и бесстрашно заявил:

— Сергей Михайлович, мы решили помочь... чтобы... в общем, чтобы около школы всегда чисто было.

Очевидно, потрясающая, просто невероятная смелость Олега поразила даже директора. Во всяком случае, он посмотрел на Олега. Затем так же внимательно — на остальных. Никто не сомневался, что в эту минуту директор думает о сознательности шестого «в».

На самом деле Сергей Михайлович думал совсем о другом.

«Кто?» — вот первая мысль, которая пришла ему в голову, когда ученики шестого «в» класса с ним поздоровались.

«Неужели кто-то из них?» — это было второй мыслью.

«Что же, я теперь при виде шестого «в» всегда буду вспоминать это письмо?» — было третьей мыслью Сергея Михайловича.

«Да, о чем это Кузнецов говорил?» — мысль четвертая.

— Значит, решили помочь, — сказал директор, вспомнив слова Олега. — Сами решили?

— Сами! Сами! — загалдел хор.

— Правильно мы решили? — спросил Олег, решив закрепить победу.

— Не знаю.

Ребята переглянулись. Кто же еще должен знать?

— Вы же сами решили. Вот и убирайте.

Нет, директор вел себя совсем не так, как на это рассчитывали. Олег даже слегка растерялся. Ровно на восемь секунд. На девятой он обрушил на директора еще один удар.

— Мы не только убираем. Вон Кукин машину помогает чинить шоферу. Видите?

Но директор даже не посмотрел в сторону Кукина.

— Прекрасно. Пусть чинит, — сказал директор и направился к двери школы. Шел он, как всегда, очень спокойно. А как же еще? Ведь он не знал, что произойдет здесь через двадцать минут...

Окончание следует

Красные еловые шишки

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕКУ КРАСОТЫ НАДО

Н. Сладков
Рисунок Н. Муратова
Фото автора

Красная утка — огарь

Как-то в ленинградском Дворце пионеров собрались члены природоведческого кружка имени писателя Виталия Бианки. Ребята, разные по возрасту, по опыту, по «специальности» — кто ботаник, а кто зоолог. Но всех их объединяет глубокий интерес и любовь к природе. Это не значит, конечно, что все они в будущем непременно станут профессиональными зоологами или ботаниками. Но все они на всю жизнь сохранят к природе любовь и уважение, всегда и везде будут ее верными защитниками и друзьями.

Многим они уже и сейчас озабочены. Почему во многих местах весной выжигают сухую траву, почему браконьеры безнаказанно бьют острогой рыбу, почему даже в закрытое для охоты время в лесах гремят выстрелы? Их беспокоит судьба Байкала, Балхаша, Аральского моря. Они читали и знают, что даже запасы чистой воды и чистого воздуха на Земле не безграничны. Что будет с природой дальше? Превратится ли Земля со временем в сплошной асфальтобетонно-стеклянный город? Что станет с лесами и полями, с дикими зверями и птицами?

Когда человек впервые увидел Землю из космоса, его потрясла красота нашей планеты. Жемчужно-перламутровый шар светился над черной бездной... Единственное достоверно известное пристанище Жизни. Но совсем он не такой гигантский и безграничный, каким представлялся раньше. Все поддается учету: столько-то гектаров лесов и полей, столько-то литров пресной воды, столько-то тонн травы и листьев, столько-то штук птиц и зверей. А если все это пересчитать на душу населения, то получится совсем уж не так «безгранично и неисчерпаемо».

Но природа — леса, поля, птицы и звери — измеряется не только тоннами, кубометрами, литрами и гектарами. Потому что дикая природа не только нас кормит, поит, согревает и одевает. Она еще нас и радует. Радует и удивляет своей красотой, своим бесконечным разнообразием. Покоряет красками, звуками, запахами. Новыми образами, невиданными формами, неразгаданными тайнами. Тысячи людей спешат на встречу с природой, и она щедро дарит им свою красоту, наполняет счастьем и радостью.

Подсчитано, сколько нужно для существования человека израсходовать в год килограммов

еды, литров воды, комплектов одежды. Но никто почему-то не подсчитал до сих пор, сколько нужно ему для жизни в год красоты, счастья и радости? Нет даже таких единиц измерения. Ведь радость и красоту не измеришь ни литрами, ни килограммами. А от нехватки красоты и радости, наверное, как и от нехватки продуктов и витаминов, тоже может развиться болезнь, что-то вроде духовной цинги!

Каждый знает и чувствует, как волнует, как дороги ему красивый пейзаж, веселая и радостная поляна, счастливая встреча с вольным живым существом. Дороги... А как дороги? Какая цена радости и красоте? Мы оценили в рублях кубометры, тонны, литры, гектары, а оценить бесценный дар природы — ее красоту, радость, счастье, здоровье?

Охотник срубил дерево. Берутся в руки счеты, перемножается количество кубометров

Мухомор

Косачи на току

древесины на цену одного кубометра, и, пожалуйста, штраф 5 рублей! Турист испоганил, вытоптал полянку в лесу. Опять счета, множатся квадратные метры на цену метра сенокоса — и готов штраф за потраву. Бл аконьер, пробуя ружье, убил певчую птицу. Тут и считать не надо: решено по рублю за голову. Но разве это полный расчет?

А если дерево это полсотни лет радовало взоры людей своей неповторимостью и красотой? И еще прослужило бы

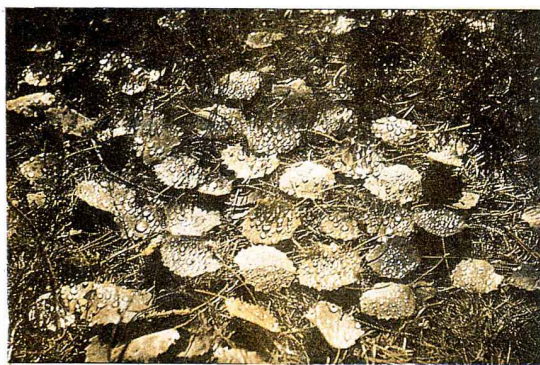
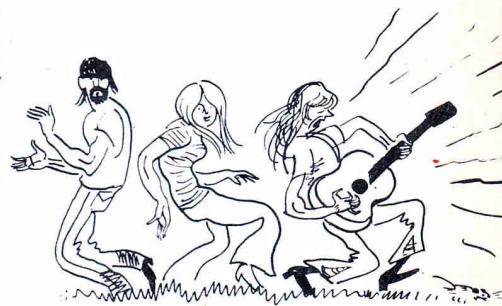
дикая птица это не только мясо, пух и перо, не только удивительное творение эволюции или объект познания и изучения, не только бионическая модель — это все области хозяйства и науки! — но еще и первозданная красота, непревзойденное совершенство, рождающее в человеке радость, удивление и уважение. А это уже дорого не только специалистам, а каждому.

Но много ли их осталось, этих прекрасных творений природы? Кое-что охотники под-

столько же? А если мер, на душу населения со-

полянка, теперь загубленная, дарила радость и местным жителям и приезжим? А с птицей, убитой браконьером, умолкли и тысячи ее песен, которые так оживляли лес и радовали людей? Кто оценит эти потери?

Каждое живое существо, каждый дикий зверь, каждая птица это не только мясо, пух и перо, не только удивительное творение эволюции или объект познания и изучения, не только бионическая модель — это все области хозяйства и науки! — но еще и первозданная красота, непревзойденное совершенство, рождающее в человеке радость, удивление и уважение. А это уже дорого не только специалистам, а каждому.

Роса на опавших листьях

считали. Туров, олений и серн осталось у нас по 25 тысяч винторогоих козлов 1 тысяча, куланов 600, горалов 350, тигров 200, барсов около 500, гепардов десятка два-полтора, дзерженов — единицы. Только рыб, грызунов да насекомых на земле больше еще, чем людей. А если пересчитать, напри-

мер, на душу населения соловьев или журавлей с лебедями, то на каждую не достанется и по перышку. А именно они-то больше всего и бередили людские души. Ну-ка вспомните все стихи, песни, романсы, сказки с участием соловьев, журавлей и лебедей! А березы, а плакучие ивы, а клены? А кукушки-вещуньи, а серые утицы, а ясные соколы? А ландыши, а ромашки и колокольчики, а сирень-черемуха? Тысячи невидимых, но крепких нитей связывают природу и человека. И никакие магнитофонные записи, никакие цветные съемки не заменят нам их живых голосов и их самих.

Некоторые ученые считают, что если люди срочно не примут действенных мер, то останемся мы в пустыне. Рядом с человеком смогут ужиться только мыши, крысы, воробьи и бактерии. Вот когда в полной мере ощутим мы то, что потеряли! Вот когда поймем, чем для нас был свист диких крыльев, топот диких копыт, пение диких птиц и рыканье дикого зверя...

Природу надо беречь. Хозяином ее уже по-

нели и оценили. Оценены и ее

ИЗ ПОЧТЫ

Костя Теркин готов взять под защиту Вальку Кардан, потому что Валя пишет:

«Мне выписали очки, и я их первый раз надела в школу. Но как только я зашла в класс, все мальчишки стали смеяться надо мной.»

С тех пор я не стала больше ходить в очках...

Костя надеется, что Юре П. стало стыдно.

«...Юра П. сидит у стенки, где приделаны трубы. Он часто лезет драться... Когда Светлана Михайловна

начнет вытаскивать его из-за парты, чтобы он извинялся, то он схватится за трубу и его никакой силой не оторвешь...»

Костя сомневается, что это называется «один за всех»: *«Наш класс очень хороший, потому что у нас «один за всех». Особенно девочки. Еще мы часто бьем своих мальчишек, если они кого-нибудь обидят...»*

Нина Бубнова
село Кириллово».

лечебные достоинства. А вот с ее красотой пока дело плохо. Пока что красоту ее мы только потребляем и мало о ней заботимся. Как когда-то мы беззаботно потребляли ее богатства, пока не спохватились.

Самое обидное во всем то, что не на кого обижаться! Сами во всем виноваты. Природа сама по себе истощиться не может, истощить ее можем только мы. Природа готова с нами сосуществовать, но, как выяснилось, мы сами к этому еще не совсем готовы. Мы на ружейный выстрел не подпускаем к себе ни птицу, ни зверушку. Вот и выходит, что дикая неразумная природа готова нас бало-

фазанов, похожих на сказочных жар-птиц. Птицеловы вылавливают самых редких, самых красивых, самых певучих пичужек. Земледельцы по всей земле рассеивают отраву, от которой гибнут не только — не столько! — вредные насекомые, но и тысячи полезных живых существ. Охотники методически выколачивают то, что чудом еще уцелело.

За последние два столетия с лица земли навсегда — навсегда! — исчезли 140 видов птиц и 106 видов зверей. Под угрозой полного истребления находится еще 600 видов. А ведь каждый вид эволюция создавала миллионы лет! Сколько погублено совершенства и красоты! Тут уж пора не браться за голову, а хвататься. Если так и дальше пойдет, то и в самом деле останутся рядом с нами только крысы и бактерии.

Природа давно сдалась на милость победителя — человека. И эту милость к ней пора проявить. На что могут надеяться красивые цветы, бабочки, птицы, пейзажи? Только на нашу милость. Красоту легко уничтожить. Но как трудно ее будет создать! Никакими трудами, ни за какие деньги не восстановить теперь ни одно животное, ни одно растение из безвозвратно погубленных человеком. А сколько уничтожено неповторимых пейзажей.

Первая весенняя бабочка — крапивница — на снегу

вать, радовать и ублажать, а мы, цивилизованные и разумные, делаем все, чтобы этого не допустить. Мы отравляем воду, которая нам так нужна, мы засоряем воздух, без которого нам не обойтись, мы губим красоту природы, которой сами же восхищаемся. В самом деле! Цветы мы срываем самые красивые: ромашки, кувшинки, ландыши, черемуху. И... выбрасываем их на помойку. Сытые охотники убивают «на мясо» вальдшнепов с их прекрасными трагическими глазами,

Давайте поговорим о красоте природы. О радостях, которые она дарит нам. Пусть каждый всерьез задумается над этим. Давайте попробуем оценить красоту. Попытаемся найти меру этому бесценному дару. А вдруг у нас с вами что-нибудь и получится!

Осенние осины

КОСТИ ТЕРКИНА

Косте нравится предложение Гали Ц. «Это меня очень волнует. Я предлагаю организовать на страницах журнала клуб для девочек. Может, назвать его «Березка»?»

Хотелось бы, чтобы этот клуб помог девочкам шить платье, связать шапочку и чтобы люди разных профессий и модельеры поговорили с нами в этом клубе».

Костя рад, что открыт еще один краеведческий музей: «Открыли его пионеры нашей школы, — сообщает

Коля Кривущенко из Магаданской области. — Мы перепишемся с первыми ревкомовцами Чукотки».

Косте понравилось описание летнего житья-бытья, присланное из города Муйнак Крымской области Любой Бакаушиной: «Наш полуостров окружен морем. С одной стороны здесь очень глубоко, а с другой — не так глубоко, есть три «меляка». Где глубоко — плавают пароходы, на меляках купаемся мы, ребята. На нашей горе водятся ящерицы, змеи, черепахи, степные агамы».

МОЙ

ДЕДУШКА-ПАМЯТНИК

ПОВЕСТЬ

Василий Аксенов

Рисунки М. Беломлинского

КОТОРАЯ НА СВОЕМ
УБЕДИТЕЛЬНОМ ПРИМЕРЕ
ПОКАЗЫВАЕТ,
ЧТО ГОЛОСА ЛОГИКИ И РАЗУМА
ПОРОЙ МОГУТ ПОТОНУТЬ
В НЕИСТОВОМ ШУМЕ
СВИТОЙ С ТОЛКУ ТОЛПЫ

Что же произошло? Почему «Алеша Попович» неожиданно покинул гавань Оук-Порта? Можно ли представить себе, чтобы советские моряки бросили в беде товарища?

Продолжение. См. «Костер» № 7—8, 1970 г

Николай Рикошетников, обойдя все помещения сената в поисках Геннадия, выбежал на площадь и оказался в центре событий, развязанных мрачными хулиганами с Карбункула.

Площадь кишела людьми. Местами возникали стычки, переходящие в кулачный бой. Десятки ораторов, взобравшись на фонарные столбы, что-то кричали в толпу. Ревели моторы мотоциклов. Группа мужественных горожан, взявшись за руки, защищала свою святыню — памятник Серхо Филимоныч Страттофудо.

Рикошетников помчался на судно, мигом собрал совещание. Половина экипажа была направлена в город на поиски пропавшего мальчика. Всем морякам было строго запрещено выспрашивать о мальчике у местных жителей и тем более называть его имя. Рикошетников боялся, и не без основания, что провокаторы могут узнать о пребывании в городе потомка благородного русского адмирала и устроить на него настоящую охоту.

Поиски Геннадия продолжались несколько часов и не дали никаких результатов. Потрясенный Рикошетников решился тогда на крайний шаг — он снова отправился в сенат.

В сенате уже все спали. Семижилный «резинщик», похрапывая, тянул свое:

— В свете изложенного, опираясь на параграф 90 пункта «д» отдела 18 можно категорически заявить, что производство пуговиц на территории республики может быть разрешено только лицам, доказавшим свою способность к оному...

Рикошетников разбудил того сенатора, который дал резкую отповедь проискам полковника Бастардо Мизераблес да Порк-и-Гусано. Толстяк в футбольной майке под номером 3 повел его в свой кабинет для конфиденциальных переговоров.

Имя сенатора было Нафнути Куче. Рикошетников рассказал ему все. Нафнути Куче выслушал его с крайним вниманием.

— Видите ли, капитан, — сказал он, — в других условиях приезд потомка адмирала Серхо Филимоныч Страттофудо мог бы превратиться в национальный праздник. Сейчас, увы, мы не можем предугадать развитие событий. Эмпирейцы слишком доверчивы и простодушны. Это дети, сэр. Я обещаю вам, что я и мои люди — скажу по секрету, их не мало — предпримут все усилия для поисков мальчика. Я не исключаю возможности того, что он попал в лапы негодяев, но... — Нафнути Куче стал перед Рикошетниковым на одно колено и торжественно провозгласил: — Клянусь созвездием Кассиопеи, катамараном старого Йона, цепями египетских рабов, ржавыми мечами викингов и аркебузами португальцев, клянусь бархатным камзолом нашего первого президента и нашим священным «булоногом» — Джинадо Эдуардо Страттофудо будет спасен! Аминь!

Капитан Рикошетников сразу понял, что этому человеку можно доверять. В глазах его он увидел намек на незаурядный ум.

— Согласитесь, Нафнути, мы, мирные ученые и моряки, оказались в весьма двусмысленном положении...

— Мистер Рикошетников, я не коммунист, — сказал Нафнути Куче. — Я всего лишь левый либерал, филуменист и правый защитник, но я вам скажу: мне кажется, что все беспорядки на архипелаге направляет какая-то мощная рука.

О дальнейшем развитии событий можно догадаться по заголовкам и высказываниям местных газет.

„ЕЖЕДНЕВНЫЙ ФОНТАН“ (Оук-Порт)
КТО МЕШАЕТ НАШИМ ПАРНЯМ НАКАПЛИВАТЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ?

„СЫТНАЯ ПИЩА БЕЗ ОБМАНА“
(г. Стамак, о. Карбункул):
ФУТБОЛ — ПУТЬ К НИЩЕТЕ И ПОЗОРУ!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ „ЛЕСТНИЦА“
(специальный выпуск):

Сегодня мы помещаем стихи нескольких наших известных граждан:

Токтомуран Джечкин

*Прекрасен миг — в ужасном гвалте
Ваш президент берет пенальти!
Быть может, кто-то скажет — поза?!
Нет! Это ловкость виртуоза!*

Нафнуту Куче

*Легопер-эмпирик, по знаку судьбы выходи
На зеленое поле, как прежде простой
и веселый
Кожаный мяч, управляемый ловкой ногою,
Дружбы традиции пусть возродит с морями
державы далекой!*

Накамура-Бранчковска

*Был парк пронизан лунным светом,
Благоухал розарий мой...
Ко мне явился за ответом
Король души моей больной...*

Кафра Латтифудо

*Честный гражданин, конечно,
Будет русских презирать
И по-прежнему, конечно,
Всё карбункулы копать!*

„СЧАСТЛИВАЯ ЛОПАТА“
(г. Стамак)

Куча жалких слизняков, вдохновляемая отпетыми мерзавцами и свиньями, под прикрытием лживого и коварного булоножного братства с русскими пиратами стремится разбить нашу родину и сделать ее добычей иностранцев. К черту Европу, Америку, Австралию, Антарктиду, Африку и Луну!

„ЗЕРКАЛО“ (Оук-Порт):
*Хотелось бы призвать коллег
из „Счастливой лопаты“ и более
джентльменским способом
полемики...*

„УТРЕННИЙ РАЗГОВОР“
(Оук-Порт):

*Гостеприимность, одна из
главных черт нации,
поставлена под сомнение*

„ВЫСТРЕЛ“
(г. Стамак):

*Полковник Бастардо Мизераблес
да Порн-и-Гусано заявляет:
„ЧЕЛЮСТИ НАЦИИ, ЗА РАБОТУ!“*

Вечером того дня, когда был похищен Геннадий, уличные споры и стычки усилились. «Кроты», обычно не показывавшие носа в Оук-Порт, теперь заполнили улицы, бары, кафе. На причале возле «Алеши Поповича» волновалась большая толпа.

— Надо прощупать русских! — кричали «кроты».

Поговаривали, что каждый из них получил за свои хулиганские выходы по двадцать клуксов и по бутылке «Горного дубняка».

Ночью страсти не утихли, а напротив — разгорелись. Воя, носились по узким улочкам мотоциклы «кротов» со снятыми глушителями. На стенах крепости, отражаясь в черной воде, колыхались факелы. Никто из приглашенных не явился на грандиозно задуманный вечер «Вальс незнакомых цветов». Мадам Накамура-Бранчовска в одиночестве скользила по парку, тревожно глядя в темноту парка, принимаясь к розам и орхидеям.

Утром горожане стали находить в почтовых ящиках, на ступенях лестниц, на столиках кафе желтые листочки. Известные провокаторы за ночь распространили «Обращение капитана Риккошетникова к народу республики Большие Эмпирии и Карбункул».

«Вы, несчастные лежебоки, — гласило обращение, — набрались наглости вызывать нас на соревнование по футболу. На что же вы рассчитываете со своей черепашей медлительностью и ослиной тупостью? С презрением мы отвергаем ваш вызов, кроты и крабы! Капитан Риккошетников».

Оскорбленные горожане направились в порт. Напрасно Нафнути Куче, Рикко Силла, Токтомуран Джечкин и другие прогрессивные деятели пытались убедить их, что «обращение» — фальшивка. Простодушные, как дети, впервые столкнувшиеся с такой грязной игрой, они верили всему. Почти каждый горожанин тащил с собой футбольный мяч.

В порту горожане устроили перед советским кораблем неслыханное футбольное представление. Сотни мячей летали в воздухе. Все, от мала до велика, включая женщин, демонстрировали усомнившимся русским свое умение играть в футбол, технику обработки мяча, финты, обводку, пасы...

Риккошетников несколько раз пытался со спардека обратиться к народу, но его всякий раз встречали свистом. Как? Мы — медлительные черепахи, тупые ослы? Мы не умеем играть в футбол? А вот — смотрите-ка!

Моряки и ученые мрачно взирали на футбольную вакханалию, охватившую город. Первый помощник Хрящиков проводил среди экипажа разъяснительную работу. Видавший виды Шлиер-Довейко почесывал в затылке. Капитан Риккошетников не выпускал из рта трубки.

Надо ли говорить о том, как волновался капитан за судьбу своего юного друга? Конечно, можно заявить официальный протест, начать розыски через газеты, но не будет ли это стоить жизни его другу? Бандиты с Карбункула не дремлют, а эмпирейцы... Эх, эмпирейцы!..

С горечью смотрел капитан на так легко обманутых горожан.

Час уходил за часом, а Геннадий все не появлялся. Между тем футбольные страсти стали затихать. Утомленные граждане кучками рассаживались на набережной и приступали к обеду. Собственно говоря, зла к капитану Риккошетникову они не испытывали. Показали, на что способны, и ладно. Они были неспособны долго злиться, эти чудачки-эмпирейцы.

Вдруг с крепостных стен послышались крики. Около дюжины «кротов» разворачивали на площадке башни «Толстая Эльза» чугунное корабельное орудие, снятое еще в XVIII веке с поверженного «Белого Лебедя». Жерло дурацкой пушки поворачивалось в сторону «Алеши Поповича».

— Русские! Отдавайте швартовы!

В толпе на набережной начался ропот.

— Эй, кроты, вы это уже слишком!

— Оставьте в покое нашу пушку!

«Кроты» не шутили. Один из них вкатил в орудие ядро, второй взялся за фитиль. Наступила тишина, в которой слышался только хохот Володи Телескопова.

— Ой, умру! Ой, сейчас лопну!

Не понимал Владимир серьезности момента.

И вдруг на башне появилась гигантская обнаженная фигура Рикко Силла. Растолкав «кротов», великий легонер снял пушку с лафета и поднял ее себе на плечи. «Кроты», взвывая от обиды, бросились на кумира нации. Рикко Силла с пушкой на плечах прыгнул с башни в воды бухты.

Что тут началось! «Кроты» стали прыгать за ним. Эмпирейцы целыми семьями тоже ринулись в воду. Рикко Силла, отдуваясь, плыл к берегу, спасая историческую ценность и собственную жизнь.

Вокруг в прозрачных водах кипела борьба. Гвалт стоял невообразимый. Кое-где в узких улочках затрещали автоматные очереди. И тогда на борт «Алеши Поповича» взбежал сенатор Нафнути Куче.

— Капитан, вы видите, что устроили эти негодяи? Выхода нет — вам нужно на два-три дня покинуть порт. Капитан, нам кажется, что на архипелаге действует мафия или что-то в этом роде. Патриоты на чеку, капитан. Следы мальчика, как я и предполагал, ведут на Карбункул. Сегодня ночью мы высадимся на острове.

Вот при каких обстоятельствах капитану Риккошетникову пришлось выйти из гавани Оук-Порта.

В КОТОРОЙ ВПЕРВЫЕ КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ ПОЯВЛЯЕТСЯ УЛЬТРАЗВУК И СЛЫШАТСЯ ЗВУКИ НОЧНОГО ОУК-ПОРТА

Часовой с юго-западной сторожевой вышки острова Карбункул, осмотрев пролив и не заметив ничего подозрительного, опустил бинокль.

Широкая лунная дорога пересекла пролив. Маленькие волны беспорядочно плясали в лунной полосе, и в этом

мелькании тени и света даже самый зоркий взгляд не заметил бы крохотной черной точки — головы одинокого пловца.

Геннадий Стратофонов, мерно дыша, плыл вольным стилем в сторону Оук-Порта. Движения его были точно рассчитаны на большой заплыв, а в голове царил сумятица: он все еще не мог прийти в себя от всего того, что ему довелось увидеть и услышать немногим более часа назад.

Около девяти часов вечера мадам и полковник куда-то исчезли. Доллис потащила Геннадия в спортзал играть в пинг-понг. Мальчик нервничал, играл плохо. Сославшись на усталость, он ушел в отведенную для него комнату.

Стеклянная дверь комнаты выходила на длинную крытую галерею. По галерее этой взад и вперед прогуливался дюжий слуга. В тишине мерно постукивали кованые каблучки. Всякий раз, проходя мимо двери, слуга как бы ненароком заглядывал в комнату. Сомнений не было — это часовой, и он приставлен к нему, к Геннадию.

Около часа мальчик лежал в темноте, притворяясь спящим, глядя на висящую на стене фехтовальную маску и скрещенные рапиры. Надо было действовать, надо узнать, что произошло в Оук-Порте.

Дождавшись, когда шаги соглядатая удалились в конец галереи, Геннадий вскочил с кровати, сорвал со стены маску, положил ее на подушку и прикрыл простыней. Под одеяло он засунул два фехтовальных жилета, придал им форму человеческого тела и нырнул под кровать. Слуга возвращался. Он заглянул в комнату и спокойно пошел дальше.

Геннадий выскользнул за дверь.

Пробежав по мягкому ковру через весь коридор, он вошел в темную комнату, открыл окно. Во внутреннем дворе виллы было пустынно. Только под аркой двое парней играли в кости.

Тяжелые ветки ливанского кедра были совсем рядом. Геннадий из окна перелез на кедр... и в этот момент услышал нарастающий шум моторов. Парни под аркой вскочили, один из них отворил ворота, и через минуту во внутренний двор ворвались на полной скорости две машины: низкий двухместный «феррари» и затянутый брезентом джип.

Из «феррари» вылез полковник Мизераблес, а с места водителя выскочила Накамура-Бранчковская. Она была в кожаной куртке и кожаных брюках и напоминала в этот момент какое-то сильное животное с пружинистой легкой поступью. Не оглядываясь, она вошла в дом. Полковник, посвистывая, двинулся вслед за ней. Он слегка спотыкался. Из джипа вывалились Латтифудо, Мамис и какой-то неизвестный Геннадию тип в широкополой шляпе.

Прошла минута, не больше, и осветилось окно перед его носом. Он увидел богато обставленный кабинет, огромный письменный стол с телефонами и селекторами, круглый стол для заседаний, кожаные кресла, карты на стенах и большую модель парусного брига с медными буквами на корме: «Голубка».

«Так, кажется, назывался флагманский корабль мадам де Клиссон», — вспомнил Гена.

Над всем в кабинете доминировал огромный портрет баронессы. Она была очень похожа на Накамура-Бранчковскую, в левой руке держала подзорную трубу, в правой — четки.

Накамура-Бранчковская нервно ходила взад-вперед по кабинету, сжимая в руках длинные кожаные перчатки. Лицо ее было неузнаваемым — напряженное, мрачное, решительное.

Бастардо Мизераблес развалился в кресле и сразу наполнил стакан джином «Палата лордов». Меланхолически прошлепал и бухнулся в кресло грузный Латтифудо. Голубоглазый утконосый мистер Кингсли Б. Мамис со своей неизменной блуждающей улыбкой проследовал в угол и скрылся из поля зрения Геннадия. Четвертый, странный тип с тяжелой челюстью и раскосыми

глазами, сел к столу, открыл папку и погрузился в какие-то бумаги. Воцарилось молчание, слышны были только шаги Накамура-Бранчковской.

Внезапно мадам резко повернулась и своими длинными перчатками, словно плеткой, огрела по физиономии сначала кавалера ордена «Счастливой Лопаты», а потом Латтифудо.

«Так их, мадам!» — чуть не воскликнул Геннадий. Надежно скрытый хвоей кедра, он притаился возле полуоткрытого окна, готовясь в любую минуту прийти на помощь своей любезной хозяйке.

— Это за что же, дорогая? — спросил полковник, потирая обожженную ударом щеку.

— За идею с пушкой! — криво улыбаясь, проговорила дама. — А тебе, Латтифудо, ничтожество, проспиртованное чучело, за общую тупость, за всю твою бездарную возню с этим маленьким англичанином аристократом! Мальчик сразу догадался, что ты связан с делом «Ван-Дейка». Вот что значит голубая кровь! Мне едва удалось его разубедить. Сотню плетей ты заслуживаешь, кретин.

Латтифудо беспомощно моргал белесыми ресницами.

— Впрочем, тебе уже ничего не поможет, — махнула на него рукой мадам. Она повернулась, и Геннадий увидел дрожащие от ярости пунцовые губы и горящие глаза.

— Видите, Мамис, с кем приходится работать?! — крикнула она в угол. Оттуда послышался смешок.

ных домов. Двери амбаров и магазинов были закрыты. Геннадий быстрым, но спокойным шагом пересек площадь, скрылся в тени длинной колоннады. Здесь он снял рубашку и выжал ее. Он взялся было уже и за штаны, когда услышал звон гитары и молодые голоса. На площадь из таинственного мрака боковой улочки вышли три парня и две девушки. Красивые, ладные фигуры, ленивая походка — типичные эмпирейцы, беспечные, как птицы.

Под сосной Монтезумы
Танцевали две пумы...

— Эй, прекратить пенье! — послышался грубый голос, и на площадь вышли четверо квадратных парнюг с карабинами.

— С каких это пор в Оук-Порте нельзя петь? — крикнул гитарист.

— Марш по домам! — рявкнули квадраты.

— Катитесь, кроты, в свои ямы! — захохотали эмпирейцы.

Геннадий пробежал под колоннадой и нырнул в узкую улочку, из которой только что вышли «кроты». Некоторое время он еще слышал шум перебранки, потом все затихло.

Больше часу Геннадий наугад петлял по извилистым улочкам, поднимался по мраморным лестницам, прятался за скульптурами. Иногда он видел костры, возле которых сутулились мрачные типы, замечал на стенах желтые листочки со зловещими угрозами.

И, несмотря на тревожное, опасное положение, Геннадий с его отзывчивой и впечатлительной натурой не мог не поддаваться очарованию ночного Оук-Порта. Таинственная игра теней на мраморных плитах и барельефах, на витражах и мозаиках, тихая разноголосица листьев, все звуки ночи, то глухие, то неожиданно звонкие, надолго, может быть, на всю жизнь, пленили мальчика.

На одном из старых домов, возле подъезда со скрипящей на слабых петлях двери, Геннадий вдруг увидел мемориальную доску с полустертым золотым тиснением: «В этом доме часто останавливались русский писатель Александр Грин (по пути из Зурбагана в Гель-Гью), английский писатель Джонатан Свифт (из Лилипутии в Лавпу), французский писатель Жюль Верн (из пушки на Луну)».

Едва он успел прочесть, эту поразившую его надпись, как дверь резко распахнулась и на пороге дома появилась высокий худой незнакомец в старомодной крылатке песочного цвета и в широкополой шляпе.

— Вы ищете друзей? — спросил незнакомец Геннадия, мягко — глазами — улыбаясь.

Мальчик молча кивнул.

— Пойдемте со мной, — сказал незнакомец и дви-

нулся вдоль витой чугунной решетки, за которой тренькал фонтанчик.

Шаги незнакомца были легки, трость мерно постукивала по мостовой. У него был вид спокойного, чуть грустного, но и не лишнего юмора человека, который никогда никуда не спешит, но никуда никогда не опаздывает. Легкий бриз шевелил его длинные седые волосы. За ухом незнакомца Геннадий заметил очиненное гусиное перо.

Возле круглой афишной тумбы он остановился.

— Поворачивайте за угол. Сюда, — он показал палкой. — Пройдете спокойно и не таясь три дома, увидите освещенное окно на третьем этаже. Можно подняться по лестнице, но вы, конечно, предпочтете водосточную трубу.

— А вы? — тихо спросил Геннадий. Ему почему-то не очень хотелось расставаться с этим любезным незнакомцем.

— К сожалению, дружище, у меня свои дела, — улыбнулся тот, приподнял шляпу и пошел по крутой улочке вниз, к морю, в прозрачную, словно пронизанную серебряной сетью, темноту. Геннадий смотрел ему вслед, пока тот не исчез.

Он повернул за угол в улочку, косо разделенную лунной на темную и светлую части. Чувствуя полное доверие к незнакомцу, он пошел, не таясь, по освещенной стороне, взобрался на балкон по водосточной трубе и увидел перед собой обширную, ярко освещенную комнату, заполненную атлетически сложенными мужчинами.

ГЛАВА X

В КОТОРОЙ НА ЗЕМЛЕ
И В ВОЗДУХЕ
РЕВУТ МОТОРЫ
СИСТЕМЫ «РОЛЛС-РОЙС»,
ЗВУЧАТ ДИФИРАМБЫ
И КЛЯТВЫ В ВЕРНОСТИ

Гигантский «боинг-747» компании «Пан-Ам», миновав воздушные пространства Южной Америки, Океании, Юго-Восточной Азии, Индии и Ближнего Востока, летел теперь над Европой.

Командир экипажа Бенджамин Ф. Аллигейтер брился и смотрел вниз на проплывающие малые страны, на мо-

лочные реки и кисельные берега густонаселенного континента. Б. Ф. Аллигейтеру не особенно нравилось это дрожащее желе неопределенного цвета, именуемое Европой.

Он больше любил красноватое свечение Сахары, темно-зеленый с коричневыми прожилками колер Индии, чередование белых и темных пятен разной глубины и резкости в Гималаях и Кордильерах. Больше же всего мистеру Аллигейтеру был по душе простой, без всяких хитростей, синий цвет стратосферы, под которой он водил свое судно.

Вошла стюардесса гаваянка Омара.

— Как там дела, Омара? — спросил командир, хотя и так знал, что все в порядке, что пассажиры первого класса, надрывая животы, смотрят фильм «Живешь только дважды», а пассажиры второго класса скорее всего дремнут.

— Вас хочет видеть какой-то господин, — сказала Омара. — Он назвался Румпельштильцхеном.

— Пусть войдет, — сказал командир, ничем не выдав своего удивления. Что занесло сюда старого Румпелья? Не будет он по пустякам совершать межконтинентальные рейсы.

Вошел пожилой полноватый господинчик, инспектор могущественного Интерпола, международной уголовной полиции.

Аллигейтер и Румпельштильцхен встречались не чаще одного раза в год, а знали друг друга давно: ведь браваый летчик вот уже много лет считался одной из самых опытных ищек Интерпола.

— Привет, Бен.

— Привет, Румпель.

— Стареешь, Бен. Не заметил меня.

— Где ты сел?

— В Бангкоке, но наши ребята провожают тебя еще с Монтевидео. Руководство опасалось за твою колымагу, Бен.

— Даже так?

— Ты слышал о нападении на теплоход «Ван-Дейк»? Здесь в самолете типы из той же компании.

— Героин?

— И золото.

— Через час тридцать пять минут будет Лондон, — сказал Аллигейтер.

— Слава богу, — вздохнул Румпельштильцхен. — Надеюсь, теперь они уже не поднимут бучи. У наших судороги начинаются от напряжения. Слушай, Бен, пройдишь-ка не спеша по своей колымаге. Может быть, что-нибудь заметишь.

— Сейчас, добруюсь...

Пока электробритва очищала правую щеку капитана, миновали Австрию. Аллигейтер подтянул галстук, нацепил профессионально-приветливую улыбку и вошел в салон.

Так и есть. В первом классе пассажиры кисли от смеха. На экране Шон Коннори молотил бронзовой статуэткой по голове гиганта-борца «смо». Кто из этих выпоценных богатеев может оказаться гангстером? Да любой.

Командир прошел в салон второго класса. Больше сотни людей самых разных наций томились в креслах. Все уже устали от столь долгого полета. Спортсмены, туристы, монашки, бизнесмены средней руки, компания «хиппи»... Вот, пожалуй, один подозрительный тип — узкоглазый, с тяжелой челюстью... Что-то почти неуловимое в облике сближает его с теми холоднокровными гадами, с которыми жизнь не раз сталкивала Б. Ф. Аллигейтера. Но рядом с ним сидит какой-то славный мальчишка, лобастый ясноглазый крепыш, и они мирно беседуют. Вряд ли этот паренек из мафии...

Командир пошел через весь салон и остановился в багажном отделении. Туда же скользнул старший стюард Карриген, похожий на дрессированного павиана.

— Кажется, все в порядке, чиф? — сказал он, широко улыбаясь.

Командир заглянул в рыжие глаза своего старшего стюарда. Вот самая темная личность на борту. Кто он — агент Интерпола, гангстер, человек ЦРУ, контрабандист? Черт бы побрал этот шпионский, шпионский, шпионский мир! То ли дело простой голубой цвет стратосферы.

— Все в порядке, Карриген, — буркнул командир.

Между тем «лобастый ясноглазый крепыш» (читатель, конечно, уже догадался, кто это) обратился к своему спутнику:

— Я, пожалуй, сосну часок перед прилетом, мистер Чанг.

— Не возражаю, Джин, — ответил спутник и вдруг подмигнул обоими глазами, передернул неподвижную маску своего лица. — А сколько миллиончиков в сумке у твоей бабки, Джинни-бой?

Эта странная судорожная ухмылка и шутка, которую Джерри Чанг повторил, по меньшей мере, раз пятьдесят за многочасовой полет, вконец опротивели Геннадию. Однако он вежливо в пятидесятый раз ответил:

— Я не посвящен в финансовые дела своей бабушки, мистер Чанг.

Он закрыл глаза и вновь, в который раз, перед ним закружились события последних суток, лунные пятна и солнечный блеск Больших Эмпиреев.

... За балконной дверью он увидел толстого сенатора, президента, Рикко Силлу и других атлетов. Массируя мышцы и хохоча, они куда-то собирались, осматривали свое оружие — абордажные сабли, кремневые пистолеты, пики. Мальчик распахнул дверь. Легоперы усталились на него.

— Да ведь это же он! — воскликнул сенатор Куче. — Потомок нашего памятника!

... Легоперы, не проронив ни слова, выслушали рассказ мальчика.

— Теперь они набирают какую-то команду в Европе. Это будет делать некий Эр Би... — сказал Гена.

— Уж не тот ли это тип, который в здешних кабаках выдавал себя за потомка Рокера Буги? Его немало били у нас... — проговорил сенатор.

— Я лично его бил, — сказал Рикко Силла.

— Вы понимаете, друзья, как важно было бы проникнуть в эту команду? — сказал Геннадий. — Мы узнали бы планы негодяев и разрушили бы их.

— И сыграли бы, наконец, матч с «Алешей Поповичем», — важно сказал президент.

— Леди и джентльмены, внимание, — послышался нежный голос стюардессы. — Просим прекратить куренье и пристегнуть ремни. Через пятнадцать минут наш самолет произведет посадку в Лондонском аэропорту.

Геннадий заглянул в уже потемневшее окно. Внизу до самого горизонта извивались, пересекаясь, цепочки оранжевых бестеневых фонарей. Самолет кружил вокруг Лондона, дожидаясь очереди на посадку.

... Немыслимо дерзкая мысль лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом пришла Геннадию в голову не сразу. Несколько дней он жил на вилле Накамура-Бранчковской, играл в теннис с Доллис, мило беседовал с хозяйкой, а ночью тайно спускался к проливу и условным свистом вызывал верного Чаби. За эти дни он узнал многое, но главное открылось ему только в предпоследний день. Из разговора подвыпивших Мизераблеса и Латтифудо он понял, о каких «парнях из Европы» говорила мадам в ту памятную ночь. Это были не кто иные, как белые наемники, «рыцари» Конго, Йемена, Нигерии, современные ландскнехты, мастера войны, способные за «приличное вознаграждение» стрелять в любую сторону, куда покажут. Именно из этих профессиональных убийц набирал в Лондоне команду неизвестный Эр Би. Попытаться проникнуть в эту команду, узнать их дьявольские планы? Как это сделать? Нужно лететь в Лондон вместе с Джерри Чангом.

— Мадам, — сказал он как-то Накамура-Бранчковской, — к сожалению, я вынужден покинуть ваш дом. Могу ли я позвонить в Лондон, чтобы попросить у бабушки денег на билет?

— О, Джин! — всплеснула руками очаровательная дама. — Как вы можете говорить о деньгах?! Мы с вами люди одного круга, мой мальчик. Нам ли не помогать друг другу! Как раз завтра вылетает в Зурбаган, а оттуда в Лондон служащий моей фирмы мистер Чанг. Вы сможете лететь с ним, я дам соответствующие указания. Ах, Джин, — Накамура-Бранчковска притронулась к его руке и вздохнула, — поверьте, мне нелегко расставаться с вами, но я надеюсь скоро быть в Лондоне, и, может быть, леди Леконсфильд... — голос дамы слегка дрогнул.

— Бабушка будет рада принять вас у себя, — сказал Геннадий. — Она и ее брат...

— Сэр Ламюзель Кроссли-Датчмен? — округлила глаза Накамура-Бранчковска. — Тот самый, внука которого Съюзен в прошлом году порвала с Ирвингом Диблатоу, девятым баронетом...

— Да-да, — небрежно подхватил Геннадий, — с тем самым Ирвингом по кличке Памфи, который приходится кузеном баронессе Шампунь-Собакиной, той, что в сентябре прошлого года в родовом поместье «Йелюу-Кэтс-Хаус» объявила о помолвке с гонщиком графом Хидеркутта, братом и хорошим товарищем известного своими конюшнями виконта Бромурала де Гольденберга, отец которого магараджа Аждарагам этой весной купил остров Силли-Иллис у его матери княжны Патриции Уайт-Торадзе, корни которой, как вам, конечно, известно, мадам, уходят к славному роду Паддингтон-Сен-Лазар-Савеловский...

— О, да, о, да... — еле слышно прошептала Накамура-Бранчковска. Со священным трепетом смотрела она на юного аристократа. На ее щеках пылал нервический румянец.

Геннадий давно уже заметил, что эта страшная женщина со стальными нервами и холодной кровью совершенно теряла голову перед аристократическими именами и титулами. Ей так хотелось войти в тот круг бездельников и хлыщей, что называется «высшим светом»! Не лишенный воображения мальчик болтал, что в голову придет, о своих «светских» связях, и мадам в такие минуты смотрела на него, как кролик на удава...

«Как проникнуть в логово наемных солдат?» — думал Геннадий, идя по стеклянному коридору Лондонского аэропорта рядом с мистером Чангом, движения которого отличались каким-то особым механическим свойством. Он казался плохо отлаженным роботом.

В последнюю ночь на Больших Эмпиреях сенатор Куче, Рикко Силла и президент Джечкин дали мальчику множество советов, как вести себя. Рикко Силла раздобыл где-то толстенный путеводитель. Геннадий изучил

его от корки до корки, и ему казалось, что он может с закрытыми глазами пройти от Паддингтонского, к примеру, вокзала до Белгрейв-сквер, где жила его «бабушка» леди Леконсфильд.

Сейчас он шагал в толпе пассажиров, внешне спокойный, держа под мышкой портфель с эмпирейскими сувенирами.

— Ну, Джин, где твоя золотая бабушка? — проскрипел мистер Чанг, буравя глазами толпу встречающих.

— Меня никто не встречает, мистер Чанг. Я решил не беспокоить бабушку телеграммой.

— Как же ты доберешься?

— Ну... — Геннадий искоса взглянул на Чанга, — хотя бы на такси, или... вы меня подвезете, мистер Чанг... Ведь вас встречают?

— Мальчик с вами? — спросил у Чанга полицейский чиновник, сидящий на высоком табурете у турникета, за которым начиналась территория Великобритании.

— Да, мальчик со мной.

Чанг и Геннадий прошли через турникет. Чанг махнул кому-то рукой, осклабился с какой-то подобострастной наглостью. Геннадий повернулся и увидел не кого иного, как полковника Бастардо Мизераблеса да Порк-и-Гусано. Да, это был несомненно он — бананообразный нос, гусеницы бровей, подбородок утюгом... но что-то в нем изменилось — исчезла тупая мрачность из глаз, а со щек пропали синие алкогольные паучки. Мизераблес был подтянут, гладок, элегантен, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, стала свойственным властным натурам.

— Полковник, каким образом вы смогли опередить нас? — воскликнул Геннадий.

— Мистер Стрейтфонд? — усмехнулся встречающий. — Очень рад. Мадам сообщила мне о вас. Должен вас огорчить, мистер Стрейтфонд, перед вами всего лишь брат блестящего полковника, зеркальная копия кавалера ордена Счастливой Лопаты. Я лишь скромный коммерсант. Ричард Буги, к вашим услугам.

— Ричард Буги?! — вскричал с неподдельным изумлением Геннадий. — Уж не потомок ли вы, сэр, знаменитого адмирала Рокера Буги?

В глазах Эр Би (теперь Геннадий понял, кто это такой) появилась заинтересованность.

— Приятно удивлен, мой мальчик, что вы хотя бы слышали это имя. Соотечественники редко ценят своих истинных героев. Слава часто достается дутым фигурам.

— Слышал это имя! — воскликнул с горячностью Геннадий. — Да ведь это мой кумир, сэр! Я преклоняюсь перед памятью адмирала Буги. Но почему ваш брат, сэр, носит другое имя?

Ричард Буги снисходительно усмехнулся.

— Фук всегда испытывал тягу к пышным титулам и именам...

— Разве может быть имя прекраснее имени Буги! — вскричал Геннадий. Он продолжал разыгрывать восторженность. — Да я бы отдал полжизни за это имя!

Тяжелая рука с перстнем опустилась на плечо мальчика, клавиатура челюстей обнажилась в довольной улыбке, низкий голос прогудел:

— О'кей, мальчик!

Чанг занялся оформлением своего багажа, кованых сундуков с перьями райских птиц и благовониями, а Геннадий и Ричард Буги медленно направились к выходу из здания аэропорта. Геннадий не умолкал ни на минуту. Он видел, что Ричарду Буги чрезвычайно приятно выслушивать дифирамбы в адрес своего предка. Если бы знал потомок кровавого пирата, что рядом с ним идет прапрапраправнук капитана Стратофонтова, пустившего на дно сумасшедшего «императора Рокера I»!

Они вышли на площадь, заполненную сотнями разномастных автомобилей и автобусов. Огни реклам дрожали на лакированных крышах и стеклах машин. Гудки, крики, обрывки музыки, близкий вой авиадвигателей... Зарево

Лондона освещало половину небосклона. Геннадий стало немного не по себе. Что может сделать здесь он один, в незнакомом огромном городе?

Ричард Буги остановился возле огромного черного «роллс-ройса».

— Вот моя тележка, — сказал он с плохо скрытой гордостью.

— Отличная машина, сэр, — похвалил Геннадий. — Очень похожа на автомобиль моего двоюродного дедушки Лемюэля Кроссли-Датчмена.

— Верно, — подтвердил Буги. — С той лишь разницей, что я вожу ее сам. Мне нравится чувствовать свою власть над этой большой штукой.

— Понимаю, сэр, — кивнул Геннадий. — Что может быть приятнее для настоящего мужчины, чем чувство власти?

Буги захохотал:

— Эге, паренек, я вижу, ты не так прост.

Подождал Чанг и проскрипел:

— С багажом все в порядке, Дик.

После этого он вдруг перешел на карбункулское наречие эмпирейского языка. Геннадий, делая вид, что осматривает машину, насторожился.

— Слушай, Дик, ты знаешь, сколько миллиончиков в сундуке у бабки этого щенка?

— Думаю, не мало, — буркнул Буги. — А тебе-то какое дело?

— Есть идея, Дик. Давай-ка спрячем мальчишку в твоей берлоге, а бабуле pošлем письмо от двух доброжелателей. Можно огрести по сотне тысяч.

Сердце Геннадия заколотилось. Браво, Чанг! Пробраться в берлогу Эр Би — это уже удача! Впрочем, бабушка может проговориться, что он русский... Страшный риск, но без риска...

Ричард Буги печально вздохнул.

— Эх, Джерри Чанг... Как ты был мелкой шпаной из Коулун-сити, так и остался. Ни размаха в тебе, ни воображения...

Он повернулся к Геннадий и приподнял шляпу.

— К сожалению, мистер Стрейтфонд, мы вынуждены сейчас с вами проститься. Вам нужно в центр города по Большому Юго-Западному, Белгрэив-сквер, 12, не так ли? А мы, — он бесцеремонно ткнул Чанга пальцем в живот, — направимся в противоположную сторону по Хиллингдон-роуд. Прошу меня простить, Джин. Здесь масса такси и вы легко...

— Неужели мы больше не увидимся, мистер Буги? Сэр! — воскликнул Геннадий. — Мне хотелось бы еще поговорить с вами о вашем славном предке. Может быть, вы дадите мне телефон или адрес?

— Обязательно увидимся. — Буги протянул руку. — Я позвоню вам сам.

Геннадию ничего не оставалось, как направиться к стоянке такси.

Возле стоянки он оглянулся. Буги и Чанг распоряжались погрузкой в «роллс-ройс» кованых сундуков с перьями.

— Выезжай из ряда, — услышал он за спиной знакомый голос. — Главное, не прозевать, когда они тронутся с места.

Он обернулся и увидел, что из ближайшего такси за Буги и Чангом напряженно следят суженные глаза старшего стюарда самолета «Пан-Ам». Рядом с ним сидел еще какой-то мужчина, но лица его в темноте не было видно.

Огромный желто-красный автобус с надписью на боку «Польский бекон — лучший в мире» медленно въехал в коридорчик между стоянкой такси и машиной Буги. Геннадий мгновенно принял решение. Он юркнул за автобус, подбежал к «роллс-ройсу» и быстро проговорил:

— Мистер Буги, там против вас затевается что-то недоброе.

Словно испуганный хищник, Буги отпрыгнул в сторону и мгновенно сунул руку за пазуху.

— Что? Что ты говоришь?

— Там... трое в такси... хотят вас преследовать, — сказал Геннадий.

— Анаконда! — взвизгнул несмазанными шестеренками Чанг.

— Молчать! Быстро в машину! — скомандовал Буги. Он бросился за руль. Чанг обежал «роллс-ройс» с другой стороны. Ни секунды не раздумывая, Геннадий открыл заднюю дверь и упал на пол автомобиля.

Геннадий не знал, видел ли Буги с Чангом, как он прыгнул в «роллс-ройс». Лежа на полу, он не слышал ни одного их слова; переднее сиденье было отделено от заднего перегородкой из толстого стекла. Он чувствовал, что «роллс-ройс» идет на сумасшедшей скорости, не меньше 150 километров в час. Следовательно, они едут в сторону от Лондона, по большому городу так

не поедешь. Оторвались ли они от погони? Во всяком случае, дело принимало неплохой оборот. «Решил быть с вами до конца, мистер Буги, — скажет он. — Спина к спине у мачты, сэр...»

Скорость вдруг резко упала. Машина сделала поворот и поехала по боковой дороге. Блики большой автострады перестали мелькать по стенкам. Машина остановилась, открылась передняя дверь, голос Буги прогудел:

— Слышал, Чанг? Они проскочили мимо. Сейчас мы соедемся, а потом расплатимся с ними.

Он захлопнул дверь, развернул машину и поехал назад к автострате. Перед выездом был небольшой подъем. Буги включил вторую передачу, и вдруг машина дернулась, взревел мотор.

Почувствовав неладное, Геннадий поднял голову и увидел, что передний отсек «роллс-ройса» наполнился голубоватым светящимся дымом, в котором, словно припадочные, бились Буги и Чанг. Судороги продолжались несколько мгновений, потом Буги и Чанг уронили головы. Геннадий увидел двух подбегающих мужчин в странных масках. В руках одного из них было короткое ружье с широким, будто бы стеклянным стволом. Второй распахнул дверку машины, нажал на тормоз, выключил зажигание. Светящийся газ мгновенно испарился. Нападавшие сняли маски, деловито приступили к обыску бесчувственных Буги и Чанга. Геннадий заметил, что широкоствольное оружие лежит рядом с машиной на асфальте. Он выскочил из машины, схватил ружье и, увидев изумленные физиономии старшего стюарда и его дружка, нажал спусковой крючок. Мелькнул узенький язычок огня, «роллс-ройс» вновь наполнился голубым дымом. Геннадий бросился прочь и упал в кювет, — носом в мокрую траву.

Когда потомок великого императора Рокера Первого очнулся, он увидел над собой ясные доброжелательные глаза Джина Стрейтфонда.

— Что произошло? — заплетающимся языком пробормотал Буги.

— Все в порядке, сэр. Они связаны, — бодро ответил мальчик.

— Откуда ты взялся?

— Всегда с вами, сэр. До конца. Спина к спине у мачты.

Ричард Буги со стоном приподнялся, увидел связанных врагов, икающего Чанга и расхохотался.

— Ей-ей, ты мне по душе, малый!

ГЛАВА XI

В КОТОРОЙ СЛЫШИТСЯ «ПЕСНЯ АВАНТЮРИСТКИ» И ЗВУЧАТ ГОЛОСА УМАЛИШЕННЫХ

После соревнований в Кракове (Польша) в жизни Наташи Вертопраховой произошло значительное событие: ее портрет в полный рост и с обручем был напечатан на обложке журнала «Смена». Неизбежное следствие таких публикаций — поток писем. Наташа даже и не представляла, как велик в нашей стране интерес к художественной гимнастике, этому эстетическому виду спорта. Ей писали школьники всех возрастов, юные и зрелые спортсмены, просто любители прекрасного, курсанты суворовских и нахимовских училищ... Большую часть свободного времени Наташа посвящала теперь разбору писем и ответам на них.

Была уже довольно глубокая ночь, когда она приступила к двадцать седьмому за этот день ответу. Она писала пожилому пенсионеру из города Тишинска, книголюб и рыболову.

«Уважаемый Олег Михайлович! Вы интересуетесь моей жизнью, учебой и успехами в спорте. Вы не пропускаете ни одного соревнования по художественной гимнастике. Большое вам за это спасибо!»

Зазвонил телефон. Удивленная столь поздним звонком, Наташа сняла трубку и услышала усталый голос телефонистки:

— Вертопрахова? Поговорите с Лондоном.

Вслед за этим что-то щелкнуло, немного погудело, потом нечто затараторило на ста языках сразу, а потом в тишине женский голос сказал:

— Мисс Вертопрахова? Джаст уан момент, плиз!

«Неужели уже до Лондона докатилось, — подумала с некоторым волнением Наташа. — Неужели и в Лондоне заинтересовались художественной гимнастикой?»

И вдруг она услышала тихий и невероятно знакомый голос:

— Наташа, здравствуй. Это я, Гена.
— Кто? — закричала изумленная Наташа.
— Гена Стратофонов. Я звонил нашим, но никто не ответил. Вероятно, все на даче. Тогда решил... к тебе...
— Откуда ты? Что за глупый розыгрыш? Тоже мне — Лондон, Лондон...

— Я действительно звоню из Лондона.
— Да ну тебя, Генка! Вечно ты что-нибудь выдумываешь!
— Послушай, Наташа, — у Геннадия был такой серьезный голос, что Наташа сразу же забыла свое раздражение. — Слушай внимательно и передай все моей бабушке, Марии Спиридоновне. Я сейчас в Лондоне, куда прилетел с Больших Эмпиреев по очень важному делу. Скоро возвращаюсь на архипелаг. Пусть не волнуется. Подробности письмом. Это все. Запомнила?

— Да, — тихо проговорила Наташа. Она вдруг сквозь весь свой спортивно-популярный туман вспомнила, что Генаша розовым невиским вечером что-то лепетал об архипелаге Больших Эмпиреев, о каком-то судне, вообще какой-то вздор. Может быть, все это не такой уж и вздор? Сердце ее вдруг пронзила какая-то неясная тревога.

— Генка! — закричала вдруг она.
— Доллиси! — вдруг закричал он.
— Что такое? — поразилась она. — Как ты меня назвал?
— Прости, Наташа! Как было в Кракове?
— Первый приз!

Внизу, в холле, леди Леконсфильд веселым старческим голосом пела романс лорда Биверлибрамса «Черные мысли, как мухи», Винстон фонировал низким утробным воком.

Старая дама была счастлива. Ее юный спаситель, русский «хрустальный дельфинчик», был выше всякой критики. Он называл ее «гранни» и часами вел с ней задушевные серьезные беседы. Она уже подумывала, не отчислить ли ему еще процентов пять из доли Винстона, хотя Геннадий вторично самым категорическим образом отказался от ее капиталов как человек, воспитанный в принципиально другой системе.

Во избежание случайностей Геннадию пришлось открыть старой даме завесу тайны. Леди Леконсфильд еще со времени зубопротезной деятельности своего мужа научилась держать язык за зубами. Надо ли говорить о том, что она была потрясена мужеством и самоотверженностью своего «хрустального дельфинчика».

— О, Джин, ты рискуешь жизнью ради спасения столь малой народности! О, нет-нет, ты — святой! Не спорь, мой мальчик! Я вижу над тобой ореол святости!

Геннадий сдержанно объяснил ей вздорность всяких религиозных предрассудков, а также сказал, что на его месте любой советский пионер повел бы себя так же, ибо советскому пионеру не безразлична судьба как больших, так и малых наций.

Геннадия волновало то, что Ричард Буги вот уже двое суток не давал о себе знать. После столь чудесного спасения и пылкой клятвы в верности мистер Буги доставил мальчика в Лондон, а сам укатил в неизвестном направлении, пообещав в самое ближайшее время объявиться. Геннадию оставалось теперь только ждать. Он был уверен, что завоевал симпатии Буги и что рано или поздно ему удастся проникнуть в его логово. Но вот прошло уже два дня...

Часы на столе перед потрясенной Наташей Вертопраховой показывали 21.30, часы на столе перед озабоченным Геннадием Стратофоновым показывали 18.30. Такова разница во времени между Ленинградом и Лондоном. Вдруг Геннадий услышал прямо под своим окном автомобильный сигнал, напоминающий первые такты из оперы Россини «Сорока-воровка».

Вот оно! Геннадий одним прыжком достиг окна, выглянул. Да, под окном в открытом двухместном вишневого цвета «феррари» сидел, ухмыляясь в усы, мистер

Ричард Буги. Большим пальцем правой руки он показывал Геннадию на свободное сиденье, а затем указательным постукал по часам — давай, мол, в темпе!

— Йес, сэр! — весело крикнул Геннадий и кубарем скатился вниз, в холл.

— Бабушка, за мной заехал один из эмпирейских друзей, — сказал он леди Леконсфильд. — Вы понимаете?

Старая леди ахнула, встала из-за фортепьяно и попыталась вооружить Гену огромным ржавым револьвером времен англо-бурской войны. С чувством глубокой признательности мальчик отказался от этого предмета, так же как и от арбалета эпохи Столетней войны, и от кельтского меча времен вторжения норманнов.

Он выскочил из дома и с ходу прыгнул на кожаное сиденье «феррари», пожал каменную ладонь своего нового «друга».

— Ну, аристократишка, — улыбнулся Буги. — Сегодня ты увидишь много интересного. Ничему не удивляйся, парень.

Возле южной границы квартала Сохо, в одной из узких улочек, над маленькой дверью висит ржавая вывеска «Мешок гвоздей». Многие десятилетия это была ничем не примечательная пивнушка.

И вдруг в последний год возле «Мешка гвоздей» стали все чаще останавливаться шикарные «ягуары» и «бентли». Элегантные дамы и господа спускались по полустертым ступенькам в подвал, в кисло пахнущий сводчатый зал, чтобы послушать новую разгорающуюся звезду певичку Бубу Флауэр.

Муллат-ударник бешено колотил по барабанам руками и ногами. Саксофонист качался, закрыв глаза. Вдруг наступила пауза и на эстраде появилась девица в широких шелковых брюках и длинной блузе. Она заголосила:

Я — авантюристка Буба!
Рост, лицо, фигура, зубы
Выше всех похвал!
Токио, Нью-Йорк и Дели,
Восемь стран за две недели!
Риск — мой идеал!
Бокс, дзюдо, борьба каратэ,
Электроды, химикаты,
Акваланг, кинжал!
Фунты, доллары и йены,
Ловкость барса, нюх гиены,
Все мне дьявол дал!
Я могла бы стать артисткой,
Кулинару, журналисткой,
Но шпионкой-аферисткой,
Хищницей-авантюристкой
Мир меня назвал!

Маленький оркестр взвыл на пределе возможностей человеческого уха. Певичка подняла руки, сделала несколько сумасшедших «па», потом откинула волосы со лба, подмигнула восторженным леди и джентльменам, свистнула в два пальца и улыбнулась откровенно хулиганской улыбкой.

Сквозь толпу танцующих к столику Буги протолкались двое широкоплечих парней среднего роста в одинаковых серых костюмах. Один — блондин с коричневым лицом, другой — узкоглазый, темноволосый. Скрестив руки на груди, они несколько секунд с неопределенными ухмылками смотрели на Буги, а Буги с такой же ухмылкой смотрел на них. Затем Геннадий стал свидетелем любопытного разговора.

— Говорят, сэр, что вы набираете знающих людей в археологическую экспедицию, — сказал первый парень с явно немецким акцентом.

— Присаживайтесь, джентльмены, — пригласил Буги, и когда парни навалились локтями на дубовый стол, улыбнулся. — Я вижу, у вас одинаковый вкус, друзья. Серые костюмы по тридцать фунтов с Олд Бонд-стрит, голубые галстуки из «Либерти»...

— Только что прибыли, сэр, — сказал темноволосый, — решили приодеться по-человечески.

— Откуда прибыли?
 — Из жарких мест, сэр.
 — Это я вижу. Точнее.
 — Южный Йемен, сэр.
 — Инструментами владеете?
 — За исключением музыкальных, любыми, сэр.
 Буги повернулся к блондину.
 — Ну, а вы — искатель приключений? Идеалист из Мюнхена?
 — Обижаете, сэр, — жестко сказал блондин. — Мы вместе отступали из Стенливиля. Должно быть, слышали о деревне Касамбе? Вы со своим отрядом тогда...
 — Много болтаете для профессионала, — буркнул Буги и сделал жест бармену.
 Когда на столе появилось три стаканчика джина, Буги дружески улыбнулся.
 — Значит, только вернулись, ребята, и уже снова на работу тянет?

— Точно, сэр.
 — А вы знаете, куда мы отправимся?
 — Нет, сэр. Но уж наверняка в веселое местечко, а?
 — Вот что, — Буги вырвал листок из блокнота. — Завтра явитесь по этому адресу.
 — Условия, сэр?
 — Там все скажут. Пока. Мы отчаливаем. Джин, прощайся с господами археологами.

Солнце уже сильно клонилось к закату, когда темно-вишневый «феррари» устремился на запад по Пикадилли. Ярко пылали стекла красных двухэтажных автобусов и крыши бесчисленных автомобилей. Вот уже третий день Геннадий в Лондоне, а знаменитыми туманами и не пахнет. Солнце с рассвета до заката царит в безоблачном небе.

Они выехали на Кенсингтон-Роуд, проехали мимо Гайд-парка и памятника принцу Альберту.

— Ты мне, парень, нравишься, — сказал Буги. — Сегодня ты увидишь, что род адмирала Буги не оскудел. Увидишь такое, что и не снилось ни одному мальчишке твоих лет.

Через полчаса «феррари» выбрался на магистраль, а еще через десять минут свернул на какую-то узкую ветку, в начале которой стоял щит с надписью «private» — частная дорога. Дорога эта привела к высокому глухим воротам с вывеской: «Частная психиатрическая лечебница доктора Сильвестра Лафону». Ворота бесшумно раскрылись, и «феррари» въехал в обширный двор с типичным

английским ярко-зеленым газоном, подстриженными кустами, приветливым белым зданием в глубине, за которым виднелись деревья парка. Все здесь было создано для спокойствия, для починки поломанной нераной системы, все было тихо и смиренно, если не считать кровавого заката, отражающегося в окнах дома.

Едва «феррари» подъехал к дому, оттуда выскочил рыжеволосый субъект в синей униформе и распахнул двери машины.

— Где больные, Мак? — спросил Буги.

— Все в порядке, сэр. Больные в парке, на занятиях.

— Пойдем через дом, Джин, — пригласил Буги. — Посмотришь, как занимаются наши бедняжки.

Они вошли в дом, прошли по пустому гулкому холлу в длинный темноватый коридор, по которому прогуливался рослый детина с коротким карабином в руках.

— Ну как, Орlando? — спросил Буги.

— За дурачка меня принимаете, босс? — обиженно прогудел детина. — В жизни им не проникнуть сюда. Что вы, меня не знаете? Как-никак...

Большая черная лапа, появившаяся из-за угла коридора, схватила его за лицо. Из-за скульптуры Аполлона мелькнула какая-то тень, и часовой исчез, исчез бесследно, как будто его здесь и не было. Сверху, с потолка, послышался насмешливый голос:

— Привет, босс. Я уже полчаса вишу над Орlando, как летучая мышь. Все вас дожидались.

Геннадий готов был поклясться, что на потолке никого не было, но все-таки оттуда бесшумно прыгнул какой-то человек, а из-за угла появились двое других в странных широких одеждах.

— Эти три парня тренируются по системе «Ниндзя», древних японских разведчиков-невидимок, — объяснил Буги.

Они прошли еще метров двадцать по коридору, и вдруг за одной из дверей Геннадий услышал русскую речь.

— Стой! Руки вверх! — орал дикий голос с невероятным акцентом. — Где спрятал оружие?

— Урок русского языка, — объяснил Буги.

— А это зачем, сэр? Уж не собираетесь ли вы воевать с Россией?

— С русскими у меня особые счеты, — буркнул Буги. — Проклятый русский капитан загнал эскадру моего деда в залив Сильвербей. Пару лет назад я был в Ленинграде и узнал, что там еще живут потомки Стратофонтова.

Он остановился, вынул сигарету, чиркнул зажигалкой, закурил, и тотчас в памяти Геннадия вспыхнул снежный вечер на Марсовом поле, памятник Суворову, Кировский мост... Так вот кем был тот неприятный иностранец!

— Я уничтожу памятник этому паршивцу Стратофуду Филимоныч и на его месте поставлю памятник истинному герою — адмиралу вольного флота и императору Рокеру Буги!

— Вы истинный Буги! — воскликнул Геннадий. Маленький психолог, как уже известно, нащупал слабую струнку своего противника. Ричард при этих словах застыл в монументальной позе, словно сам себя вообразил уже памятником.

— Но все-таки зачем вам русский язык сейчас? — осторожно спросил мальчик.

Буги страхнул бронзовое оцепенение:

— Понадобится...

«Не замышляет ли он что-нибудь против «Алеши Поповича?» — подумал Геннадий.

Они вышли из дома и по идиллическим тенистым аллеям углубились в парк. То тут, то там среди деревьев стремительно перемещались короткими перебежками «пациенты» доктора Сильвестра Лафону. Группа душевнобольных, собравшись под навесом, изучала новенький бронетранспортер марки «мерседес». То тут, то там мирно гукали автоматические винтовки, снабженные глушителями.

Буги ввел Геннадия в низкий сарайчик, зажег свет, и Геннадий увидел целый арсенал — десяток автоматов в

гнездах вдоль стены, два гранатомета, пулемет, ящики с патронами, какая-то радиоаппаратура, гирлянда наручников...

— Все самое современное, по знакомству, — горделиво сказал Буги.

На пороге сарайчика вырос рыжеволосый субъект в униформе.

— Босс, вас вызывают на связи! — возбужденно заорал он.

— Сама?! — испуганно спросил Буги.

— Кажется, да...

От спокойной величавости императорского потомка не осталось и следа. Он быстро юркнул в дверь и исчез.

В течение четверти часа Геннадий в полном одиночестве усиленно знакомился с оружием. Прервал это занятие приятный мягкий голос:

— Будьте любезны, поставьте на место мой автомат.

Геннадий резко обернулся. В дверях стоял высокий человек довольно странного вида. Волнистые до плеч волосы, тонкие усики и острая бородка делали его похожим на мушкетера, но полосатая майка и вельветовые джинсы с широким поясом сообщали вполне современный вид.

— Прошу прощения, сэр, я просто хотел посмотреть, — сказал Геннадий и представился: — Джин Стрейтфонд.

— Мое имя Джон Грей, — поклонился длинноволосый.

— Меня привел... — начал было Геннадий, но в это время в сарай ввалились девять других наемников во главе с гориллой лет сорока пяти. Все они орали по-русски «стой, стрелять буду, ложись на палубу» и дико хохотали. Геннадий понял, что эта группа явилась с занятием по русскому языку.

— Хватит гоготать! Разобрать оружие! — заорала горилла. — Сначала на ночные стрельбы попремся! Эй, что тут за щенок болтается? Иди-ка сюда, малый!

— Повежливей, мистер Горилла! — крикнул ему в ответ Геннадий.

Наемники грохнули.

— Ай да мальчонка! Верно он Пабста окрестил Гориллой. Горилла она и есть Горилла!

Горилла Пабст ринулся на Геннадия, пытаясь схватить его за шиворот, но мальчик увернулся и сильно ударил Пабста ногой в зад. Пабст взревел и выхватил из гнезда свой автомат.

— Хотите меня застрелить, Горилла? — вежливо спросил Геннадий.

— Попался бы ты мне в Конго, щенок! — прорычал Пабст.

— А вы вообразите, что вы в Конго, сэр. Уверяю, что не попадете в меня, даже с десяти метров.

Но на этот раз наемники засмеялись уже над мальчиком.

— Да-да, джентльмены, — серьезно сказал Геннадий. — Никто из вас не попадет в меня с десяти метров при стрельбе одиночными выстрелами.

— Это почему же, бой? — крикнул кто-то.

— Я умею увертываться от пуль, — сказал Геннадий, сняв с одного из наемников огромную шляпу, так называемый «шестигаллонный стетсон», водрузил ее себе на голову и отошел в глубину сарая.

— Попробуйте хотя бы сбить с меня эту шляпу, джентльмены.

— Мальчик издевается над нами! — загудели наемники.

Один из них положил руку на плечо Джону Грею.

— Ну-ка, Силач-Повеса, покажи ему свою руку.

— Я не Вильгельм Телль, — сказал Джон Грей и присел со своим автоматом в угол.

— Если бы он был черномазым, я бы рискнул, — буркнул другой наемник.

— Трус! — резко крикнул Геннадий.

Сразу же в ответ хлопнул выстрел. Геннадий тряхнул головой — шляпа осталась на месте. Еще один выстрел! Геннадий крутанулся волчком — шляпа осталась на голове. Еще выстрел — та же картина!

— Стрелять разучились, ублюдки?! — взревел Пабст. В наступившей тишине Джон Грей вежливо спросил Геннадия:

— Как вам это удается?

— Воля к жизни, — бойко ответил мальчик.

— А-а, понимаю, понимаю, — покивал Джон Грей. — Воля к жизни.

— Воля к жизни и к свободе, — добавил Геннадий.

— И к свободе, — задумчиво проговорил Джон Грей. — Неплохо сказано — воля к жизни и свободе...

— Хватит болтать! Лови-ка пулю! — гаркнул Пабст, поднял автомат одной рукой и выстрелил.

Геннадий отскочил в сторону и подул в ладошки.

— Поймал, сэр! Вот она, горяченькая!

Наступило молчание. Пабст, выпучив глаза, вытирал пот со лба. Геннадий снял целехонькую шляпу и отнес присутствующим шутовской церемонный поклон.

— Вот это малый! Такого бы в нашу команду! — сказал кто-то.

Джон Грей встал, обняв мальчика за плечи, и отвел его в сторону.

— В мой автомат вы не успели вставить холостую обойму, — тихо сказал он.

— Да, сэр, ваш был последний, я не успел, — признался Геннадий.

— И все-таки вы рискнули затеять эту игру?

— Да, рискнул.

— А если бы выстрелил я?

— Вы бы не выстрелили, сэр.

— Вы уверены?

— Конечно. Ведь вы же тот самый Джон Грей — Силач-Повеса. Очень странно было увидеть вас здесь, но я вас сразу узнал. «Джон-Грей — Силач-Повеса сильнее Геркулеса, храбрый, как Дон-Кихот...»

— А, эта песенка, — улыбнулся Джон Грей, — в ней много преувеличено. Помните, там какая-то ерунда про ковбоя Гарри?

— Еще бы не помнить! — воскликнул Геннадий.

— Вовсе я не убивал этого прохвоста. Нелли сама его выгнала вназад... Но все-таки мне очень приятно, что вы помните... да-да, бывало всякое, при свете лунном кружились пары, да-да... Слушайте, а зачем вам понадобилось устраивать этот цирк с холостыми патронами? Хлопнула дверь, и на пороге появился веселый, энергичный Ричард Буги.

— Эй, леопарды! — закричал он. — Не обидели тут моего гостя? Ну, Джин, познакомился с современными джентльменами удачи?

— Твой гость настоящий бесенок, Дик, — сказал Пабст.

— ... Эти люди, малыш, беспощадны. Соль земли, они несут из глубины веков то, чем славна белая раса, покорившая все континенты: боевую спайку, авантюризм и великую белую мечту!

Голос Ричарда Буги звенел, глаза пылали, и если бы Геннадий не знал цену этой фальшивой человеконенавистнической расистской романтики, он мог бы, пожалуй, даже увлечься вдохновенными словесами бандита. Нет, он знал всему этому цену и был начеку. Он сидел в мягком кресле в кабинете Буги и изображал немой восторг.

Стены кабинета украшали африканские маски и оружие, под потолком висела большая модель все того же пресловутого «Голубого кита», но главным предметом в комнате был огромный портрет Рокера I: свирепое влобопорище лицо и обнаженный палаш на плече.

Ричард разглагольствовал, прогуливаясь по кабинету с бокалом шампанского в руке.

— Не в пример своему спившемуся брату пью только французское шампанское, — пояснил он. — Всегда возю с собой запас этого благородного напитка. Однажды в Конго запас кончился. Тогда я со своим отрядом напал на один город под предлогом очистки его от коммунистов и захватил в местном отеле дюжину ящиков «Вдовы Клико».

— И, должно быть, переколотили не мало народа, сэр? — спросил Геннадий.

— Там мы не считали, — хохотнул Буги.

Ненависть к этому ухмыляющемуся убийце сжигала мальчика, но выдержке его мог бы позавидовать любой взрослый мужчина.

— Да, дружище Джин, — продолжал Буги. — Пациенты доктора Сильвестра Лафоню видали всякое. Многие парни — из Иностранного легиона...

— А Джон Грей? — спросил Геннадий.

— Силача-Повесу я знаю меньше. Его рекомендовали мне как лучшего стрелка, летчика и парашютиста. Но остальных я знаю почти всех.

— Разрешите вопрос, сэр? Куда вы направитесь из Англии, каковы ваши планы?

Буги откупорил еще бутылку, ухмыльнулся и, явно рассчитывая на эффект, медленно произнес:

— На Большие Эмпирей, сынок, на твои любимые Большие Эмпирей.

— Как? — вскричал Геннадий. — Не ослышался ли я?

— Нет, не ослышался. Мадам уже ждет не дождется.

— Какая мадам?

— Наша хозяйка, — саркастически улыбнулся Буги, — мадам Накамура-Бранчовска.

— Мадам Накамура-Бранчовска ваша хозяйка?! — Геннадий вскочил. — Это шутка, сэр? Мадам увлекается цветами, пишет стихи!

— Старая бандитка! — захохотал Буги. Приложившись к горлышку, он выпил полбутылки благородного напитка. Уши его налились внутренним огнем. — Джинни-бой, мадам — глава огромной подпольной империи. Начинала она, как и все мы, в Гонконге, в Коулун-сити, где за каждой бамбуковой шторкой можно получить порцию гашиша или свинца. Она оказалась ловчее всех, эта ведьма. В Макао она втерлась в доверие к доктору Ло-

бо, королю золота и опиума. По дешевке мадам где-то купила три ржавых торпедных катера и стала нападать на торговые суда. Я сам служил на одном из этих катеров простым пулеметчиком. Уже тогда она нажила огромные деньги, но потом влипла в историю — ограбила американский военный транспорт. Многих из наших тогда похватили, но мадам быстро нашла общий язык с ЦРУ... Пока судьба носила меня по всему свету, мадам устраивала свои делишки как нельзя лучше. Теперь у нее миллионы и страшная власть.

— Скажите, сэр, а ее дочь Доллис знает о том, кто ее мать?

— Дочы! — захохотал Буги. — У кобры еще никогда не рождались человеческие детеныши. Доллис похищена у каких-то французских аристократишек. Мадам помешана на аристократизме. Она и тебя отпустила домой только для того, чтобы пролезть в аристократические круги. Не будь твоя бабка — Леконсфильд, полакомились бы тобой акулы. Теперь по плану мадам мы должны разогнать эмпирейских сенаторов-легоперов и объявить ее королевой Больших Эмпиреев и Карбункула как законную наследницу основательницы Оук-Порта баронессы де Клиссон. Ну, Джин, что ты на это скажешь?

Ричард Буги уперся кулаками в подлокотники Гениного кресла и приблизил к нему свои горячие, пронизывающие глаза.

— Я... я... — бормотал Геннадий, лихорадочно нащупывая правильный ответ, — не могу сказать, чтобы мне это особенно нравилось, сэр...

Буги отпрыгнул, захохотал и воздел к потолку сжатые кулаки.

— Баронесса де Клиссон! Королева! Ее папаша до сих пор торгует лапшой в Иокогаме.

— В то время как вы, сэр, истинный Буги! — вдохновенно подхватил Геннадий. — Стопроцентный, неповторимый Буги!

Ричард опорожнил одним махом еще одну бутылку благородного напитка и засветился изнутри, как китайский фонарь. Он вдруг встал на кончики пальцев, на пуанты, и сделал посреди кабинета медленный балетный поворот.

— Посмотрите на эту фигуру, Джин Стрейтфонд! — почти запел он. — Разве отсутствует в ней величавость, разве не присутствует в ней державная осанка? Посмотрите на эту шею, Джин Стрейтфонд, на этот мощный и тугий мускулюс! Разве не похож он на звенящий винт адмиральского корабля? Посмотрите, Джин Стрейтфонд, на этот гордый чеканный профиль! Разве не достоин он украшать денежные знаки, разменную монету и ассигнации?

Буги слегка подпрыгнул, хлопнул в ладоши и закружился в странном танце под одному ему слышимую чудовищную музыку.

— Крочи, крочи, чурочи рикотуэр! Малази холионон кукубу! Буги не будет на побегушках! В дебрях Лабрадора живет принцесса Вуги, он женится на ней, и на Больших Эмпиреях воцарится династия Буги-Вуги. Фраомонстр чу ра!

Глядя на этот танец, Геннадий подумал, что в «клинике доктора Сильвестра Лафоню» есть, по крайней мере, один человек, нуждающийся в серьезном психиатрическом лечении.

Окончание следует

Нуры Байромов

ЧАБАНСКИЙ ОГОНЕК

Подошел к закату
Жаркий день.
На пески легла
Ночная тень.
Где-то пляшет,
Словно мотылек,
Золотой чабанский
Огонек.

Пламенем костра
Озарены,
У огня присели
Чабаны.
Вьется белый пар
Над котелком.
Горьковатый чай
Пропых дымком.

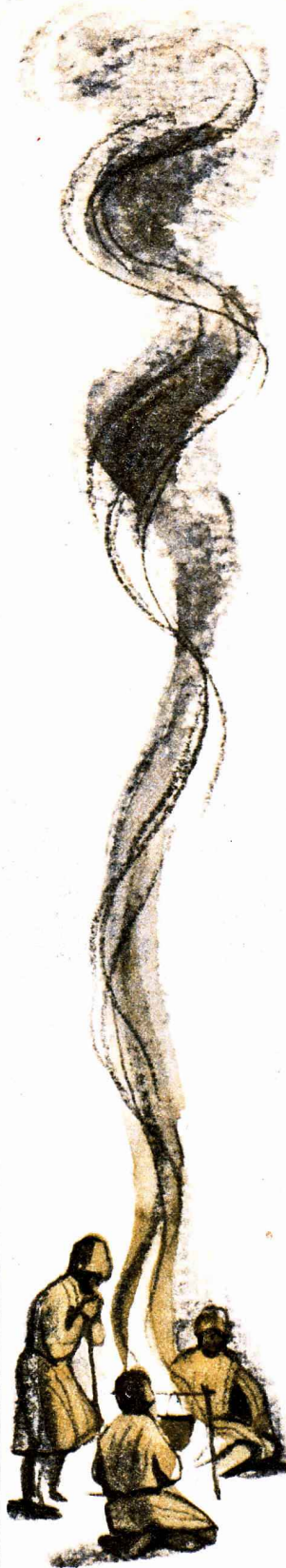
А вокруг —
Ночные голоса;
На шакала твоякает
Лиса,
И ночная птица,
Не спеша,
Пролетает,
Крыльями шурша.

Темное молчание
Храня,
Ночь сгустилась
Около огня.
И ночная черная
Ладонь
Погасить старается
Огонь.

Темень все черней
И тяжелей,
А костер —
Все ярче и светлей.
Ночь не в силах
Справиться с огнем —
Со своим сверкающим
Врагом...

Угасают звезды
В вышине,
Спит отара
В синей тишине.
Крылышки сложил,
Как мотылек,
Золотой чабанский
Огонек.

Перевел с туркменского
Владимир Орлов

1969 год, лето

Юрий Сенкевич

Человек, пожелавший осмотреть в тот день пирамиду Хеопса, был бы очень удивлен, если бы глянул вниз, в ложину, с которой начинается Сахара.

Семь человек, одетые как на дипломатический прием, в строгие костюмы и белоснежные рубашки, бегали по небольшой площадке, нагибались, рылись в песке и радостно вскрикивали, когда выуживали из него коротенькие желтые палочки.

Мы искали кусочки папируса, которые должны были остаться там, где всего четыре месяца назад строилась лодка.

Раньше мы носили папирус к строительной площадке, теперь — собирали то, что осталось, — собирали... будем считать пока, что только для подарков друзьям.

Прошло чуть больше года с того дня, как в Министерстве здравоохранения СССР хозяин одного из кабинетов, разбирая ворох поступивших писем, озабоченно остановился на очередном:

— Вот, пожалуйста. Хейердал организует новую экспедицию и просит Академию наук приискать ему врача. Ищи теперь подходящего.

Мой друг Борис Е., случайно оказавшийся в этот момент рядом, сказал:

— А что его искать? Он есть. Пошлите Сенкевича!

Так я оказался в списке тех, кто мог стать участником плавания.

Беседа с Аветиком Игнатьевичем Бурназиным — заместителем министра здравоохранения — была непринужденной и доброжелательной:

— Не боишься?

— Вроде нет.

— Почему вроде?

— Но ведь я не знаю, чего бояться?

Печатается с сокращениями

Фото автора

26

мая

1969 г.

второй день
плавания

Мы остались одни в океане.

Пишу, стоя на вахте. Вчера утром покинули Сафи, порт в Марокко. От причала нас вели шлюпки, потом, по выходе из портовой зоны, — буксир. Погода не оправдала ожиданий — ветер был не благоприятный, не норд-вест, а норд-ост, поэтому буксир тянул нас довольно долго.

Затем попытались поставить парус. Это удалось, и мы пошли самостоятельно. Берег постепенно удалялся, ветерок крепчал, волны увеличивались. И вот одна из них сломала наши рули.

Я как раз был около них на корме, а на капитанском мостике стоял Карло Маури.

Что ж делать, не возвращаться же, — чинили.

В остальном «Ра» ведет себя хорошо.

27

мая

третий день

Правая сторона кормы осела больше, чем левая. Очевидно, потому, что мы еще в Сафи перегрузили ее, да и волны и ветер идут все время справа.

Тур вахты распределил так:

20.00—22.00—Абдулла;

22.00—24.00—Карло;

00.00—02.00—я;

02.00—04.00—Сориал;

04.00—07.00—Тур.

Тур хитрец, выбрал себе для вахты утренние часы, когда светлеет и можно свободно писать, а я, бедный, мучаюсь при свете керосинового фонаря.

Мы плывем из Северной Африки в Америку. Наш командир — Тур Хейердал. Имя Хейердала известно каждому школьнику. И все же нелишне напомнить некоторые этапы его биографии.

Вторая мировая война. Родина Хейердала Норвегия оккупирована фашистами. Тур — лейтенант английских десантных отрядов «коммандос».

Послевоенные годы. Экспедиция на балзовом плоту «Кон-Тики». Капитан «Кон-Тики» — Хейердал.

Путешествие завершается успешно. Плот, отныне национальная реликвия Норвегии, становится на вечный прикол рядом с «Фрамом» Фритьофа Нансена.

А Хейердал, продолжая свои этнографические изыскания, уже изучает культуру островов Пасхи. Снимает фильм, пишет серьезную и вместе с тем увлекательнейшую книгу «Аку-Аку».

И вот сегодня опять Тур в научном поиске.

28

мая

четвертый день

Утром около десяти часов Норман связался по радио с Америкой, говорил добрый час, и даже с женой и

детьми. Сын сразу стал просить подарить ему нашу судовую обезьянку Сафи.

Кстати, о Сафи. Мы называли ее в честь порта, из которого отплыли. Страшно забавное и любопытное существо. Все время старается быть в людных местах, особенно на баке и на «курительной палубе», как окрестил Норман пространство перед кабиной с подветренной стороны.

Сафи здесь лазит по вантам, старается забраться в кабину и перевернуть мою аптечку, что находится сразу у входа слева на специальной плетеной полочке.

Сегодня я случайно не убрал зубную щетку, и она тут же оказалась у Сафи.

Ей очень нравится прыгать с крыши кабины на ванты и на большой треугольный парус, который, прогибаясь под ветром, образует небольшой гамак.

Днем я поспал немного. Проснулся от заунывной песни Абдуллы. Тур сидел на матрасе, перебирал какие-то свои вещи. Чувствует он себя на лодке превосходно, и, видимо, скитания стали его потребностью. Он мотал нитки с таким удовольствием и сосредоточенностью!

Перед ужином все собрались у кухни. Сориал балагурил, включил магнитофон и под мексиканскую музыку танцевал на ящике, сдернув с меня панаму и оглябая ее так, как это делают в Мексике, когда танцуют у лежащего на земле сомбреро.

Мы плывем из Северной Африки в Америку. Кроме Хейердала, нас на борту «Ра» шестеро. И мы уже не просто познакомились, но и немножко узнали друг друга.

Норман Бейкер, старый друг Тура, американец. Наш штурман и радист. Считается заместителем Хейердала. Опытный мореплаватель с властным характером. Возражений не любит.

Джордж Сориал. Египтянин. Аквалангист. Фотограф. То безудержно смел, то меланхоличен. Свободно говорит на шести языках.

Абдулла Джибри. Негр из племени будуми, плотник, строитель «Ра». Ис-

товый мусульманин. Не умеет плавать.

Карло Маури. Итальянец. Известный альпинист, кинооператор и фотограф. Его увлечение — кулинария, и поэтому он наш почти постоянный кок.

Сантьяго Хеновез, или просто Санти. Испанец, живущий в Мексике. Профессор. Антрополог и этнограф. И, наконец, я. Юрий Сенкевич, гражданин Советского Союза, врач.

Сегодня встретили дельфинов. Они поиграли вокруг лодки и ушли.

29

мая

пятый день

Нас все время заваливает на правый бок. Волны идут справа с кормы к носу, папирус с этой стороны намокает больше и больше.

Тур считает, что парус улучшит положение, но виновата и неудачная загрузка.

Завтра после постановки паруса весь груз переместим с борта на борт и ближе к носу, потому что корма просела.

Прошли около 300 миль. Идем между Африкой и Канарскими островами в направлении мыса Джуби. Это одно из самых неприятных мест африканского побережья: мощные течения, рифы, волны до тридцати метров высотой, — попадать туда нам никак нельзя.

Дела на лодке в общем идут хорошо. Я привык к ней. Признаться, первые ночи я спал довольно беспокойно, мне казалось, что «Ра» вот-вот перевернется. Эти бесконечные скрипы корабля не внушали доверия. Впрочем, скрипы — не то слово. Лежишь в кабине, и все под тобой ходит, изгибается, и звук похож на шуршание сена, когда ворошат копну.

Ночью пришлось повозиться с парусом и веслом: я вдруг заметил, что

«Ра» — лодка. Но нам нравится называть ее кораблем

Командир экспедиции Тур Хейердал

«Ра» изменил курс и маленький парус заполоскал. С огромным трудом, обдирая кожу с ладоней, закрепил его, пошел взглянуть на компас и заметил, что рулевое весло свободно болтается в гнезде. Укрепил весло — опять берись за парус, снова он не в ветре.

Потом заметил, что оба наших сигнальных огня не горят.

Полез на мачту, отвязал первый фанарь — зажечь его наверху невозможно, ветер гасит спичку, — спустился и увидел, что в лампе нет керосина. Заправил, зажег, поднял, привязал, — затем настала очередь другого, того, что на капитанском мостике.

Наконец, все в порядке. Записал показания компаса и разбудил Карло.

30
мая
шестой
день

Занялись подготовкой к подъему большого паруса. Еще раз проверили крепления и произвели ревизию канатов, идущих от паруса и рея.

Парус подняли, он наполнился ветром, лодка пошла много быстрее, меньше стал крен на правый борт.

Норман сказал, что теперь он счастлив: «Для моряка самое неприятное — штиль и дрейф». Но океан решил испортить ему удовольствие. Раздался треск. Это сломалось главное весло, наше единственное, которое мы так недавно чинили и ставили на место.

«Ра» тотчас же сбился с курса.

Ставим вспомогательные весла средних размеров — с того и другого борта.

Ночь беспокойная, штормит. Тур решил оставить на вахте сразу двоих — меня и Карло.

С четырех до пяти утра мы боролись с ветром, подтягивая канаты и перемещая левое рулевое весло.

Да, вот еще событие: сегодня Норман вышел в эфир и сразу — о ра-

дость! — ему сообщили, что с нами хочет говорить ленинградский радиолучитель. Через минуту я уже слышал его голос. Это был Алексей Старков.

Я сообщил ему коротко о положении на «Ра», дал адрес своих родителей и условился о разговоре на второе июня.

Надеюсь, мне удастся не только передать информацию для «Комсомольской правды», но и поговорить с матерью, отцом и своей дочкой Дашунькой.

31
мая
седьмой
день

Все с нетерпением ожидали встречи с мысом Джуби. Карло забрался на мачту и в бинокль обозревал окрестность. Наконец, слева он заметил землю, едва-едва видную на горизонте. Это и был тот самый мыс. Значит, расчеты оказались верными, и мы прошли благополучно страшное место, оставив его на семь—десять миль левее.

Очень тоскую без русской речи.

Обезьяна вчера разворочила мои вещи, получила за это шлепок, к огромному удовольствию Абдуллы.

1
июня
восьмой
день

Проснулся от оглушительного рева сирены. Оказывается, рядом с нами плывет французский танкер из Гавра.

Появление танкера сопровождалось небольшим курьезом. Вахтенному Санти померещилось, что мыс Джуби все-таки на нашем курсе. Немедленно он разбудил Тура и Нормана и сообщил им эту ужасную новость.

«Самый лучший доктор из всех докторов на «Ра»

Сориал ушел под воду; Абдулла его страхует

Над Санти потом долго потешались, а танкер приблизился, описал круг и ушел.

Перед завтраком сломалось очередное рулевое весло.

Лодка тут же пошла влево, выскочил Норман и заорал: «Таша парус вправо!» Все забегали, засуетились, потянули за канаты, — но курс не менялся.

Положение спас Джордж, он навалился на обломок весла и два часа удерживал лодку. Весло плясало и дергалось в его руках, грозя раскроить череп.

А мы ставили дополнительные весла.

Результат получился незначительный — нас сносит, сносит к югу.

2
июня
девятый
день

Мы подсчитали с Туром: у нас сломано всего пять весел (из них два больших) и одно потеряно.

Немного хандрит Абдулла — его-таки прихватила морская болезнь. Давал ему лекарства.

А вообще на «Ра» больных нет, и в дежурства включены все. Сегодня, например, дежурным по кухне был Джордж. Он сделал рисовую кашу с помидорами, лимоном, крошил туда черного хлеба и бухнул невероятное количество перца.

Обедали с вином и финиками, а на десерт ели арбуз. Карло снимал на пленку, как мы обедаем. Причем Тур, увидев кинокамеру, тут же поменял свою металлическую ложку на русскую деревянную.

Видели кашалотов, они прошли совсем рядом, то мерно погружаясь, то показывая тупые морды и большие плавники.

3
июня
десятый
день

По утрам очень влажно и вылезать из спального мешка совершенно не хочется. Рубашку и джинсы натягиваешь с трудом.

Абдулла после лекарства проснулся веселый. Санти похвалил меня: «Ты самый лучший доктор на «Ра»!»

Тур расхохотался и добавил: «Да, самый лучший из всех на папирусных лодках мира!»

Мы плывем из Северной Африки в Америку. И вот зачем, собственно, мы плывем.

Ученые никак не могут договориться: развивалась культура человечества одновременно на разных материках или, возникнув где-то в одном месте, распространилась затем по всему земному шару.

Тур Хейердал — приверженец второй точки зрения.

Ему кажется, что неслучайно в американской и африканской цивилизациях так много совпадений.

Например, на озере Титикака в Перу издревле строятся лодки из тростника — почти точная копия древнеегипетских папирусных судов.

Как люди на разных материках научились делать одинаковые лодки!

— Позвольте, — сказали Туру оппоненты, — древние египтяне и древние перуанцы ни в коем случае не могли делиться своими судостроительными секретами! Ни один мореход не мог бы пройти на папирусном корабле от Нила до озера Титикака!

— Ни один мореход! — усомнился Хейердал. — Вы не верите в надежность папируса!

Наша благонравная Сафи

И теперь мы плывем из Северной Африки в Америку на папирусной лодке.

Джордж садится на корме у борта и начинает умывать Сафи. Та переносит эту процедуру спокойно и с удовольствием. Затем стираются полиэтиленовые штанишки, надеваются свежие, и Карло уже спешит к обедающему с куском печенья.

Затем Сафи привязывают к капитанскому мостику. И начинается ее трудовой день: первая задача — стянуть, что плохо лежит, — тетрадь, лекарство, бинт и так далее, и все в рот. За сегодняшнее утро она успела разгрызть карандаш Тура и попортить блокнот с записями курса. Кстати,

проблемы курса уже нет. Весло восстановлено, поставлено, закреплено и работает «автоматически».

Прошу Нормана: нельзя ли чуть-чуть изменить курс и пойти южнее, что-то холодновато. Санти смеется и говорит: «Маньяна», — что значит по-мексикански: «завтра», но переводится как «после дождика в четверг».

«Маньяна», — говорит Санти, — любимое слово мексиканцев, когда будешь в Мексике, говори всюду «маньяна» и тебе будет хорошо».

4
июня
одиннадцатый день

Наступила «маньяна» раньше, чем обычно, — перешли в новый часовой пояс, передвинули стрелки часов.

На корме разгорались страсти.

Дело в том, что появились летающие рыбки, необычайно красивые, перламутрово-голубые. А за этими рыбками гонялась макрель. Иногда она выпрыгивала, довольно большая, серебристая. Санти и Карло лихорадочно забрасывали в океан приманку, видно было, как макрель подходит к ней, но ни одна не клюнула. «Да смейте вы блесну!» — кричал я. В воду полетели блесны разных размеров и разной формы, но итог был прежний.

Тур с хитрым видом начал собирать какие-то дощечки.

— Что это? — спросил я.

— Хочу сделать прибор, примерно такой, как у древних египтян. Ведь они имели приборы, с помощью которых могли определяться на местности.

Весь вечер Тур мастерил, выстругивал, выпиливал, размечал. Достал набор стамесочек, молоточки, пилочки, — трудился вдохновенно.

Я спросил Тура, что он думает делать с лодкой по окончании путешествия.

— Возможно, перевезем ее в музей «Кон-Тики», но это довольно сложно: когда папирус высохнет, лодка может просто рассыпаться. Однако попытаемся.

Вообще он очень доволен нашими делами и считает, что проделаем переход за два месяца. Если не сгорим: утром на палубе валялись горелые спички, и Тур журил за это нас, курильщиков, раздражался: «Очень опасно!»

За двадцать пять часов прошли пятьдесят восемь миль к юго-западу.

5
июня
двенадцатый день

Явился на корму умываться и увидел Карло — он плескался возле лодки, привязавшись веревкой к поперечному бревну, фыркал и повизгивал.

Тур попробовал воду ногой и сказал, что она ледяная. Но я все же плюхнулся рядом с Карло, согнав брызгами Тура с его места. Вода действительно была не очень теплой, но приятно принять ванну, даже соленую, после двенадцатидневного перерыва.

Экипировка наша изменилась. На смену брюкам пришли шорты, а на смену свитерам — рубашечки.

После обеда Джордж стал готовиться к подводным съемкам. Заодно он осматривает и днище лодки. Я стал проситься тоже, после недолгих разговоров убедил Тура в своих способностях пловца, и он разрешил.

И вот мы с Джорджем, привязанные тонкими манильскими канатами, ухнули в воду.

Течение сразу подхватило и поволокло от лодки. Цепляюсь за обвязку папируса. Работаю ластами. Нырять.

Картина фантастическая — «Ра» снизу. Лодка в превосходном состоянии, дно ничуть не пострадало от воды и штормов.

Делаем несколько кругов под лодкой, — все отлично. С радостью сообщаем об этом Туру.

Тур между тем доделал свой прибор, определяется с его помощью — и координаты получаются правильные!

Норман шутит: «Пусть Тур теперь сделает древнеегипетскую рацию».

Мы плывем из Северной Африки в Америку. А плавание нашего «Ра» началось от озера Чад. Там рос папирус, из которого сплетена наша лодка. На берегах этого озера живут и мастера папирусных судов Омар и Муса. Вместе с Абдуллой они соорудили наш корабль, очертаниями немного напоминающий лук.

Потом «Ра» везли на специальной платформе, на палубе морского лайнера — и лишь в Сафи, в Марокко, впервые спустили на воду.

Точно ли поняли современные папирусостроители замыслы своих древних коллег, — покажет океан.

6
июня
тринадцатый день

На завтрак опять овсяная каша...

7
июня
четырнадцатый
день

Правая половина «Ра» вся пропиталась водой, и когда мы на правом борту, вода выходит из папируса, как из губки. Тур говорит: «Папирус, даже насыщенный водой на сто процентов, не теряет плавучести. Однако было бы лучше, если бы лодка не имела крена».

Чтобы хоть немного исправить положение, мы постепенно перемещаем груз с правой стороны на левую.

Перед сном, по привычке, уселись возле входа в кабину. Карло рассказывал о своих путешествиях по Гималаям. О снежном человеке, о том, как, если верить легенде, одна женщина прожила среди йети несколько лет.

Карло считает, что снежный человек вполне может существовать, ведь Гималаи — совершенно дикий и неисследованный край, люди там необычные, очень выносливые, с необыкновенно развитым обонянием и зрением (видят более чем на пять километров).

Ночь тихая, безветренная, только плещется вода, поскрипывает наша лодка и плавно льется итальянская речь Карло.

8
июня
пятнадцатый
день

Я свободен от вахты, и я должен мыть кухонную посуду. Тазу многочисленные кастрюли, кастрюльки, ложки, поварешки, порошки и щетки на корму.

Посуды многовато, это отмечают все дежурные, но ничего не подлаешь, откуда незаметно она накапливается.

Джордж, кстати, составил забавную табличку: «Уровень аппетита экипажа «Ра». При ста возможных очках Тур получил девяносто пять, Норман — восемьдесят семь, я — семьдесят три (что-то мало!) — и так далее, по убывающей; последний — Абдулла: сорок.

Начал сегодня учить Джорджа русскому языку. Алфавит, кажется, он уже освоил.

Вечером говорили о Гагарине — я рассказал о том, как погиб Гагарин и какой хороший это был человек.

За день прошли пятьдесят пять миль, курс слегка изменился к лучшему.

9
июня
шестнадцатый
день

Картошка по-французски и икра по-египетски...

10
июня
семнадцатый
день

Сафи отличилась. Покусала Нормана.

Он спускался с мостика, и вдруг Сафи ни с того ни с сего вцепилась ему в ногу. В результате — здоровенный синяк и маленькая ранка. Норман очень огорчен и растерян: за что?

Еще неприятное событие. У Джорджа пропал магнитофон. Он оставил его на корме и пошел помочь мне крепить канистры с водой, через полчаса вспомнил, взглянул — и увы! Скорей всего, магнитофон свалился в воду сам, но возможно, конечно, его кто-нибудь, не заметив, задел. Я старался утешить Джорджа, но он говорил, что путешествие для него испорчено, потому что ему без музыки не уснуть.

На дне лодки поселились актинии — полуцветы-полуживотные, очень разноцветные и красивые.

11
июня
восемнадцатый
день

Я уже совершенно уверен в мореходных качествах лодки. А поначалу все мне казалось, что мы должны перевернуться, поэтому я старался быть чаще на палубе, считал подсознательно, что так безопаснее.

Теперь наоборот, именно в кабине чувствуешь себя спокойно.

Море фосфоресцирует. Когда лодка опускается на волну, за кормой вспыхивает целый каскад сверкающих звездочек, они исчезают у конца рулевого весла и появляются вновь метрах в десяти позади, уже объединившись в большие сполохи, — будто что-то взрывается в глубине моря.

12
июня
девятнадцатый
день

Утром была ясная погода, но ветер и волны оставались большими.

Вода, вопреки прогнозам Тура, не просачивается сквозь папирус. Он набух и почти влагонепроницаем.

Я сидел на корме, на бревне, и заметил плывущий прямо на меня пузырь.

Недолго думая, я схватил его. И взревел от боли, руки словно обожгло. Стал отмывать их, не помогало, слизь прилипла к пальцам. Мимо проходил Санти, я взмолился: «Мыло!» — он бегом бросился, принес, но и мыло не помогло. Руки горели и ныли, пальцы сгибались с трудом. Добрался кое-как до кабины, достал чуть не зубами пульверизатор с анестезирующим, побрызгал, — боль исчезла лишь на мгновение и появилась с еще большей силой.

Окончательно утихла она только через пять часов.

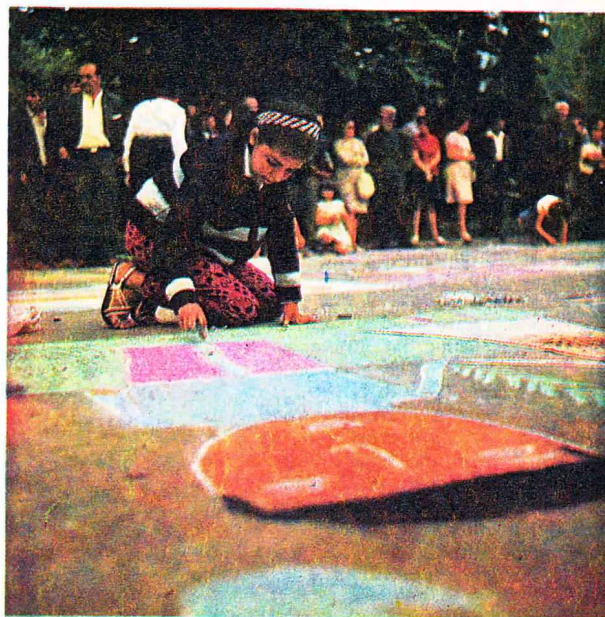
Мне объяснили: медуза, с которой я поиграл, называется «португальский военный корабль». Наверно, оттого так называется, что верхняя часть ее тела похожа на парус — и служит парусом, помогает передвигаться.

А снизу у нее щупальца, длинные, иногда десятиметровые, нити.

Яд, который медуза выделяет, относится, видимо, к нейропаралитическим. Представляю, каково рыбке, попавшей в ее «лапы»!

Вечером Тур прочел нам текст своего сообщения, предназначенного для радиопередачи на завтра. В сообщении коротко говорилось о событиях последних дней, о том, что папирусная лодочка благополучно плывет, а семеро людей на ней не ссорятся и помогают друг другу.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

РИСУНКИ НА АСФАЛЬТЕ

Можно рисовать в альбоме кисточкой, в тетради карандашом.
А можно — цветным мелком на асфальте.

Фото В. Мишина

МОЙ ОТРЯД ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ

О сборе нашего 87-го пионерского отряда я оповестил обычным способом — по пионерской цепочке.

Вы можете сказать: что же тут удивительного?

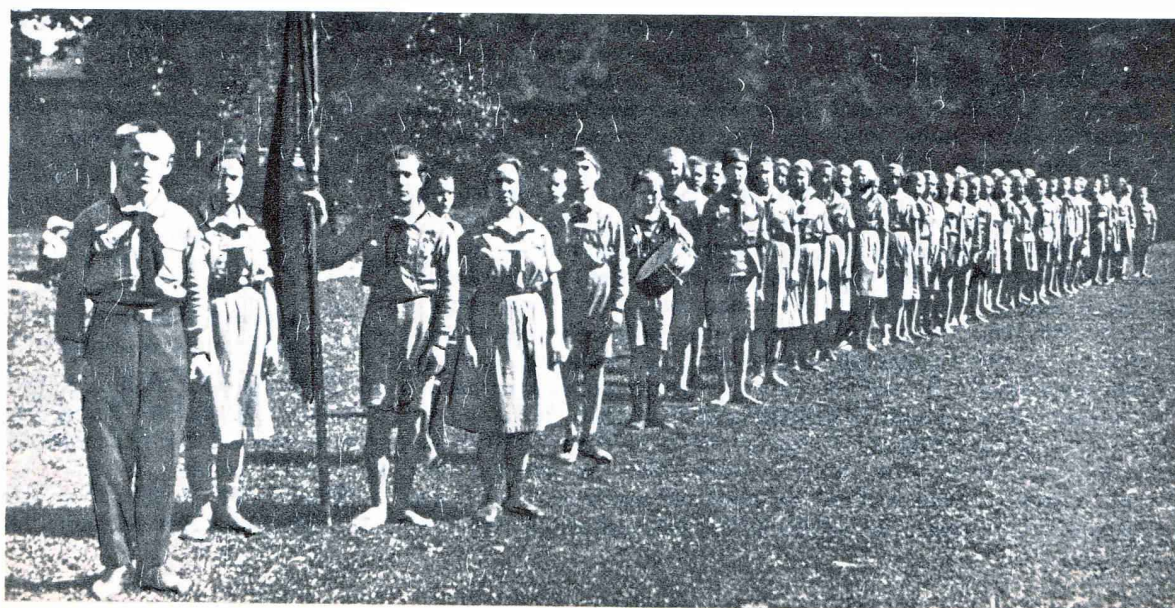
А то, что мы не виделись более тридцати лет.

... И вот в Москве на площадке Выставки достижений народного хозяйства у фонтана «Дружба народов» выстроилась линейка. Особенная линейка — тут рядом с солидным директором завода — преподаватель строительного института, тут художник Музея Маркса и Энгельса, заместитель главного психиатра Московской области, директор одной московской школы и много других очень серьезных и весьма уважаемых в стране людей.

Да, тридцать с лишним лет тому назад все они были пионерами, вроде вас. И я, вожатый этого 87-го отряда Сокольнического района Москвы, был ненамного старше остальных. Мы любили ходить в дальние походы по деревням, помогали там собирать урожай и ликвидировать неграмотность, охотно выступали в «Живой газете». И хоть тогда слово «тимуровец» было еще неизвестно, пионеры помогали престарелым и нетрудоспособным людям — кололи дрова, пололи грядки. Дружный был отряд!

Прошли годы, но дружба осталась. И вы видите две фотографии одного и того же нашего отряда. Одна сделана в 1926 году, другая — через тридцать пять лет.

Г. Ларичев,
бывший пионервожатый

СЕМЕН БОТВИННИК

У каждого поколения — своя историческая судьба.

Человек может прожить долгую жизнь, но в этой жизни всегда есть какой-то период, пусть и недолгий, когда судьба этого человека и его поколения наиболее тесно срастается с судьбой родины. И такой период, период наибольшего душевного горения, навсегда остается в сердце.

Для меня и моего поколения таким временем были годы Великой Отечественной войны. Это было очень трудное время, время потерь и надежд, когда мои школьные друзья и давние приятели — дворовые мальчишки — надевали шинели и прощались, часто — уже навсегда...

В одном из своих стихотворений я писал о тех днях:

Это ни с чем не смешалось...
Память, навек сохрани,
Как глубоко нам дышалось
В те опаленные дни.

Именно поэтому, хотя со времени окончания войны прошло уже четверть века и мною написано с тех пор много стихов — и чисто лирических, и сюжетных, — и теперь я нет-нет да и вновь обращаюсь к военной теме. Много у меня стихов и о Ленинграде: я вырос в этом городе, ушел отсюда на флот в 1940 году, видел Ленинград блокадный и послевоенный. Я люблю его балтийские ветра и майскую прозрачность. Его площади — как бессмертные страницы героической каменной книги. Навеки врезано в его гранит высо-

кое имя «Авроры». Вечным пламенем горит на его камнях кровь ленинградцев, отстаивших свободу в горькие дни блокады.

Этот город — наш дом, наша судьба, наша песня...

Меня часто спрашивают: как вы пишете свои стихи? Быстро или медленно? За столом ли, на улице? Трудно ли их придумывать?

Дело в том, что само выражение «придумывать стихи» — очень неудачное. Даже общепринятые слова «сочинять стихи» сейчас, как мне кажется, несколько устарели. Ведь для того чтобы написать хорошее стихотворение, не надо ничего сверхъестественного изобретать, выдумывать, «сочинять» — нужно прежде всего быть охваченным порывом настоящего чувства и уметь это живое чувство правдиво и по-своему передать. А для этого, конечно, нужен и опыт, который, как и во всяком деле, со временем приходит.

Стихотворение можно создать и в трамвае, и дома, и во время прогулки, но необходимо, чтобы ты был по-настоящему взволнован, и тогда даже те вещи, которые ты, казалось бы, много раз видел, предстают перед тобой в каком-то особом, ярком, поэтическом свете. Вот так я однажды написал стихотворение о Марсовом поле — с его вспыхнувшими на братских могилах багровыми осенними цветами, о контуре «Авроры» на фоне заката, — а ведь я до этого бывал там много раз, но чувства мои, видимо, не достигли еще тогда того накала, который впослед-

ствии заставил меня взяться за перо.

Иногда какая-то отдельная деталь, казалось бы — незначительная, вдруг приобретает в глазах поэта более глубокий смысл, выходит далеко за пределы простого факта. Так, сразу после войны, в Германии, я увидел громоздкий памятник какому-то немецкому полководцу. На тяжелом коне, обращенном на восток, он сидел, высоко подняв руку с мечом — но это был уже только обломок меча. И когда я написал об этом:

Седок в коня
как будто врос,
Летит вперед,
готовый к схватке, —
Но меч у самой рукоятки
Осколок начисто отнес,

то за этим мне виделось нечто большее: бессилие захватчика, меч которого мы переломили в минувшей войне...

Дни бегут, времена меняются... Мы живем в век нарастаю-

ших скоростей, сложной техники, ных политических событий. Все Сегодняшние стихи, мне кажется, должны отражать и эти особенности времени.

Саша Боньковский

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Шли сраженья от моря до моря,
почернел под разрывами снег...
В арифметике общего горя
сколько стоил один человек?

Все плотней и плотней окружение...
Прологая отряду лыжню,
парень шел в боевом охраненье,
шел навстречу чужому огню.

Глухо каркали лыжи по склонам,
ветер вскинулся, лосем трубя...
Повстречавшись с немецким заслоном,
парень принял огонь на себя.

Застучали по дереву пули,
в жаркий снег патрули залегли...
Но с лыжни партизаны свернули,
из тугой ускользнули петли.

Этот парень прикрыл их собою,
алой кровью окрасился снег...
Доложили комбату:
из боя
не вернулся один человек.

И комбат, что сидел молчаливо,
вдруг подумал:

«Не тот — так другой,
все же цену такого прорыва
не могу я назвать дорогой...»

Ходит пламя от моря до моря,
краток стал
человеческий век —
в океане народного горя
много ль стоит один человек?»

Все сильнее рассвет занимался,
и когда он коснулся вершин,
тем, погибшим, одним,
оказался
командира единственный сын.

Полоснула по сердцу утрата...
Как он скажет об этом жене?
И родная припомнилась хата,
и стояли бойцы в тишине.

И пришла уж потом, постепенно,
мысль о том, что во все времена
человека великую цену
не снижает ни мор,
ни война.

* * *

В дыму, во весь экран, Бородино.
Багровый свет над мертвым канониром...
Страшусь за книгу:
дети по кино
знакомятся теперь с «Войной и миром».

Их реже ловят с книжкой
в поздний час,
они в кино уносятся без спроса,
в их сердце беспощадный Фантомас
сменяет благородного Атоса...

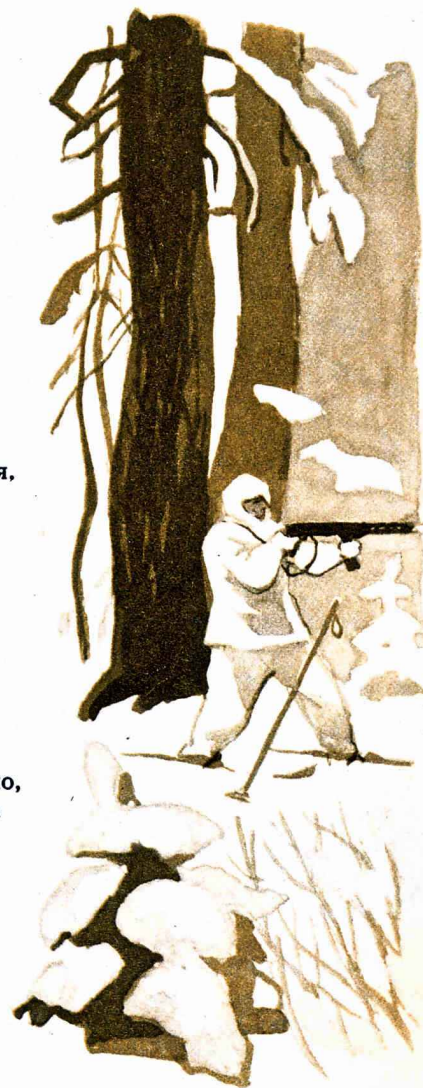
Какой-то детской песенки мотив
в твоей душе стихает понемногу,

и самый скорострельный детектив
ты просишь у товарищей в дорогу.

Пойдем в кино,
в светящуюся тьму,
она к себе приманивает дивно:
читать романы
должно одному,
а тут — переживаешь коллективно.

Тут все уплотнено, сокращено:
что в книге — век,
в кино подобно мигу,
и мальчики смываются в кино,
оставив недочитанную книгу.

Рисунок В. Орлова

Дорогие ребята!

В февральском номере журнала я рассказывал вам о том, как мой друг Тима Панарин писал сочинение о счастье, какие его одолевали при этом сомнения, как непросто оказалось ответить, что же оно такое — настоящее счастье.

Сегодня на моем столе целая гора из ваших писем.

Вглядываюсь в обратные адреса: Уфа, Воронеж, Ярославль, Краснодарский край, Владивосток, Хабаровск, Ленинград, Казахстан, Ялта...

Читаю письмо за письмом и вижу: далеко не все полностью согласны с Тимой, многие спорят с ним, некоторые дополняют его сочинение, кое-кто уточняет и почти все стараются высказать свое особое мнение. И это хорошо! Очень хорошо, что читатели не просто приняли к сведению напечатанное, а задумались и теперь пытаются определить свое личное отношение к теме.

Скажу сразу: ни один корреспондент не заявил, что считал бы себя счастливым, если бы получил стотысячное наследство или выиграл бы по лотерейному билету «Волгу», если бы мог купить десять тонн конфет или хотя бы тонну мороженого. Письма серьезные, сразу видно — писали их ребята, выросшие в стране, где главный капитал — Труд, где первая доблесть — Работа; в стране, на знамени которой недаром изображены Серп и Молот.

«Я понимаю под словом счастье напряженные дни, а может, и годы работы для счастья людей. И это есть самое счастливое из счастливых счастья», — пишет Юра Селявин из Воронежа. И, будто сговорившись с Юрой, ему вторит Ира Горева из Ярославской области:

«Счастье человека, я думаю, это жизнь, но не просто сытая, розовая и легкая жизнь, а трудная, с боями, с препятствиями...»

И Гале Николаенко из города Суджи кажется: «Где счастье, там всегда трудно».

Я никогда не видел Юры из Воронежа, Иры из Ярославской области, Гали из Суджи, но мне

очень хочется верить, что они не просто нанизали бусинки-слова на случайную ниточку мысли, а хорошенько обдумали их, взвесили, проверили на опыте старших, на опыте литературных героев, на своем, пусть еще небольшом, жизненном опыте.

И очень в строку с их высказываниями ложится мысль Тони Орловой из Егорьевска: «Счастья не ждут, а добиваются». Верно и точно сказано. Хочешь быть счастливым, наметь себе точную цель, выведи направление к ней и шагай. Шагай не завтра, не послезавтра, а сейчас. Предвижу возражение:

«Я же учусь пока еще в пятом классе, как же мне «шагать» в геологи, например, или в шоферы сегодня?»

Очень просто! Каждый понимает, каким должен быть геолог. Вот и тренируйся, занимайся спортом, ходи в туристские походы, учись толком, читай книги о твоей будущей профессии — и будешь в пути сегодня. Твое завтра — за баранкой машины? Прекрасно! Но ведь хороший, настоящий шофер умеет не только переключать скорости и жать на педаль газа. Хороший шофер — механик, умелец, мастер на все руки. Вот и не дожидаясь ничего, приучайся работать с металлом, вертеть гайки, ремонтировать технику, для начала хотя бы самую простую, и тоже будешь в пути.

«Что такое счастье, каждый знает и понимает по-своему. Если все народы на земном шаре жили бы дружно, если бы никогда не было войны!» — так пишет о счастье Альфия Муллахметова из Татарии. Правильно, конечно, пишет Альфия, и многие ребята в своих письмах придерживаются точно такой же мысли.

Вот Вера с Алтая говорит:

«Когда счастлив один человек, это еще не счастье. Когда счастлив весь мир — это настоящее счастье».

Вера написала свое письмо торопливо, не без ошибок, забыла указать адрес и фамилию, но главную мысль выразила очень точно: счастье должно действительно принадлежать всем.

«Я не знаю, как напишут о счастье другие. Для меня счастье, когда около меня животные. Если я стану лесником, то при мне будут звери, а когда со мной зверьки, то я очень счастлив», — это слова Саши Гаврюченкова из Калининграда. Мне показалось, что Саша, написав свое очень искреннее, очень доверительное письмо, немного застенялся своих слов. Напрасно, Саша! Хороший человек должен быть добрым, и любить лес, и не обижать зверье, а настоящее счастье приходит только к хорошим людям.

Вера Арзамасова из Кемеровской области пишет: «Самое главное счастье, когда тебя понимают», и я вижу за этой строкой стремление человека к дружбе, угадываю открытость

молодого сердца и радуюсь этой открытости точно так же, как радуюсь стремлению Саши быть около лесных зверюшек, стремлению защитить их, слабых, всеми великанскими силами человека. И, видно, не случайно слова Веры Арзамасовой точно повторила Лена Дудакова из Красноярского края.

«Счастье для жадных людей такое — чтобы всего было больше. Но это же не счастье. Для человека хорошего счастье — это друг!» — пишет Марина Чернова из Владивостока, и ее поддерживает Нагима Кожина из Челябинской области: *«Счастье в хороших друзьях»*.

Вообще друзьям, настоящим и преданным, посвящаются многие строки во многих письмах.

«Счастье в людях, если каждый человек будет делать только добрые дела, то все люди будут счастливыми»

(Люда Дудина из Костромской области).

«Надо, чтобы люди жили тобой, а ты жил людьми»

(Люда Цветкова из Павлодара).

«Иметь хорошего друга, по-моему, самое главное»

(Таня Долина из Аткарска)...

Один пишет пространно, другой коротко, один склонен к обобщениям, другой охотнее рассказывает о каких-то важных, на его взгляд, частностях.

Галя Сотникова из Краснодарского края пишет конспективно, сжато:

«Счастье иметь хорошего, верного друга... Счастье, когда в тебя верят... когда тебя понимают... Счастье иметь семью... Счастье — книги... Счастье — люди. И здоровье — счастье... А если сказать коротко, то счастье это все наилучшее в жизни человека!»

Пожалуй, если приплюсовать к словам Гали еще и слова Оли Акимовой, то получится почти полная программа счастья человека:

«Чтобы быть счастливым, надо быть веселым, справедливым, добиваться уважения».

Конечно, «полная программа» я сказал не всерьез: едва ли это возможно — наметить полную и притом универсальную, то есть подходящую для всех, программу счастья, но вот что важно: для того, чтобы быть по-настоящему счастливым, человек должен себя подготовить к счастью, воспитать, развить, сформировать

свой характер. Я точно так же, как Тима, считаю, что счастливым не может быть человек жадный, доносчик, трус, подлиза... То есть и эти люди могут испытывать какие-то приятные, радостные минуты в жизни, но к счастью их восторги не имеют никакого отношения.

Все ли письма, что на моем столе, радуют? Почти все. Огорчают несколько писем. Это письма без подписей. Так называемые анонимные письма. Вот длинные рассуждения девочки, укрывшейся за буквой И. и не указавшей своего адреса. Они посвящены теме важной и вполне заслуживающей обсуждения. Речь идет о том, что настоящее счастье только в любви. А чего ж ты прячешь свое лицо, И.? Чего ты испугалась? Это верно — любовь, если она настоящая, — большое счастье, даже великое!

В другом письме без подписи говорится, что Тима так написать не мог, как было напечатано в журнале, и все это — вранье. Так думает таинственный А. Что сказать об этом человеке? Он — трус. Он — недостойн разговора. Уж коль хочешь обвинять кого-то другого, то будь готов услышать и возражения.

Нечистое это дело, ребята, писать письма без подписи. Если я упомянул об огорчении, которое они, эти письма, мне доставили, то только для того, чтобы и вы задумались.

А наш разговор о счастье на этом не обрывается.

Люди не могут не говорить, не думать о счастье до тех пор, пока они живы, и, может быть, этот разговор — самый важный, самый перво-степенный из всех разговоров...

Вы продолжите его между собой, призвав в советчики и тех, кто старше вас и потому награжден большим житейским знанием, и обращаясь к книгам, впитавшим опыт многих поколений. Это хорошо. Это нужно. А не следует ли нам поговорить и о других весьма существенных вещах — например, о совести, о долге, о честности, о порядочности, об обязательности?

Мне представляется, что открытый разговор на страницах «Костра», посвященный такой теме: КАК СТАТЬ НАСТОЯЩИМ, пригодился бы многим и многим бы помог. А вы как думаете?

Ваш Анатолий Маркуша

Исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного русского писателя Александра Ивановича Куприна.

Многие ребята хорошо знают его рассказы, такие как «Белый пудель», «Ю-ю», «Чудесный доктор», «Барбос и Жулька», «Изумруд» и другие.

В своей нелегкой, но богатой впечатлениями жизни он испытал много профессий, был военным, журналистом, землемером, конторщиком, актером, рыбаком. И, между прочим, чрезвычайно интересовался авиацией, дружил со знаменитым летчиком Сергеем Уточкинским, летал на аэроплане, а в 1910 году вместе с борцом Иваном Заикиным одним из первых в России совершил полет на биплане. Увлечение писателя авиацией отразилось и в его шуточном рассказе «Авионетка», который мы печатаем в нашем журнале. В Советском Союзе этот рассказ публикуется впервые.

Редкую фотографию Куприна предоставила нам его дочь, Ксения Александровна, она сейчас живет в Москве.

АВИОНЕТКА

А. И. Куприн

РАССКАЗ

Жил-был в Париже, в наше время, немолодой русский фотограф Петр Иванович. Жил так себе, не особенно плохо, потому что был холост, нетребователен и не имел никаких дорогих пристрастий. Но так как без увлечений могут жить только одни камни, то, конечно, и у Петра Ивановича имелась своя страстишка — правда, очень невинная — авиация. С самого раннего детства мечтал он хоть немножко полетать на свободном воздушном шаре или на аэроплане, но все как-то не приходилось. Пробовал он, еще живучи в России, поступить для отбывания воинской повинности в Гатчинскую авиационную школу, но приемная комиссия забраковала его по причинам узости грудной клетки и неодинаковости слуха в обоих ушах.

Однако эти неудачи не только не охладили его воздухоплавательного рвения, но даже, скорее, еще больше возбудили его. Он охотно покупал разные руководства и брошюры по авиатике. Пропуская многие научные выкладки и алгебраические формулы, недоступные для его среднего образования, он, однако, теоретически овладел, в совершенстве, как несложной системой управления авионом, так и кропотливым уходом за мотором.

Ах, друзья мои, давно уже известно, переизвестно, что судьба лишь в самых редчайших случаях готовится для человека ту профессию, к которой он всего наиболее склонен и способен. Посредственный генерал артистичес-

ки играет на бейном басы¹, прирожденный талантливый цветовод становится плохим профессором римского права, писатель всю жизнь мечтает о тренировке породистых скаковых лошадей, и так без конца, а причина этой непоследовательности в мироздании нам — увы, неизвестна.

* * *

В Париже, в утлом беженском положении, Петру Ивановичу улыбнулась, наконец, неожиданная удача. Зашел как-то в его ателье молодой французский летчик со своей хорошенькой невестой. Узнавши о профессии клиента, Петр Иванович с радостью напряг все свои фотографические силы, средства и возможности, чтобы снимки вышли на славу. Кроме обыкновенных альбомных карточек, он, уже от себя, сделал три кабинетных портрета. Он не только назначил потрясающе дешевую цену за свою работу, но даже любезно предложил обреченным, в виде поздравления, выпить с ними по рюмочке портвейна с бисквитом на закуску. Прекрасная пара была совершенно очарована им.

Спустя неделю пришел другой летчик, через три дня еще двое. Потом и еще и еще, пока Петр Иванович, почти незаметно для самого себя, не сделался домашним фотографом для

¹ Музыкальный инструмент

всех летчиков коммерческой авиации на аэродроме Бурже. Всех их он снимал с большой любовью и тщательностью. Все пилоты были им увековечены, все: и М. Файоль, и М. Фай, и М. Феврейль, и многие другие. Петра Ивановича немного удивило, что большинство их фамилий начинается с буквы Ф и что все они летают на аппаратах Фармана. Имел он честь снимать и знаменитого военного летчика Фонка.

Вход на коммерческий аэродром довольно свободный. Не то что на замкнутый военный. Петр Иванович нередко приезжал из Парижа в Бурже полюбоваться, как отлетают в Англию, в Румынию, в Прагу огромные двухвинтовые «Голиафы». И жутко и весело ему бывало смотреть, как серое чудовище медленно разворачивалось перед подъемом, ревя, трепеща, содрогаясь, извергая из себя запах бензина и касторового масла, как от его могучего дыхания в стремительном урагане летели над землей песок, камни, пыль, какие-то обрывки, осколки, деревяшки, тряпки и всякий мусор, и как величествен бывал момент, когда «Голиаф» отрывался от земли.

На аэродроме заметили это жадное любопытство фотографа, и как-то в пригожее летнее утро очередной пилот сказал ему: «Перед отправкой мы всегда делаем небольшой пробный полет, чтобы окончательно убедиться и убедить ожидающих пассажиров в ровной и четкой работе машины. Так не хотите ли немного прокатиться со мной?» Петр Иванович с восторгом согласился. Его усадили в кабину, заперли, и в течение четверти часа он парил над Парижем.

Такие поездки повторялись потом еще раза три, четыре. По правде сказать, хотя Петр Иванович и держал себя молодцом, но в глубине души эти воздушные пробы ему совсем не понравились, в чем он, однако, никогда бы не сознался из самолюбия. Трудно было дышать, и тяжело пахло. Авион то и дело клевал носом вниз, и тогда все тело падало вниз, а сердце почему-то запаздывало, как бы отделяясь на мгновение, и это было очень противно. В окно тяжело было смотреть, и все казалось непонятным, скучно перепутанным: небо и земля, деревья и дома... Но, тем не менее, Петр Иванович внутренне уже считал себя опытным воздухоплавателем. Не доставало ему только возможности и случая самому сесть к рулю и по своей воле управлять аэропланом. Но мыслимо ли это?

Стояла сухая и теплая зима. Наступали рождественские праздники. У Петра Ивановича давно уже завелся симпатичный обычай: всегда перед Новым годом получал он и подносил самому себе какой-нибудь приятный и полезный

подарок. Так и в этом году поехал он на Блошинный рынок, часа три потолкался на нем и присмотрел, наконец, довольно оригинальный старинный коврик, как раз для винтового табурета. Коврик был выткан в зеленый и черный цвета, а узор его походил на чередование римской и арабской цифры «два». «Ничего, живет», — подумал фотограф и приказал завернуть покупку.

Короткий зимний день скоро прошел. Поработав, как всегда, в лаборатории, Петр Иванович старательно вымыл желтые от реактивов руки, сварил на газе пару яиц, а из кипятка, рома, лимона и сахара приготовил себе любимый грог. Он сидел в освещенном ателье у стола на вертящемся табурете, покрытом обновой, старинным ковриком. Скромно поужинав, Петр Иванович, не спеша, потягивал благовонный напиток, тихонько покручивался влево и вправо на круглом табурете, глядел в черные ночные окна и отдавался случайным мыслям... Как и всегда, произвольное оцепенение мыслей привело его к столь любимой авиации.

«Вот на таком же круглом табурете сидит пилот в своем носовом отделении. Ноги его упираются в педаль, а в руке у него руль глубины... Ах, полетел бы и я! Вот так взял бы в руку руль... (Петр Иванович взял пальцами бахрому свисающего между его ногами коврика, потянул его осторожно на себя) — вот так...»

Фотограф потянул за бахрому и... вдруг коврик слабо колыхнулся, тихо поднялся в воздух и полетел, нежно неся на себе Петра Ивановича. Стекло крыша ателье мягко, уступчиво растаяла, и ковровый самолет вылетел в пространство. Вверху — черное небо со звездами, под ногами бесчисленные огни огромного города, мощный ветер яростно дует в лицо. «Лечу! Лечу!» — в восторге воскликнул Петр Иванович.

* * *

На другой день в два часа пришла, по обычаю, фамдеменажка¹. Взяв у консьержки² ключ, она отворила ателье и к удивлению заметила, что окна отворены настежь, электричество горит вовсю, а самого фотографа нет дома. Он не возвратился даже через неделю, даже через месяц. Заявления о розыске полиции не привели ни к чему.

Фотограф исчез навеки. Куда он улетел на своем волшебном коврике, на волшебной авионетке?

Публикация Л. Чертова

1 — уборщица

2 — привратница

Дом — прозрачные стены

В. Осинский

За креслом тропинка. — Улица без „боков“. —
Воздушные дворцы

Вы сидите в уютном кресле, а прямо над головой машет ветками на ветру дремучая ель. Тропинка в горы начинается сразу же за спиной собеседника.

И ель, и тропинка — в заснеженном вьюжном лесу, а вы в тепле, но тоже

как бы в лесу, ведь тонкое стекло, отделяющее от чащи, не в счет...

Архитекторы всегда стремились как можно точнее вписать здание в ландшафт, теснее связать его с природой. Но только сейчас с помощью больших стеклянных панелей, сплошных про-

зрачных стен они могут достичь такого единства.

И уходит вдаль озерная гладь из-под прозрачных стен санатория на Иссык-Куле.

И бьют волны в стеклянные панели павильона отдыха в Паланге.

А если такое сделать в большом городе?

Улица, застроенная домами-аквариумами, станет как бы шире, потому что потеряет четкие боковые границы. Первые этажи — а в них магазины, театральные кассы, выставочные залы — как бы станут частью улицы. Их залы откроются взглядам прохожих. И уже трудно будет пройти мимо, не посмотрев выставки, не заглянув в магазин.

Улицей-галереей стал новый Арбат

в Москве, реконструированный киевский Крещатик, в Ленинграде — Московский проспект на въезде в город.

Мы привыкли, что в доме стекло — это окно. Но теперь окно разрослось во весь фасад. Из стекла стали делать потолки, полы, внутренние перегородки, перила на лестницах, подоконники...

Почему же только сейчас стекло заняло большое место в строительстве? Оно ведь такой древний материал!

История окна — история архитектуры. — Стекла на замке. — Разглаженный пузырь

Чем старше здание, тем меньше у него окна. Причина одна — стекло было редко и дорого. Окна крестьянской избенки забирались бычьим пузырем, мутноватой слюдой. Еще вставляли в рамы воощеную бумагу, роговые пластины. Богатые сеньоры-феодалы, бывало, промерзали до костей в своих роскошных замках, потому что стекла в узких окошках-бойницах появлялись только к при-

езду знатных гостей. Разъедутся гости — стекла вынимают и под замок.

Уже научившись отливать из стекла различные украшения, выдувать красивые сосуды, люди долго не могли получить обыкновенного прозрачного листа. Сначала раскатывали куски расплавленного стекла в толстые лепешки. Позже стеклодувы, изо всех сил напругая легкие, выдували огромные пузыри — холявы. Неостывшие

холявы разрезали и разглаживали в лист. Это была медленная и трудоемкая работа. А стеклянные листы получались небольшие и дорогие.

И даже если не жалели денег на огромные окна, весь вид портила частая сетка оконных переплетов.

Ныне успехи строительной индустрии дали в руки зодчих дешевые и надежные материалы. И среди них — стекло. Стекло во всю стену.

Бифштексы на проспекте. — Стекломания? — Стеклофобия?

Если в доме-аквариуме разместить парикмахерскую, тебе будут мылить голову на глазах у всей улицы. А если столовую или кафе? Жуй бифштексы под взглядами прохожих.

Не переборщили ли архитекторы, не заболели ли чрезмерной одержимостью стеклом — стекломанией? Не многовато ли «аквариумов» на наших улицах?

В зарубежной печати появились сообщения о новом нервном расстрой-

стве — стеклофобии (стеклобоязни), появившемся у людей, психика которых не выдерживала напряжения в «незамкнутом» пространстве, уставала от близкого, ничем не отгороженного соседства улицы.

И действительно, представьте себе конструкторское бюро в первом этаже с широкими окнами, выходящими на оживленную магистраль. Конструкторы склонились над чертежами, но боковым зрением все время чувству-

ют улицу. Вот собака пробежала забавная, шляпка яркая промелькнула, происшествие какое-то случилось... И все движется, кружится...

Так что же, отказаться от чудесного строительного материала только потому, что он прозрачен? А его стойкость, прочность, гигиеничность и прочие полезные свойства?

Теперь, после легкого кружева стекла, вернуться к бетону и камню — все равно что вновь строить средневековые крепости...

В цехах „стеклянной Магнитки“. — Сверкающие соты. — Голубые полосы. — Стакан в пять этажей

«Стеклянная Магнитка» — так называют мощный стеклозавод в Саратове.

Гудит пламя газовых горелок, нагревающих стекловарочную печь — громадный бассейн из огнеупорного кирпича.

Но здесь варится не только простое оконное стекло, а будущие стены, двери, полы и потолки... Этот завод и десятки других дают нашим стройплощадкам тысячи квадратных метров новых материалов.

Чавкающая машина плюхает пресс-форму в кусочек горячей стекломассы — получается квадратное блюдце. Блюдце на блюдце — сварка по краям — и полый квадратный кирпичик остывает, посверкивая рифлеными гранями. Из кирпичиков потом сложат стену. Вы, наверное, видели такие полупрозрачные стенки-соты, играющие преломленными лучами света. Кирпичики-стеклоблоки выпускают и

цветные — желтые, розовые, оранжевые, изумрудные, голубые. Стены из стеклоблоков пропускают свет и хорошо хранят тепло — кирпичики-то с воздушной подушкой.

Стеклоблоками выкладывают стены вестибюлей и залов в новых домах, застекляют окна подъездов и лестниц, стеклоблоки встраивают в павильоны переходов, остановок автобусов, станций метро.

И все-таки из кирпичиков довольно долго собирать стену. А непрозрачные швы из цемента или клея в местах стыков блоков портят «хрустальную» поверхность.

А что если вытянуть блок в длину, сделать из стекла балки, толстые доски, тоже полые? Из них составлять стены гораздо проще.

За это взялся коллега саратовцев со стеклозавода города Бор, что находится под Горьким.

Горячую ленту стекла, идущую из

печи, загнули по краям, придав ей форму швеллера. Теперь приложить краями друг к другу швеллерные балки — получится коробчатая плоская труба. Из таких труб можно составить стену. Неудобно только, что склеивать швеллеры надо на стройке. Как бы сразу из печи получать коробчатую структуру?

И вот сконструировали формирующее устройство: в середине брусок, а по краям лопасти. Лопасти так загибали ленту, что она обтекала брусок, шла дальше длинным бесконечным коромыслом. А аппарат сверху сваривал края. Оставалось только нарезать балки нужной длины.

Балки из стекла после закалки очень прочны. Рабочие-стеклоделы положат стеклянный брус концами на два стула и приплюсывают на нем всей бригадой. Технику безопасности, конечно, нарушают, но верят в свое изделие.

Балка к балке — и получаются стены. Не прозрачные, а свет пропускают, тепло и звук задерживают.

Называется этот материал — стеклопрофилит.

В горьковском Дворце спорта стеклопрофилитом заполнены целиком световые проемы верхней части зда-

ния. Издали Дворец сверкает гранями, как высоченный хрустальный стакан. А внутри — мягкий рассеянный свет.

Благодаря желтому профилиту всегда «солнечно» у малышей в детском саду.

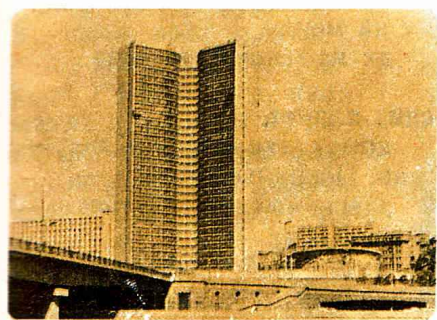
А голубоватый профилит, напротив,

придает прохладу горячему литейному цеху.

Незаменим стал этот материал на предприятиях химической, пищевой, фармацевтической промышленности — всюду, где нужна особая чистота, влагонепроницаемость, стойкость.

Под ударами ядра. — Мрамор из песка. — Зеркальные фасады

Стены одного из цехов саратовского завода облицованы сверкающими холодноватым блеском плитами разных цветов и конфигураций. Это свое-

образная выставка образцов нового материала — стемалита. Уже название говорит о составных его частях. От слова «стекло» взяли слог СТЕ. К нему присоединили МАЛ от «эмали». Окончание ИТ само пристало.

Итак, стемалит. Стекло, сплавленное с эмалью.

Проверим его прочность. Чугунный шар весом в восемьсот граммов бросают на закаленный стемалитовый лист с высоты восьмидесяти сантиметров. Ни трещинки.

Плиты стемалита приклеивают особым раствором к бетонным блокам или прямо на стены. Облицовка нарядная, долговечная, легко моется струей воды. Всегда свежими будут фасады.

Применяют стемалит и для отделки внутренних помещений: холлов, вестибюлей. В музее саратовского завода есть даже мебель из стемалита — этажерки, столики, полочки...

Сверкающие голубые плоскости отражают бегущие по небу облака, зелень листвы вокруг. Это здание знаменитой Бородинской панорамы в Москве. Здесь состоялось крещение стемалита. А затем началось шествие этого чудесного материала по стройкам. Им облицованы фасады высотного здания СЭВ, дома на проспекте имени Калинина в Москве, концертный зал «Октябрьский» и Дом мод в Ленинграде, институт и гостиница в Саратове и много других зданий.

Коварные узоры. — В пакете форточка. — Глаза самой высокой башни. — На окнах темные очки

Теперь вспомним и об окне, обыкновенном окошке в жилом доме. Зачем нам в комнате сплошные стеклянные стены? И от солнца не спрячешься, и мебель некуда поставить, картину повесить. И отдохнуть надо в спокойной обстановке.

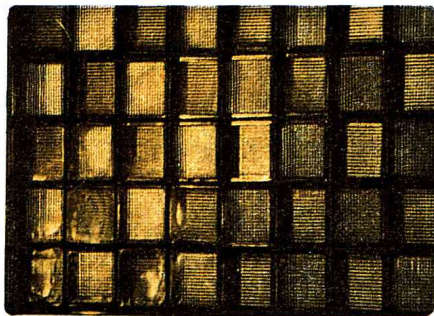
Тут и с обыкновенным окном не все удобно: сидишь над уроками, а сосед возится во дворе с мотоциклом. Даже двойные рамы не спасут от треска мотора.

Окна имеют еще массу неудобств: запотевают, зимой замерзают. И хотя морозные узоры красивы, в комнату проникает значительно меньше света.

А вставка стекол! Кропотливый и нелегкий процесс. Сколько стекольников работает на стройках. Сколько стекла понапрасну разбивается! Сколько уходит в обрезки! Сколько древесины идет на рамы!

Индустриальное строительство использует стандартные детали, готовые блоки. Нельзя ли и окна застеклять блоками из двойных стекол? Можно. Блоки называли стеклопакетами. Два

стекла наклеивают с двух сторон алюминиевой рамки. Еще лучше рамку взять тоже из стекла и приварить к ней стеклянные листы. А потом придумали просто спаивать два листа по

кромке, оставляя между ними воздушное пространство. Сварку производит автомат при температуре в тысячу градусов. Абсолютно герметичные стеклопакеты можно прямо встав-

лять в рамы. Они плохо пропускают звук и тепло.

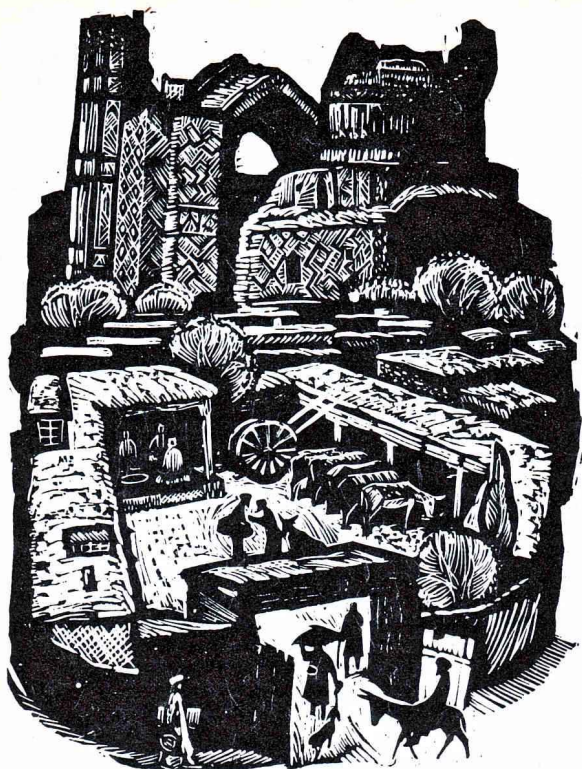
На большой высоте дуют ураганные ветры. Круглые стеклопакеты-иллюминаторы из прочного полированного стекла изготовлены для Останкинской телебашни. Стеклопакеты из толстых стекол, заполненные специальной жидкостью, защищают от радиоактивных лучей и применяются в научных лабораториях.

В аппаратных звукозаписи, на радио- и телестудиях микрофонную кабину отгораживают стеклопакетом из четырех-пяти толстых стекол, обеспечивающих полную звуконепроницаемость.

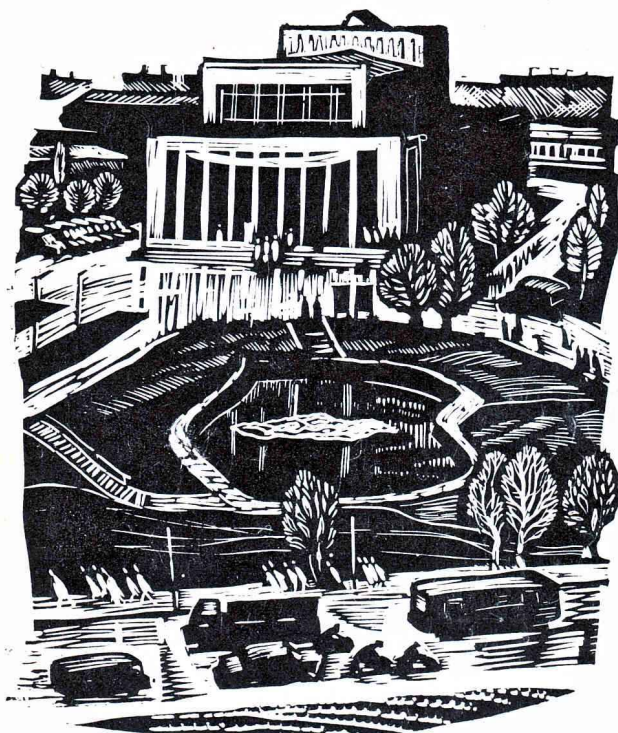
Испытываются и совсем фантастические стеклопакеты-светофильтры. Они изменяют интенсивность окраски в зависимости от яркости освещения снаружи. Представьте палату южного санатория, в которой всегда ровный солнечный свет. Зашло светило за тучу — светофильтры посветлели. Снова яркое солнце — светофильтры сгустили тон.

Продолжение следует...

За это ручаются архитекторы и строители, друзья стекла.

КАРАВАН-САРАЙ У РАЗВАЛИН
МЕЧЕТИ БИБИ-ХАНУМ

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

Гравюры А. Цеглицева

ГОРЖУСЬ ТОБОЙ, САМАРКАНД!

Нариман Арипжанов

В мой Самарканд войти со мной
я приглашаю вас.
Историей и стариной
вы дышите сейчас.
Вот Регистан, Биби-ханум.
Не мало невеселых дум
порой наводит на меня
их каменный рассказ.

Следя движение планет,
комет скользящий бег, —
«Коран — туман. Познание — свет», —
здесь мыслил Улугбек.
Чтоб не угасла никогда
науки ясная звезда —
Ученым стал великий царь,
великий Человек.

Сам Алишер давным-давно
учился здесь и рос,
и Справедливости зерно
мудрец народу нес.
Но варварские времена
губили правды семена,
тянулись долгие века
народных бед и слез.

А зодчих, украшавших встарь
великий Самарканд, —
их обезглавил злобный царь, —
ну что царям талант?
Владыки мрачной старины
в огне бессмысленной войны
не раз для прихоти своей
топтали Самарканд.

Ты нынче празднично богат —
не прежнее житье!
Как современен твой наряд —
приданое твое!
Ты схож с невестой молодой —
забыли все, что ты седой.
Горжусь тобою, Самарканд,
отечество мое!

Перевод Н. Слепаковой

В то время мне было около шести лет. Жили мы в деревне на высоком берегу быстрой сибирской речки. По другую сторону речки простились леса, леса и леса.

Моя мама работала дояркой в колхозе и мало бывала дома, но я не любил ходить к ней на ферму, потому что боялся коров. Отец работал на колхозной электростанции монтером.

Он был добрый, никогда не кричал на меня, ни разу, как говорится, не тронул пальцем. У матери был суровый характер. Она тоже очень меня любила, я это прекрасно чувствовал, но больше тянулся к отцу, а после памятного случая, о котором сейчас расскажу, полюбил отца безмерно и очень гордился им.

Однажды зимой отец решил съездить к своему брату Николаю за пять километров, в соседнюю деревню. Утром он разбудил меня и, как всегда, ласково, тихонько сказал:

— Сынок, если хочешь—поедем на лошади к дяде Николаю.

Я радостно согласился и спросил:

— А Серко на морозе не замерзнет?

— Нет, у него шуба теплая, — сказал, улынувшись, отец.

Позавтракав, отец велел матери одеть меня потеплей и весело сказал:

— Не забудь жениху нос укутать, а то волки серые откусят. Вон по ночам как воют.

Он запряг лошадь, и мы выехали по скрипучему снегу на дорогу, по которой после ночью-

МОЙ ОТЕЦ

РАССКАЗ

Рисунки Н. Кустова

го снегопада еще никто не прошел, не проехал.

Был забористый утренний морозец. Сначала наша лошадь шла неторопливо, а когда отец раза два легко щелкнул ее вожжами по заиндевшим бокам, а я звонким голосом крикнул: «Но! Но!» — она перешла на рысцу.

Вокруг стоял старый лес, укрытый сверкающими на солнце шапками снега. Я заснул и не видел, как отец укутал меня собачьим тулупом...

«Вставай, сынок, вставай», — слышу я сквозь сон. Отец тихонько тербит меня за плечо, я медленно открываю глаза.

— Брата дома нет, в район вчера вечером уехал, — сказал отец и повел лошадь под уздцы в соседний с братовым домом двор.

В избе трое ребят завтракали, весело болтая между собой. Из второй комнаты вышел пожилой мужчина, приветливо посмотрел на отца и, кашлянув, сказал:

— Здравствуй, здравствуй. Да ты не растраивайся, приедет, может быть, Николай сегодня. — А мне сказал: — Здорово ты вымахал, а я тебя махоньким помню.

Быстро отвернулся от меня, достал из кармана голубой носовой платок, чихнул раз, другой, третий.

— Вот беда, болею, ребят боюсь заразить... Мы ждали весь день.

Было часа четыре, когда дверь в кухню резко отворилась и в белых клубках морозного воз-

духа вбежала соседка. Она была в полушубке, но голова непокрыта, лицо красное от слез и мороза.

— Чья лошадь? — быстро спросила она и взглянула на отца.

— Моя, — ответил он. — А что случилось?

— Сын умирает, мил-человек! Грипп у нас тут. Врачиха сказала, в районную больницу надо везти... Дай лошадь, к десяти вечера вернем!

Крупные слезы катились по ее щекам.

— Да чего тут, бери, — ответил отец. — Мне тут недалеко идти. Завтра мне с утра на работу, так ты лошадь отдай Николаю, брату моему, и скажи, чтоб он завтра приехал на лошади ко мне. Согласна?

— Да, да, согласна, — она утерла слезы и, быстро на шарив скобу, выбежала на улицу.

— Давай собираться, сын, домой пешком пойдем, — сказал отец, одевая меня.

Вышли за околицу. Уже начало темнеть. Отец посадил меня на плечи.

— Теперь я Серко, правь, сынок, мной!

Он шагал по дороге, а я сидел на его плечах и невольно съеживался, когда глядел на лес: темная стена, а не лес. Прошли километра два, отец отдохнул, и мы снова двинулись вперед. Снег скрипел под ногами, а я покачивался на его плечах и задремывал.

Но вот отец остановился, снял шапку-ушанку и немного постоял, как бы прислушиваясь, потом быстро надел ее и торопливо пошел вперед. Теперь он уже не отдыхал, а только все чаще приподнимал ухо шапки и к чему-то прислушивался.

— Что ты, папа? — удивленно спросил я.

— Ничего, ничего, сынок, — задыхающимся голосом ответил он и еще сильнее сжал мои ноги.

Но вот я услышал странный звук... Ах, да

это же собаки воют, значит, наша деревня близко.

Хруп, хруп, хруп, — раздавались шаги отца. Он тяжело дышал.

Вдруг за стеной леса мелькнули искорки огоньков. Деревня! Но что это?.. Отец поворачивает с дороги и, утопая по пояс в снегу, спешит к темному стогу сена. Снимает меня с плеч, шарит в кармане брюк, вот что-то достал — спички. Зачем? Хочу спросить, а сам не могу шевельнуть языком. Все ближе слышится вой, а огоньки бегают с места на место.

Отец уже надергал из стога охапку сена.

— Папа, пойдем домой, — еле-еле проговорил я.

Он скатал в руке пучок сена, поджег и бросил его на снег. Затем, не давая огню погаснуть, стал бросать в одно и то же место новые и новые пучки сена. Они вспыхивали веселым пламенем.

В лесу выли волки...

— Папа! Папка! — закричал я в отчаянном страхе. — Поджигай весь стог сена, они не подойдут!

— Нельзя, нельзя... Весь стог прогорит сразу, а потом что?.. Помаленьку до утра прожжем, а когда рассветет — они и уйдут, а мы — домой.

Волки не подходили. Страх держал меня всю ночь, хотя я знал, что звери боятся огня. Перед рассветом волки как будто нехотя удалились. Вой слышался все дальше и дальше и, наконец, совсем заглох.

— Наша взяла! Все! — крикнул отец и поцеловал меня в нос и в глаза. — Все!

Я сразу заснул и не слышал, как отец принес меня домой, уложил в постель. А потом тихонько прикрыл за собой дверь и вышел на тропинку, ведущую на его электростанцию. Для него начинался рабочий день...

Саша Глячков, 15 лет
Боровое, Тюменская область

ПРО ЛЕНИВЦА

СКАЗКА ИНДЕЙЦЕВ КАЧИНАУА

Ленивец очень ленив. Он ничего не хочет, разве только поест. Нельзя не рассердиться на ленивца, если имеешь с ним дело, так как ленивец ленив необыкновенно.

Договорились как-то коати¹ с ленивцем поработать вместе. Но и дня не прошло, как они поссорились, и коати поколотил ленивца. Потому что ленивец и пошевелиться не хотел, а поест был не прочь.

Поколотил коати ленивца и ушел. А ленивец заплакал.

Летел мимо голубь. Увидел он плачущего ленивца и опустился на ветку.

— Что с тобой, ленивец, — спросил голубь, — отчего ты плачешь?

— Я плачу оттого, — сказал ленивец, — что коати побил меня ни с того ни с сего.

Голубь поверил ленивцу.

— Не плачь, — сказал голубь, — я помогу тебе отплатить за твою обиду, — и улетел.

Скоро голубь вернулся. Ленивец по-прежнему висел на ветке и лениво плакал.

— Я поставил в лесу ловушку, — сказал голубь, — и коати уже попался туда.

— Спасибо, что ты поймал его, — сказал ленивец, — а теперь поколоти его за меня.

Засмеялся голубь и улетел. А ленивец лениво забрался повыше на дерево и повис на ветке.

Скоро голубь вернулся опять, но не нашел ленивца на прежнем месте.

— Где ты, ленивец, — крикнул голубь, — отзовись!

Но ленивец ничего не ответил. Голубь звал ленивца, но ленивец не откликался, потому что ему было лень раскрыть свой рот.

Рассердился голубь.

— Ну и оставайся, глупый ленивец, там, где спрятался, — сказал он и улетел навсегда.

Вот потому-то ленивец всегда один.

КТО ЛУЧШЕ ЛЕТАЕТ

СКАЗКА ИНДЕЙЦЕВ РИО-НЕГРО

Рассказывают, что поспорил однажды колибри с аистом, кто из них лучше летает.

— Я летаю лучше всех, — сказал колибри.

— Давай проверим, — предложил аист, — полетим через Рио-Негро. Но вот хватит ли силы в твоих крыльях?

— У меня очень сильные крылья, — ответил колибри.

— Ну что ж, тогда летим.

И они полетели через Рио-Негро.

Колибри взлетел первым и, как всегда, так быстро замахал своими крыльями, что совсем исчез из глаз. Аист летел следом за колибри, медленно взмахивая крыльями.

Но едва они достигли середины реки, как крылья колибри поникли, и он упал в воду. Хорошо, что подоспел аист и протянул колибри свои длинные ноги.

— Садись-ка сюда, приятель, — сказал аист. И ему не пришлось повторять свои слова дважды.

Так они дальше и полетели: аист, медленно взмахивая своими крыльями, и колибри, уцепившись за длинные ноги аиста. И только на закате они увидели другой берег реки.

Вот теперь и подумай, кто же из них летает лучше.

Пересказала Л. Кокорина
Рисунки Е. Захарова

¹ Зверек семейства енотовых

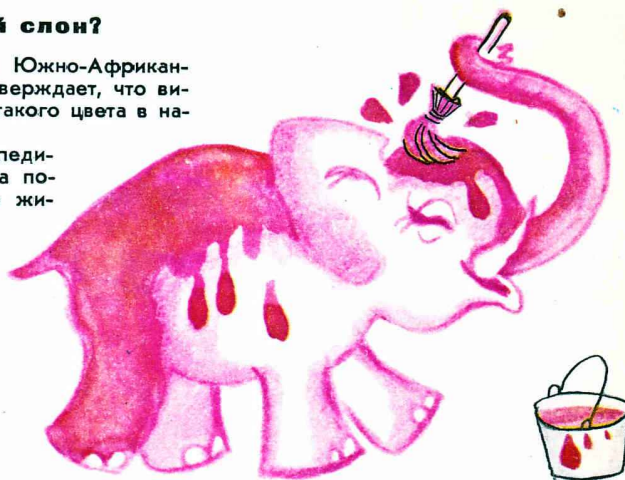
Всемирное обозрение
всяческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

Розовый слон?

Один из жителей Южно-Африканской республики утверждает, что видел слона именно такого цвета в национальном парке.

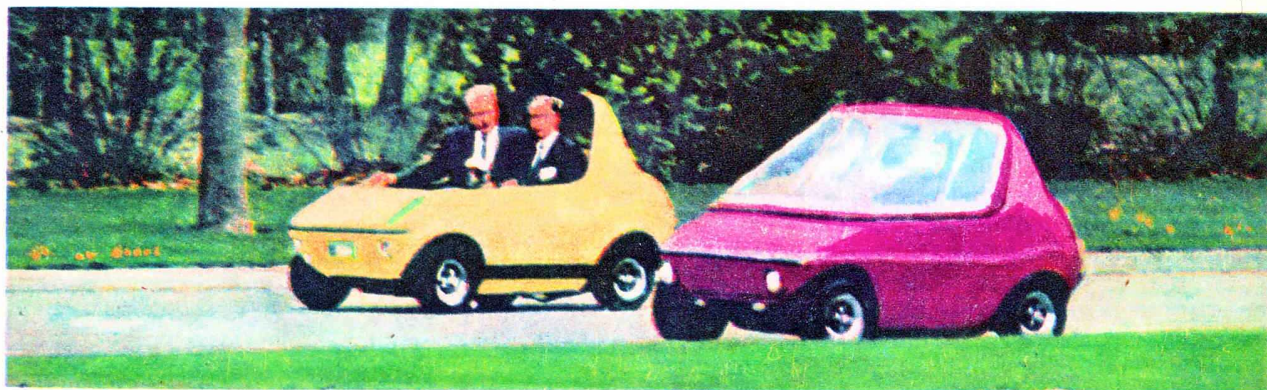
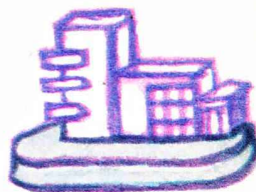
Специальная экспедиция отправилась на поиски удивительного животного.

Не боится землетрясений

Ребята из югославского города Скопле пошли в этом году в необычную школу. Во время строительства под фундамент этой школы был заложен венец — деревянные брусья по всем сторонам. Когда школа была готова, ее подняли домкратами и венец убрали, на его место положили пятьдесят четыре резиновые плиты толщиной 35 сантиметров. Затем школу опустили на резиновые плиты.

Специалисты считают, что в случае землетрясения, — а они в Скопле бывают часто, — школа не пострадает даже от значительных толчков.

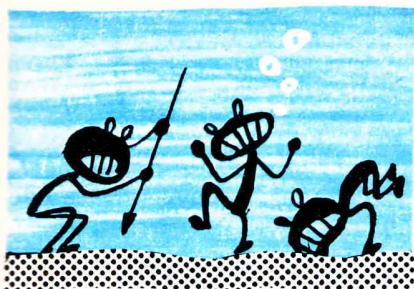

Миниавтомобили

Эти маленькие автомобильчики — вовсе не детские, а настоящие. Тесно становится на улицах больших городов. Можно на долгое время застрять в шумной автомобильной толпе у светофора на перекрестке. А какая теснота на стоянках, в гаражах! Выход есть — уверяют специалисты: уменьшить размеры машин вдвое, втрое. Первые образцы таких автомобильчиков уже созданы и в нашей стране и за рубежом. Размеры их чуть превышают полтора метра в длину и в ширину. Автомобили почти целиком сделаны из легких пластиков и оснащены

мотоциклетными или — еще лучше — электродвигателями, питающимися от мощных батарей. (Электродвигатели избавляют от вредных выхлопных газов). Скорость небольшая — 30—50 километров в час, но ведь больше и нельзя развивать на городских магистралях. Зато управление легкое: один-два рычага.

Автомобильчики компактны и вертки. Те, у которых три колеса (по мотоциклетной схеме: два друг за другом, одно — в стороне), могут прямо-таки крутиться на месте вокруг своей оси.

Можно фильтровать молекулы

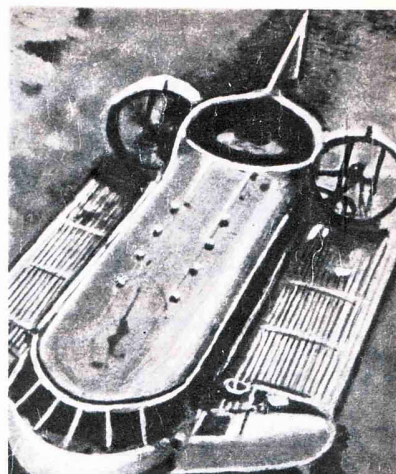
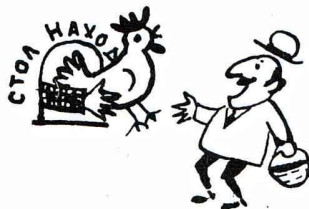
Обычно пресную воду из горько-соленой морской добывают путем выпаривания. Затем в полученную дистиллированную воду добавляют для вкуса те соли, которые содержатся в обыкновенной питьевой. И тогда морская вода становится годной для питья. Переработка требует много энергии и сложных устройств.

Группа ученых-химиков из Щецинского политехнического института в Польской Народной Республике создала уникальную установку для опреснения морской воды. Опреснение происходит с помощью сверхплотных фильтров, изготовленных из особых пленок. Ячейки-отверстия в них столь малы, что задерживают молекулы горьких морских солей и пропускают только воду, годную для питья.

Человек Рассеянный в Риме

Среди вещей, найденных ночными сторожами на улицах Рима в прошлом году, были: 5 овец, 2 осла, лошадь, 2 мула, 12 кроликов и 21 цыпленок; флажок, сейф, 13 телевизоров, 27 чековых книжек, 77 мотоциклов и 715 автомашин.

В годовом отчете ночных сторожей также записано, что 412 владельцев магазинов, уходя домой, оставили ключи в замочных скважинах.

Пароход летит над льдами

Завод «Красное Сормово» в Горьком — родина судов на крыльях, на воздушной подушке.

Недавно здесь сконструирован и построен речной экспресс «Сормович», развивающий скорость до 130 километров в час. Воздушная подушка, которую создает направленная мощная струя воздуха, позволяет экспрессу передвигаться не только над поверхностью воды, но и над льдами.

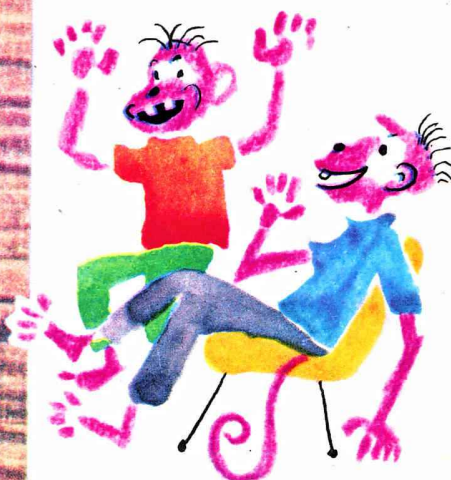
Шимпанзе играют в хоккей

Замысел дрессировщика Кеблера был прост: поделить группу шимпанзе на три команды. Каждой команде сшить своего цвета форму, надеть шлемы. А затем научить обезьян передвигаться на коньках. А потом еще обучить их игре в хоккей с шайбой.

И хотя дрессировщику все-таки пришлось немало

повозиться, звери научились ориентироваться на поле, дружно с клюшками бросаться в атаку на шайбу, даже загонять ее в ворота, правда, иногда в свои.

Теперь три хоккейные команды шимпанзе ведут непрекращающиеся соревнования в представлениях Венского балета на льду.

Спорт от 6 лет до 60

С. Юрьева

Илья Муромец, Дюк Степанович, Робин Гуд, Вильгельм Телль... Их сила, ловкость и меткие стрелы побеждали всегда и везде. Прошло много веков. Лук сегодня уже не грозное оружие в руках воина и охотника, а спортивный снаряд. Научись стрелять из лука — и ты станешь сильным, выносливым, приобретешь правильную

осанку, разовьешь глазомер, приучишь себя к выдержке.

Вроде летописи

Двадцатые, тридцатые, сороковые годы

Никто из спортсменов не интересуется луком (видно, и в голову не приходит).

Начало пятидесятых годов

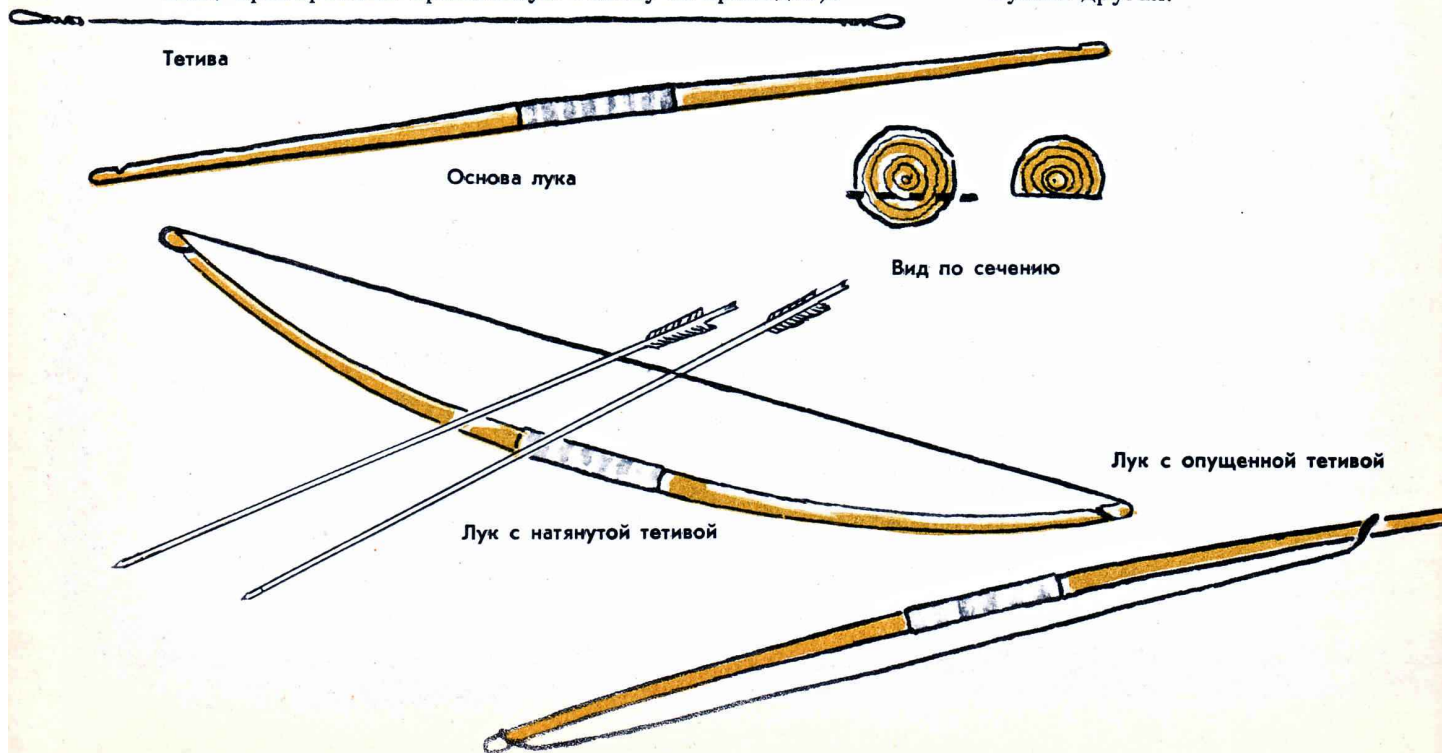
Появились первые болельщики лука в Советском Союзе. Кто занялся изготовлением луков, кто вербовал спортсменов. Труды их не пропали даром.

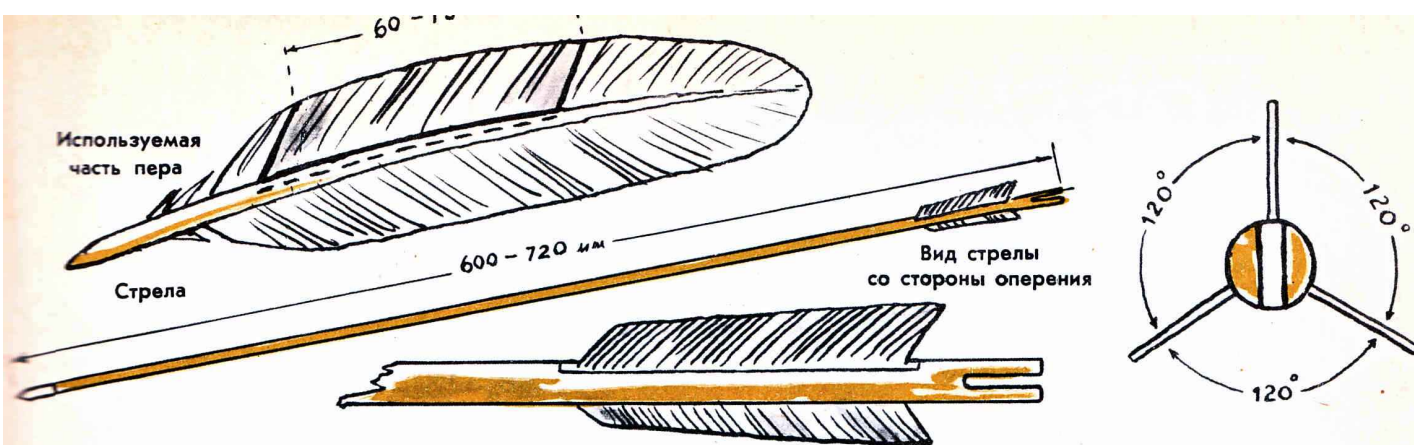
1957 год

Москва. III Международные игры молодежи. Впервые в СССР можно увидеть стрельбу из лука. Стадион «Авангард» переполнен. Наша сборная еще не участвует в состязаниях, только присматривается к спортсменам из Польши, Чехословакии, Финляндии. Нам интересно, как стреляют, как захватывают тетиву, и другие тонкости.

А вот приезжих гостей изумили наши бурятские лучники. Они метали длинные деревянные стрелы из луков древней формы, без современных сложных приспособлений и притом стреляли быстро и точно. И яркие национальные костюмы, и цветные войлочные валики вместо мишеней, и поющие стрелы с просверленными дырочками — все это казалось сказочным.

Но современные спортивные луки совсем другие, и техника нужна другая.

На что ушло шесть последующих лет?

В разных городах появились секции стрельбы из лука. В городе Львове стали выпускать фабричные луки. В лучный спорт приходят опытные спортсмены из других видов, среди них олимпийские и мировые чемпионы по пулевой стрельбе Анатолий Богданов, Иван Новожилов, Николай Калиниченко. Приходят люди всех возрастов — от школьников до пенсионеров.

1963 год

Первый чемпионат Советского Союза. Золотую медаль получает Таня Образцова. Все восхищены бронзовым призером — Вандой Станиславовной Копачинской. Эта пятидесятилетняя женщина всю жизнь занималась спортом — теннисом, лыжами, греблей, стрельбой. Теперь пришла очередь лука.

На что ушло еще шесть лет?

Выезжали в Индонезию, Польшу, Австрию. Проводили ежегодно первенства Союза. Учились, учились и учились.

Каждое натяжение тетивы — 18—24 килограмма, в день соревнований производят 72 выстрела. Значит, сумма усилий — примерно полторы тонны. Соревнования длятся четыре дня,

и для того чтобы их выдержать, во время тренировок допускают нагрузки в три-четыре раза большие. Да за стрелами надо побегать. А стреляют на 30, 50, 70 и 90 метров!

После первых тренировок но-

работу включаются и сердце, и дыхание, и... воля. Тебе вначале больно, но ты приучаешь себя к внимательности и собранности, иначе стрела не полетит точно и сильно; иной раз видишь — личного успеха уже не добиться, но продолжаешь «выкладываться» для команды.

1969 год

Соединенные Штаты Америки. Первенство мира по луку. Команда наших женщин — чемпион, а пятикратный чемпион СССР Виктор Сидорук шестой из ста четырех участников.

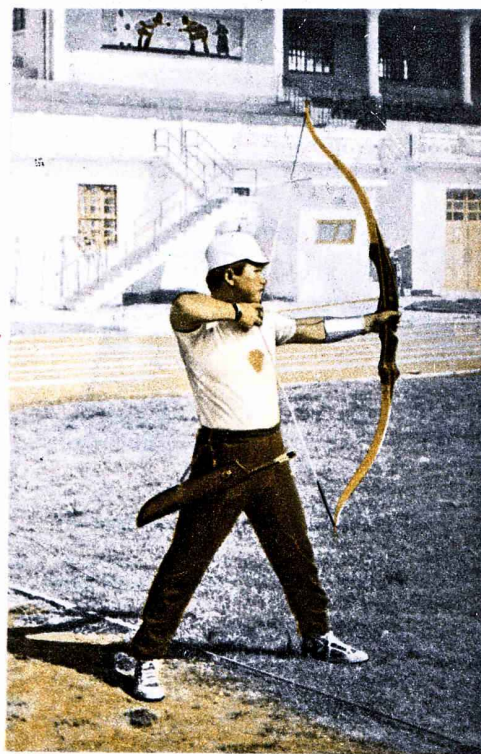
Для начала это просто здорово!

Как сделать лук

Его можно изготовить из тисса, древовидного можжевельника, клена, рябины, белой акации, бука, чинары, лесного орешника, шелковицы, ясеня, вяза.

На рогах лука делаются поперечные канавки для крепления бечевки или тетивы. Натягивая медленно, без резких движений тетиву, проверяют гибкость лука.

Для тетивы годится льняная или конопляная пряжа, сапожная дратва, искусственные волокна (лавсан, дралон и пр.). Одну петлю прикрепляют наглухо обмоткой к нижнему рогу лука. Верхний конец тетивы — скользящая петля. Лук хранят с опущенной тетивой, так со-

Современный спортсмен-лучник

ют руки, ноги, спина. Но стоит перетерпеть первое время, делать хорошую разминку перед стрельбой, и боль проходит.

У лучника всегда красивая осанка, крепкие мышцы. Попробуй выпустить стрелу далеко или метко, не напрягая мышц и не расправив грудь. В

храняется его упругость и прочность. Только на время стрельбы верхней петлей натягивают тетиву.

Рукоятку обертывают мягкой тесьмой, укрепляя в обмотке направляющий выступ для стрелы.

Для стрел годится дюралевая трубка или дерево (прямослойная береза, ель, сосна, кедр).

На оперение (стабилизатор) берут три пера гуся, лебедя или, лучше всего, индюка. Для одной стрелы нужны перья только одного крыла, иначе их разная кривизна будет тормозить полет. Нужную часть пера срезают на узкой тонкой полоске основания, которую зачищают напильником. Смазанное водоупорным клеем основание пера накладывают на смазанные отметки на стреле, а затем привязывают тонкой ниткой, пропуская ее через каждые полсантиметра сквозь бороздку. Когда клей окончательно высохнет, нитки снимают, а измятую бороздку распрямляют над паром.

Стрела должна быть прямой, без погнутостей, вмятин, зазубрин, с целым оперением. Ее шлифуют шкуркой, окрашивают в яркие цвета и покрывают бесцветным лаком, чтобы предохранить от сырости.

Бумажные мишени прикрепляют к круглому щиту, изготовленному из мешковины, набитой древесной стружкой, листьями или соломой и прошитой суровыми нитками.

Подробно об изготовлении луков можно прочитать в книге Э. Сетона-Томпсона «Маленькие дикари».

Что нужно помнить

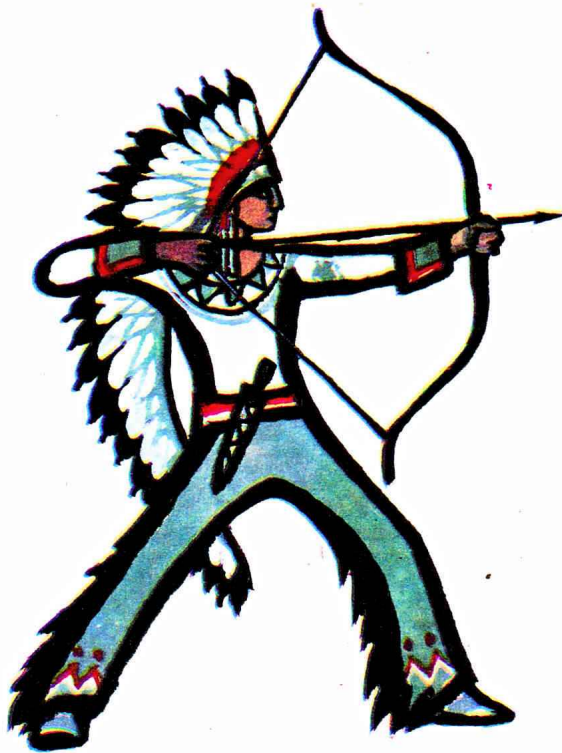
1. Чтобы за мишенями во время стрельбы не находились люди. Стрела может пролететь

мимо. Лучше всего устраивать стрельбище перед земляным валом или глухой стеной.

2. Натягивать лук со стрелой только на линии стрельбы; стрела должна быть направлена всегда в сторону мишеней.

3. Без предупреждения или команды стрельбу не начинать.

4. Прекратить стрельбу немедленно, если в зоне появятся люди или животные.

Воин индейского племени гуронов

5. Не натягивать чрезмерно тетиву.

6. Никогда не стрелять по животным и птицам.

7. Надевать во время стрельбы шапку или берет. Лук может лопнуть, и острые куски дерева поранят голову.

Из истории лука

Жители Африки, полинезийцы, американские туземцы, англичане пользовались «простыми» луками, изготовленными из одного куска дерева. Скифский, русский, монгольский, китайский луки сложные, из разных

пород, иногда с добавлением рога, жил и пр. У японцев луки из китового уса и бамбука, покрытые лаком.

В гробнице фараона Рамзеса (1348—1281 г. до н. э.) нашли остатки сложного лука из сухожилий, дерева и рога длиной больше метра. На деревянных его частях сохранились остатки позолоты.

Стрела, выпущенная из боевого лука, летела с огромной скоростью и обладала колоссальной силой. В средние века лучники пускали по двенадцать стрел в минуту и попадали в цель на расстоянии ста двадцати шагов.

Известно, что на состязаниях английских лучников XV века стрелы пробивали дубовую доску толщиной пять сантиметров на расстоянии трехсот шагов.

Ружье не сразу победило лук. Пока старинный солдат насыпал порох и загонял пулю, лучник успевал выпустить десяток стрел.

В мае 1560 года русские ратники ночью атаковали войско магистра Ливонского рыцарского ордена Кетлера. Немцы, вооруженные мушкетами, стреляли наугад, русские же, целясь на вспышки выстрелов, метали стрелы наверняка. К рассвету, не выдержав боя, «устремилась германцы на бегство».

Во время Отечественной войны 1812 года башкирские лучники в сражении при Велау обратили в бегство лихих кавалеристов генерала Груши. С гиканьем, на лохматых своих лошадаках налетая на французов то с одной, то с другой стороны, они беспрерывно на скаку метали тучи стрел, и не было от них никакого спасения.

Дружба

На листках, вырванных из ученической тетради, закорючки, палочки, горизонтальные черточки над значками... Но для тех, кому адресованы эти «письмена», они совсем не загадочны. Это — письма из Бомбея, Хардвара, Дели, Татанагора, Алахабада, Дехрадина, Алигарха... на языке хинди. Индийские друзья пишут школьникам, своим друзьям из Ленинграда.

В школе № 4 Калининского района ребята изучают язык хинди. Историю, географию и литературу Индии им преподают на хинди. Девангари — алфавит хинди — им стал привычен.

Хинди — государственный язык Республики Индии. Это значит, что его обязательно изучают во всех школах страны, чтобы каждый гражданин Республики, независимо от национальности, знал язык хинди.

Во многом жизнь индийских ребят отличается от жизни наших школьников, но у друзей всегда найдутся и общие интересы, и понятные друг другу тревоги и заботы.

«Здравствуйте, дорогие друзья Света и Лиди!»

Получил ваше долгожданное письмо. Мне было очень приятно узнать, что вы тоже праздновали столетие со дня рождения Ганди (2 октября 1969 г.). Его уважает весь мир.

Дорогие Лиди и Света, вы пишете, чтобы я не расстраивался из-за своего провала на экзаменах. Я думаю, что лучше, чем просто учиться, было бы делать какое-нибудь практическое дело. Вообще учебная программа в нашей стране очень изменилась. Но Индия — страна большая, и не до всех мест еще дошли эти изменения. Для нас некоторые вещи в программе обучения совершенно неприемлемы.

Мне наш курс кажется слишком большим: 9 книг по математике, 2 — по химии, 2 — по физике, 6 — по английскому и 6 — по хинди. И не только мне кажется трудным выучить это за один год, но — кому нужно учиться, тот учиться будет.

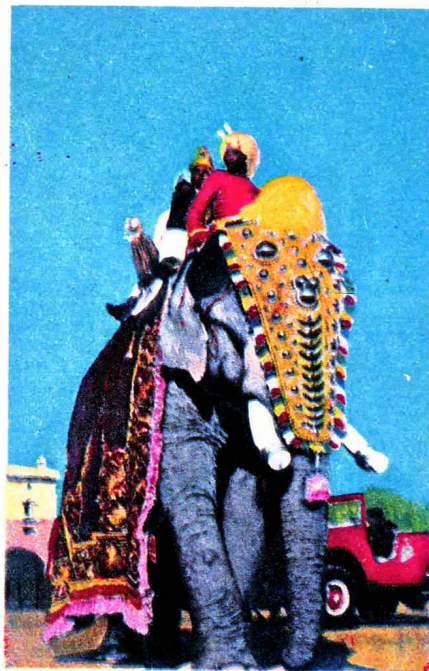
Я сердечно люблю вашу страну. Как я мог бы приехать в вашу страну? Пожалуйста, пришлите мне адреса нескольких школ, с которыми я бы мог договориться о том, как стать их учеником.

Я ваш всем сердцем. Хочу увидеть вашу страну.

Желаю вам успехов в учебе.

Ваш друг и брат Махендра Кумар».

О друзьях хочется знать как можно больше, и даже мелкие подробности из

Индийский слон на параде

बिन्नता

их повседневной жизни очень интересны.

«Дорогая Светлана!»

Я учусь в школе, которая называется Видьялай. Школа эта типа колледжа. Она находится в городе Найнитале, штат Утар Прадеш. Учиться в ней надо 11 лет.

Мои родители живут в Бомбее, поэтому я живу в интернате при школе. Я очень обрадовался, когда узнал, что Ленинград, где живешь ты, и Бомбей — города-братья.

Учебная программа у нас такая. Три обязательных языка — хинди, английский и санскрит; география, история и литература (индийская и всемирная), математика. Кроме того, у нас преподается Читыркала, куда входит обучение различным прикладным искусствам — рисованию, лепке, вышиванию. Каждый ученик может свободно выбрать то искусство, которое ему больше нравится и к чему он более способен.

Напиши мне, какие предметы проходят у вас в школе и какими искусствами ты увлекаешься.

Твой брат Абха Дага»

Лена Тарутина переписывается с ребятами из Болгарии, из ГДР. Но последнее время индийские друзья стали занимать в ее переписке первое место.

«Дорогая Лена!»

Я получил Ваше письмо, которое позволило расцвести надежде завязать переписку со школьниками из Советского Союза: таким дружеским и сердечным показалось мне Ваше письмо.

Самый любимый праздник учащихся — Сарасвати Пуджа — в этом году мы отмечали в январе. Все ученики нашей школы были заняты устройством праздника. Сарасвати Пуджа («Пуджа» означает «бескровная жертва») празднуется у нас очень пышно. Сарасвати почитается как мать и богиня науки.

Из глины делается статуя Сарасвати и раскрашивается разными красками очень красиво. У статуи четыре

руки. Двумя руками она держит вину (индийский струнный музыкальный инструмент), в третьей руке — книгу, а в четвертой — ожерелье. По преданию, Сарасвати плывет по реке на лебеде.

В день Сарасвати Пуджа с восьми до двенадцати часов происходит почитание богини, а после этого артисты (из самих же школьников) дают представление, которое продолжается до четырех часов.

В конце концов с пышными церемониями статую Сарасвати топят в реке. На этом праздник заканчивается.

Напишите мне, бывают ли у вас после экзаменов подобные нашим праздники.

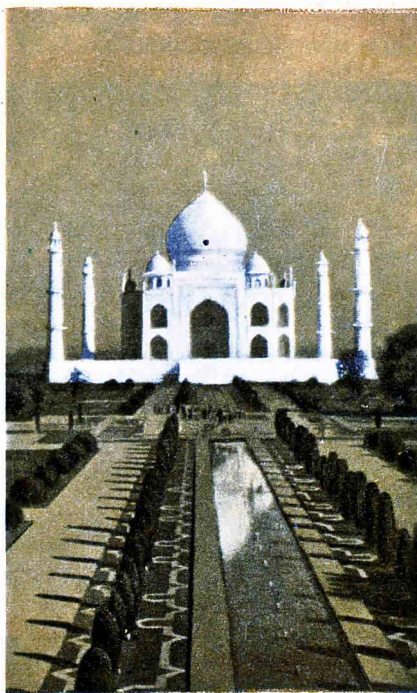
Я живу в Бирпуре — поселке, который постепенно становится городом. У нас есть очень большой базар, как Гостиный двор. По двум его сторонам — площади. В центре — круглая площадь с фонтаном...

В ответном письме напишите мне, пожалуйста, свой адрес по-русски большими буквами.

Ваш друг Викрам Синх Кумар».

У Любы Кресловой и Светланы Меркуловой в Индии много друзей. Со многими из них они встречались здесь, в Ленинграде. Письма, которые получают Люба и Светлана, очень интересны. В нескольких письмах тоже рассказывается об индийских праздниках.

Народы Индии умеют отмечать свои многочисленные праздники весело и разнообразно. Одни праздники посвящены сменяющимся временам года, другие — дням рождения национальных героев, третьи берут начало от мифов и легенд еще доисторического времени. Во всех этих праздниках проявляются

Гробница Тадж Махал

Satvinder Kour
12 Chandr nagar
Dehradun

सतविन्दर कौर १२
चन्द्र नगर देहरादून

Motilal M. Sahu
Itvari bazar
Amaravati

मोतीलाल एम साहू
इतवारी बाजार
अमरावती

художественные способности народа, многообразие культурных традиций.

Пожалуй, самый любимый праздник — Дивали, или, как его еще называют, Дипавли. В ноябре во всех домах и около домов зажигаются огни, в небе рассыпаются фейерверки, на порогах домов женщины выкладывают узоры из рисовой муки... Идет Дивали — праздник огня.

Празднуется в Индии и Новый год, и не один раз, а семь, — в разных штатах в разное время, но преимущественно в марте-апреле.

Не только ребята, но и взрослые увлекаются запуском воздушных змеев. Существует в Индии даже отрасль промышленности, выпускающая бумажные змеи.

Но настоящие любители этого спорта предпочитают мастерить их сами.

Индийские ребята интересуются историей и географией Советского Союза, хотя знают, как живут и учатся советские школьники. Они хотят переписываться с ними. Вот несколько адресов (по-английски и по-хинди).

Если вы не знаете ни английского, ни хинди, то пошлите письмо по адресу: Ленинград, проспект Мечникова, дом 5, школа № 4. Завучу по иностранному языкам Нине Михайловне Яковлевой — и попросите, чтобы учащиеся этой школы перевели ваше письмо на хинди.

Странички «Дружбы» подготовил К. Феноменов

Сначала в горшочке на подоконнике цветочки расцвели. А цветочки вдруг однажды стали чудесными красненькими аккуратненькими турецкими перчиками. Волшебство да и только!

Ходит Алян вокруг перцев и хочется ему узнать, почему перец вырос дома, и почему он расти продолжает, и что там внутри имеется.

Да как узнаешь?

И вот, когда он был один, сорвал Алян перчик, зажал его в кулачке, сел в угол на пол, расковырял стручок, увидел семечко, понюхал, на язык попробовал, сморщился, да так ничего и не понял.

Сидит он в углу, а в это время входит мама.

— Подозрительная тишина, — говорит она, — ты, случайно, ничего не натворил? Алян сжимает в руке перчик, волнуется и говорит:

— А разве что-нибудь случилось?

Мама говорит:

— У меня ничего не случилось, а с тобой ничего не произошло?

— А что такое? — испуганно спрашивает Алян, поглядывая на перцы в горшке.

— Ничего, — отвечает мама, — что-то, думаю, он притих? Оказывается, он просто тихий мальчик, вот и все.

Мама ушла, а „тихий мальчик“ осторожно приставил перчик на то же место, откуда оторвал. Пусть дальше растёт. И никто ничего не узнает.

Через некоторое время Алян подошел к горшку и видит, что перчика нет.

Он валяется на полу у батареи...

Перчик не будет теперь расти. Безнадёжно его приставлять обратно.

И Алян заплакал.

Виктор Голявкин

1

Музыка В. Запольского
Стихи А. Крестинского

Припев: Ах, лесенка,
Ты лесенка,
Четыре этажа.
Насвистываю
Песенку,
По лесенке кружа.

1.
Нажимаю в стене
Кнопочку у двери:
Раз — к тебе,
Два — ко мне,
Три — к Петровой Вере.
Припев.
2.
Сразу десять ребят
Выглянули в щелку:
— Это кто, —

говорят, —
К нам звонит без толку?
Припев.

3.
Отворяйте, друзья,
Леша, Петя, Жорка!
Это я и моя
Первая пятерка!

2 раза

Припев: Ах, ле-сен-ка, ты

ле-сен-ка, че-ты-ре э-та-жа. На-сви-сты-ва-ю пе-сен-ку, по

ле-сен-ке кру-жа. На-жи-ма-ю в-сте-не кно-поч-ку у

две-ри: раз-к те бе, два-ко мне, три к Пет-ро-вой

1.2. Ве-ре. Ах

1.3. тер-ка! Э-то я и мо-я пер-ва-я пя-тер-ка!

3

СТАРИКИ-ВЕСЕЛЬЧАКИ

Как в деревне Васильки
У Веселой у реки
Жили-были старики,
Старики-весельчаки.

Дед Архип хитер,
Запалил костер,
Посреди пруда,
Карасям — беда!
Кипи, водица!
Варись, ушица!

А бабушка Марфа
Связала полшарфа,
От конюшни до овина —
Во какая половина!

У Никиты — ха-ха-ха! —
Жизнь и вовсе не плоха.
А сегодня — вот потеха! —
Дом обрушился от смеха.

Веселихин дед Егор
Кинул на небо топор.

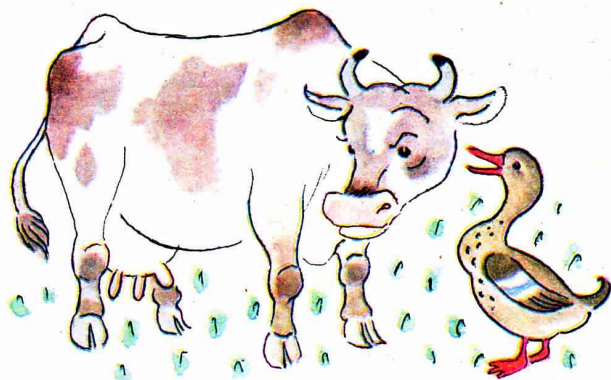
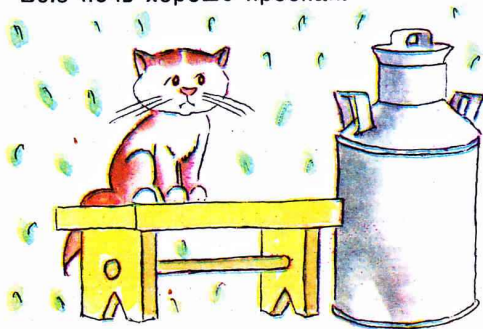
Раскололись небеса
И открылись чудеса:
Небо — голубое!
Солнце — золотое!
Выбирай любое —
Все твое!

А. Крестинский

ПОЧЕМУ КОТЕНОК ГРУСТНЫЙ

Сегодня котенок грустный,
А почему он грустный —
Котенок и сам не знает,
Никто не подскажет ему.
Встретил корову котенок,
Встретил утку котенок.
— Грущу я, — котенок вздыхает, —
А отчего — не пойму.
— Обидел? — корова спросила,
— Брата? — утка спросила.
— Нет, — говорит котенок, —
Брата не обижал.
— Значит, — корова сказала,
— Не выпался, — утка сказала.
— Нет, — говорит котенок, —
Всю ночь хорошо проспал.

— Разбил ты? — корова спросила,
— Чашку? — утка спросила.
— Нет, — говорит котенок, —
Чашку не разбивал.
— А может, — корова вздохнула,
— Болен? — утка вздохнула.
— Нет, — говорит котенок, —
Я не болею пока...
— Чего же, — корова вскричала,
— Грустишь ты? — утка вскричала.
— Вспомнил, — крикнул котенок, —
Сегодня не пил молока!

В. Шех

Рисунки Б. Семенова

ОТВЕЧАЕТ ЧЕМПИОН МИРА

В штаб Арчебека поступило много вопросов о шашках. Решили, выделив три важнейших, обратиться с ними к самому чемпиону мира — Андрису Андрейко. И вот наш летописец Вася Ладейкин в 8.30 сел в автобус, в 9.10 поднялся по трапу на самолет, в 10.30 приземлился в Риге, а в 11.45 уже разыскал прославленного гроссмейстера и от имени всех рыцарей задал ему три вопроса.

— Андрис Георгиевич, в какие шашки разыгрывают первенство мира?

— В шашки играют во всех странах, но в каждой по-своему. Вы знаете шашки русские, но есть английские и немецкие, испанские и итальянские, турецкие и канадские... В одних простая шашка не бьет назад, в других — не бьет дамку, в третьих дамка ходит только на одну клетку и тому подобное. Но наряду с национальными шашками существуют и международные. В них играют везде одинаково, и поэтому они годятся для соревнований шашистов из разных стран, то есть для первенства мира. Международные шашки часто называют стоклеточными: доска в них разбита не на 64 клетки (как в русских шашках), а на 100. Шашек тоже больше — 20 белых и 20 черных.

— Давно ли появились международные шашки?

— Международные шашки в 20 раз старше двенадцатилетнего арчебековца, но в 20 раз младше известной с очень далеких времен первой шашечной игры.

— Где предстоит вам защищать свой титул?

— В шашках чемпиону мира почивать на лаврах не дают. Титул я приобрел победой в Олимпийском турнире в 1968 году, а уже в 1969 должен был вновь сразиться за него в матче с бывшим чемпионом Исером Куперманом. В 1971 году я опять буду играть матч на первенство мира. Но желающих вызвать меня было много, и поэтому все претенденты встретились летом этого года в турнире в Монако. Там всех опередил и стал победителем снова Куперман.

С ним и состоится моя дуэль.

АРЧЕБЕК

СООБЩЕНИЯ ТАШШ

(Телеграфное агентство шахматистов и шашистов)

Из штаба Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток передают: рыцарский турнир Арчебека подходит к концу — осталось два тура. На финише борьба за призы и спортивные разряды обострилась. Шахмат-адмирал Ферзьбери по-прежнему награждает дипломами 20 рыцарей, которые присылают лучшие рапорты месяца.

* * *

Известный шахматный конструктор А. Домбровский изобрел оригинальную шах-ракету, предназначенную для полета Земля — Луна. Ее схема — на диаграмме.

Земля — белые фигуры, Луна — черные. Ракета трехступенчатая: прилунение и мат достигаются в три хода. Полет ракеты четко прослеживается при решении.

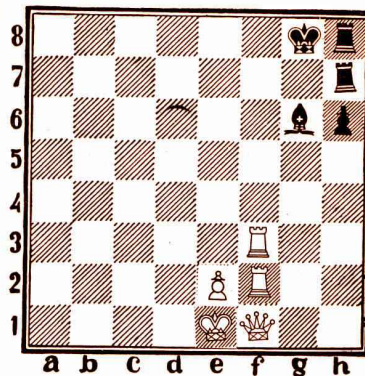
СОРВИТЕ С НИХ МАСКИ

Вчера ночью трое неизвестных совершили дерзкий налет на арсенал Арчебека и похитили скорострельные автоматические двухходовку, трехходовку и четырехходовку, созданные лучшими арчебековцами. С этим оружием в руках бандиты крайне опасны.

Долговязый ходит в зеленой маске. Завладел двухходовкой «А» рыцаря Саши Салова из Няндомы — белые: Кре7, Фа4, Лh4, Кb4, пп. d6, f3; черные: Кре5, Сс8, Ке2, пп. c5, e6, f5.

Маска черная. Унес трехходовку «Б» рыцаря Володи Резцова из Тулы — белые: Крf3, Се4, Се5, Кf4, п. f6; черные: Крh4, пп. f7, h5.

Коренастый носит желтую маску. Похитил четырехходовку «В» рыцаря Володи Зверева из Ленинграда — белые: Крс6, Ch1, Ка6, пп. b4, c3, f6; черные: Кра8, Лg2, пп. a7, b5, b6, f7.

Всем, всем, всем рыцарям! Встретив бандитов, немедленно их обезоружьте! Рекомендуются приемы — дать мат в 2 хода зеленой маске, в 3 — черной, в 4 — желтой!

ПРИКАЗ № 9

Я, главнокомандующий Арчебеком, приказываю:

§ 1. Шахматистам — выловить и обезоружить трех бандитов.

§ 2. Рыцарям — совершить полет на трехступенчатой ракете.

§ 3. Шашистам — найти, как выиграть белыми в этюдах.

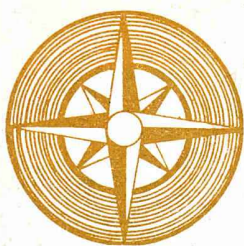
А. Белые: дамка h2, простые f4, g1; черные: простые b4, f6.

Б. Белые: дамка c5, простые e1, h2; черные: простые c3, f4, g3.

В. Белые: дамка a5, простая a3; черные: простые a7, f4.

§ 4. Срок — до 15 ноября. Поправки и дополнения не принимаются.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

ОТЕЦ И СЫН С „БЕЗУПРЕЧНОГО“

Шла Великая Отечественная война. Из Новороссийского порта к осажденному Севастополю каждую ночь уходили боевые корабли Черноморского флота...

Темно, беззвездно. Гудит в антеннах теплый ветер, вспыхивает белыми пятнами за бортом вода, дрожит металлическая палуба. Эсминец идет к берегам Крыма. У 37-миллиметрового автомата прикорнули двое комендоров. Второй номер — совсем мальчишка.

— Ну, как, Володя, что говорит отец? Дойдем?

— Отец молчит.

И снова дремлют, привалась кто к стволу, кто к брезентовому обвесу.

С рассветом обозначились голубые горы. Острым зубцом поднялся Ай-Петри. И тогда ударили колокола громкого боя. Тревога! В рассветном небе повисли черные точки. Двадцать «юнкерсов» шли на корабль. Часто захлопали автоматы, затрещали крупнокалиберные пулеметы. С тяжелым ревом один за другим стали валиться на эсминец «юнкерсы». Они пикировали почти до мачт, светлые трассы снарядов неслись им навстречу. Три фашистских самолета рухнули в воду. Остальные продолжали пикировать.

Огненный столб вырос над кораблем. Бомба попала в котельное отделение. «Безупречный» разломился пополам. По приказу командира люди стали покидать корабль.

Сам командир — Петр Максимович Буряк, отец Володи, оставался на мостике и погиб со своим кораблем.

И Володя не доплыл до берега. Слишком далеко был этот синий, похожий на длинное облако берег...

Две музейные фотографии. Отца и сына. Они плавали на одном корабле. Володя Буряк пошел на

флот добровольцем, юнгой. Суровая мужская дружба не позволила отцу оставить сына на берегу, когда корабль уходил в свой самый трудный поход...

Историю Володи Буряка и его отца нам рассказала научный сотрудник Новороссийского музея истории и краеведения Б. Д. Старикова.

Морские следопыты

Может быть, среди ваших земляков тоже были моряки, которые сражались за Новороссийск? «Морская газета» ждет ваших сообщений.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ И ПОРТАХ

абвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюя абвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюя абвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюя

Моря сейчас отданы теплоходам, судам с электрическими и паровыми двигателями. Многоэтажные гиганты важно проплывают мимо спортивных яхт, маленьких учебных шхун, парусных шлюпок с курсантами.

А напрасно, именно корабли с белыми башнями парусов первыми пересекли океан, обошли вокруг света, на их палубах стояли Крузенштерн и Нахимов.

Вот рангоут и стоячий такелаж яхты, вооруженной бермудским шлюпом. Рангоут — это все, что служит для постановки и несения парусов, деревянные или железные мачты, стеньги, рей.

Стоячий такелаж — снасти, поддерживающие рангоут, туго натянутые стальные или пеньковые, тонкая паутина среди мачт, если смотреть со стороны.

1 — мачта

2 — гик

А — штаг

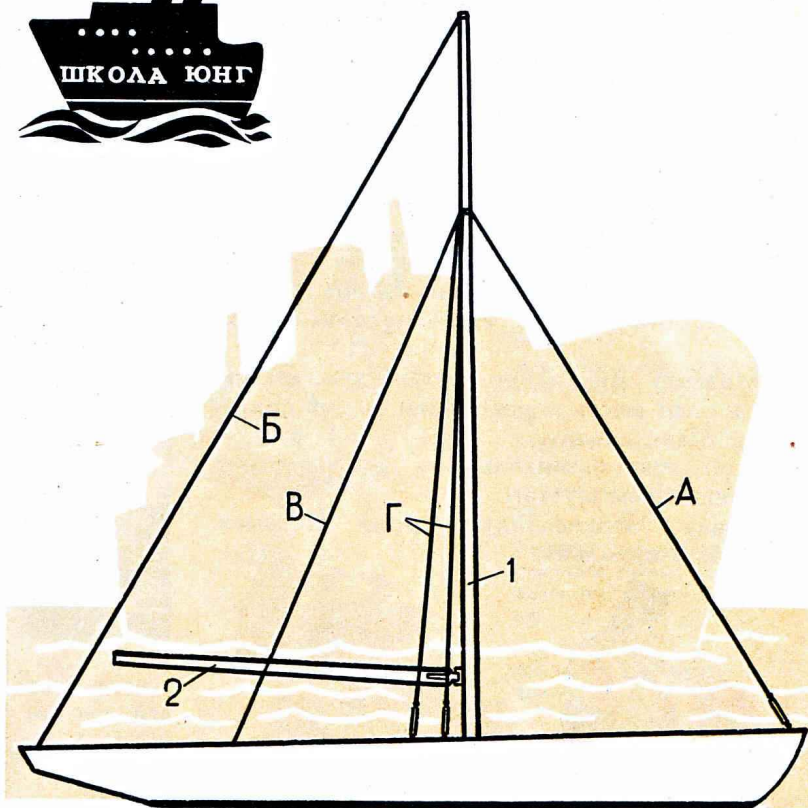
Б — ахтерштаг

В — бакштаг

Г — ванты

— И верно, нет почета теперь парусникам. Совсем про них забыли.

— А вот и нет. Каждый корабль с механическим двигателем должен уступать дорогу парусному.

абвгдежзийклмнопрстуфхцабвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюя абвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюя

Капитан Быстроходов и боцман Румпель сообщают ответы на вопросы викторины.

«Тихоокеанской «Авророй» называют иногда «Красный вымпел», первый боевой корабль советского Тихоокеанского флота. Он тоже поставлен на вечную стоянку — во Владивостоке, в бухте Золотой Рог.

Винт в носу ставят на некоторых ледоколах. Он помогает размывать лед.

Чаще всего в цирках и кино выступают дельфины — афалины.

А теперь новые вопросы викторины.

- 1) Какая глубина на Северном полюсе?
- 2) Видит ли кит свой хвост?
- 3) Бывает ли море белого цвета?
- Ждем ваших писем!

Ты мечтаешь о море? О быстроходных кораблях? О курсантских погонах с золотым якорьком? Ты хочешь стать военным моряком?

Тогда запомни адрес:

Ленинград, П-46, Нахимовское училище, Приемная комиссия.

Заметь также:

требуется знание английского языка, восьмилетнее образование, крепкое здоровье.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Президента Линкольна ненавидели не только рабовладельцы из южных штатов, на битву с которыми послал он подчиненные ему войска. Среди североамериканской знати Нью-Йорка и Бостона многие относились с презрением к «неотесанному лесорубу», родившемуся не в элегантном особняке, а в бревенчатой хижине.

Генерал Макклеланд решил поиздеваться над президентом и, в ответ на распоряжение присылать точные донесения обо всем, что происходит на фронте, откликнулся следующей телеграммой:

«Президенту Линкольному. Белый дом. Захватили в плен шесть коров. Ждем ваших приказаний. Макклеланд».

Краткий ответ Линкольна у многих отбил охоту к подобным шуткам:

«Генералу Макклеланду. Армия Потомак. Подоить. Линкольн».

НЕ ЗАТЯНУЛСЯ ЛИ СПОР?

Философы в древнегреческой Академии весь день спорили о том, что есть мудрость. Остроумный молодой человек по имени Эвдамид заметил по этому поводу:

— Если эти глубокие старцы еще только выясняют, что такое мудрость, то когда же они найдут время ею воспользоваться?

ГЕРБАРИЙ-РЕБУС-ПЛАКАТ повесили ребята в уголке живой природы. Его может прочесть только тот, кто знает названия этих растений:

3,5,8,A,5,1 2,1,5,4
1,3,2 3,4,4
2,3,2,1

РАЗГОВОР ПОСЛЕ ФУТБОЛЬНОГО МАТЧА

— Редкое совпадение! В том матче участвовали пять футболистов с фамилией Иванов!

— Да, и все мячи забили Ивановы!

— А ты знаешь, что Иван Иванов и Петр Иванов из «Динамо» — родные братья?

— Который Иван Иванов — защитник или нападающий?

— Конечно, нападающий! У защитника Ивана Иванова наоборот — брат один из Ивановых, играющих в «Спартак».

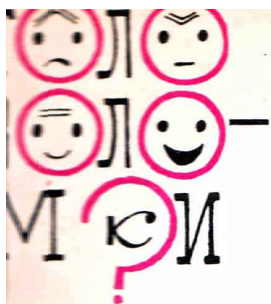
— Выходит, братья обменялись голами?

— Вот именно. А те два брата забили один на двоих.

— Но если прибавить голы, которые забил Василий Иванов, и разделить на всех Ивановых, то как раз будет на каждого по голу.

— Ну да. Если считать и тот гол, который он забил в свои ворота.

А теперь вопрос к тем, кому не посчастливилось побывать на стадионе в этот день: какой счет в матче?

В ЧАСОВОЙ МАСТЕРСКОЙ

Когда пять минут назад мы вошли в часовую мастерскую, ни одни часы не показывали одинаковое время с другими. Теперь они показывают вот что:

— Только одни часы идут правильно, — сказал часовщик. — Двое часов стоят. Двое спешат, но не более чем на 6 часов, а двое отстают, но тоже не более чем на 6 часов.

Который час?

ОТВЕТЫ

«Костер» № 6. «Узелковое письмо». «Будет вам от нас». «Мы сами с усами».

«Четыре актера».

Актер
Женя Игорь Леня Саша
Роль
Саша Женя Игорь Леня

СОДЕРЖАНИЕ

Восемь дней в неделю
повесть Ю. Томина
рисунки И. Харкевича

1

Сколько человеку красоты надо
беседа Н. Сладкова
фото автора
рисунок Н. Муратова

13

Мой дедушка-памятник
повесть В. Аксенова
рисунки М. Беломлинского

16

Путешествие на «Ра»
дневник Ю. Сенкевича

31

Мой отряд через сорок лет
вспоминает Г. Ларичев

37

Страна Поэзия
Семен Ботвинник
рисунок В. Орлова

38

Разговор продолжается
открытое письмо
Анатолия Маркуши

40

Авионетка
рассказ А. И. Куприна

43

Дом — прозрачные стены
очерк В. Осинского

45

Мой отец
рассказ Саши Глячкова
рисунки Н. Кустова

49

Вот так штука
обозрение
рисунки А. Януса

52

Спорт от 6 лет до 60

54

Дружба

57

Уголёк
журнал для малышей

59

Арчебек

61

Морская газета

62

Уголок веселого архивариуса
и головоломки
рисунки М. Беломлинского
и И. Казаковой

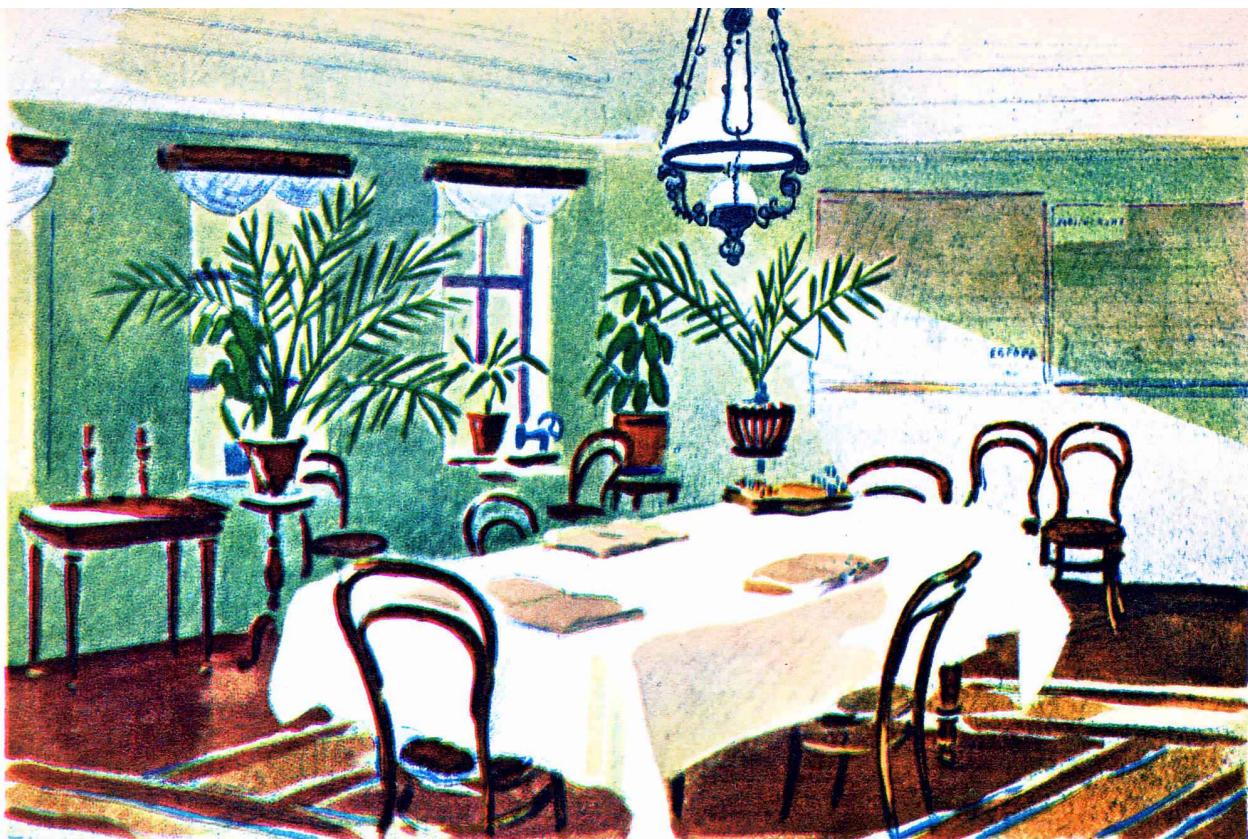
64

На обложке
фото Ю. Сенкевича

Колетёр

Главный редактор **В. В. Торопыгин**
 Редакционная коллегия: **Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погонин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская** (ответственный секретарь), **Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан** (зам. редактора)
 Художник-редактор **Ю. П. Мезерницкий**
 Технический редактор **В. И. Мецатунова**
 Корректор **В. А. Маевская**
 Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76
 М-29473. Подписано к печати 27/VI 1970 г.
 Формат 60×90 $\frac{1}{4}$. Печ. л. 8. Тираж 390000 экз.
 Заказ № 3124. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика
офсетной печати № 1
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете
Министров СССР.
Ленинград.
Кронверкская ул., 7
Рукописи не возвращаются

СТОЛОВАЯ (Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске)

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“ автолитографии В. Ветрогонского
„ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ“

